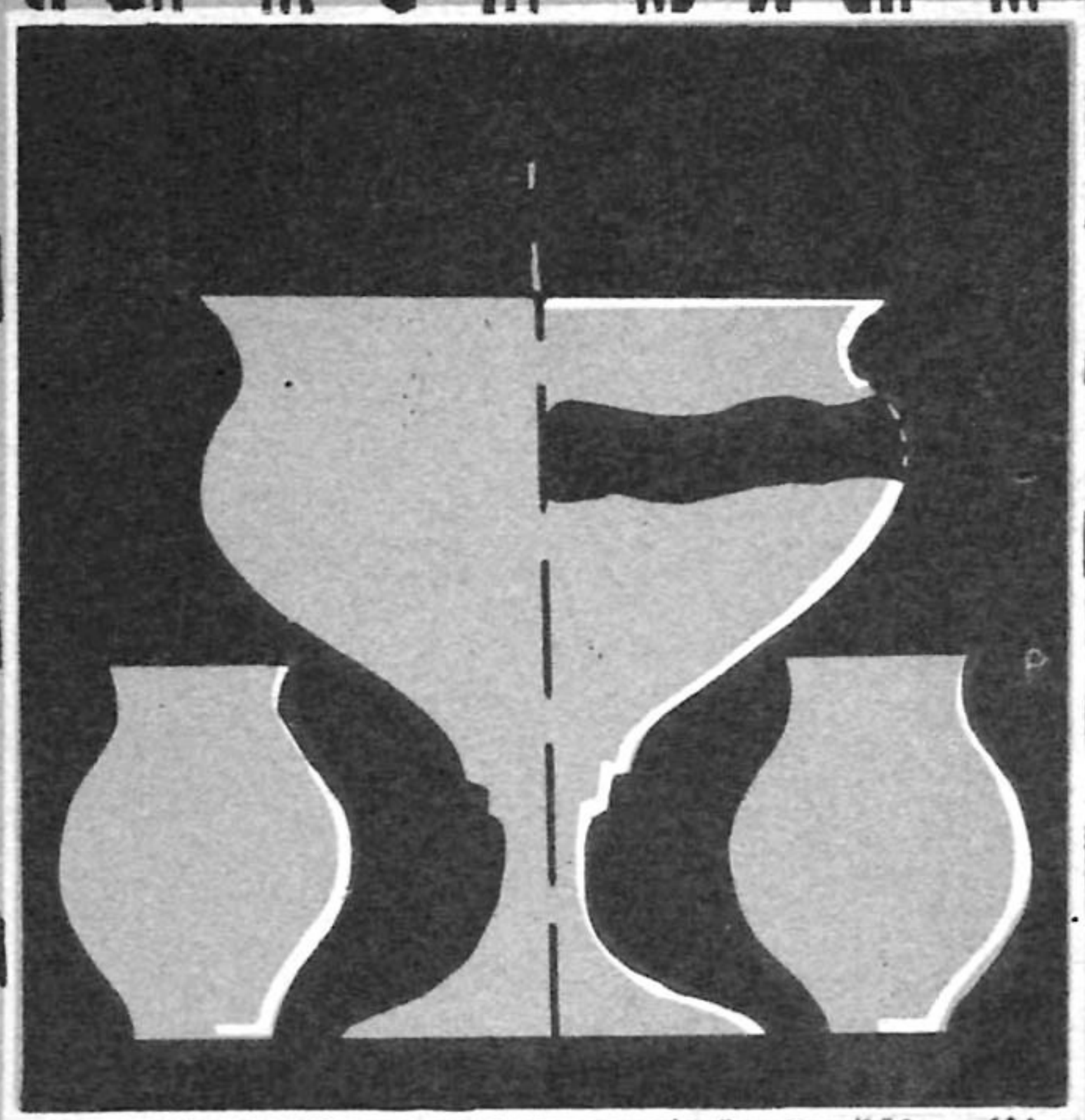

КРАЕВЕДЕНИЕ СУРХАНДАРЬИ

„УЗБЕКИСТАН“

СУРХАНДАРЬИНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

КРАЕВЕДЕНИЕ СУРХАНДАРЬИ

(Сборник статей)

ТАШКЕНТ
«УЗБЕКИСТАН»
1989

Сурхандарьинская область УзССР — область зарождения оседло-земледельческой цивилизации, средоточия выдающихся археологических памятников и географических достопримечательностей. О новых археологических открытиях в этой области, памятниках истории, экспозиции и стендах Сурхандарьинского областного краеведческого музея рассказывается в публикуемом сборнике статей, подготовленных учеными Москвы, Ташкента и Термеза.

Рассчитана на археологов, историков, искусствоведов, краеведов и всех тех, кто интересуется своим краем.

Одобрено на заседании Ученого совета Сурхандарьинского областного краеведческого музея.

Рецензенты: кандидат исторических наук С. Б. Лунина,
кандидат искусствоведения А. Б. Джумаев

Под общей редакцией кандидата исторических наук
Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

Редактор И. Богодарова

Издано по заказу Сурхандарьинского областного краеведческого музея, 1989 г.

Х. К. САИДОВ

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУРХАНДАРЬИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Сурхандарьинский областной краеведческий музей был создан в сентябре 1933 г. на базе межрайонной выставки достижений народного хозяйства Сурхандарьинской группы районов за советский период.

7 сентября 1933 г. была построена первая экспозиция — «Социалистический период», которая размещалась в двух комнатах общей площадью 32 м².

Инициатором создания музея и первым его директором стал Г. В. Парфенов, который обозначил линию деятельности музея. Он говорил: «Сурхандарьинский государственный межрайонный музей должен содействовать разносторонними и наглядными материалами изучению природы, культуры, народного хозяйства, быта, искусства Сурхандарьинской группы районов УзССР, как в прошлом, так и в настоящем... быть идеологическим и организационно-научным центром музейного строительства в районах Сурхандарьинской группы» (Парфенов, 1940, с. 9).

Вместе с Парфеновым в штате Музея вначале состояло 5 человек, которые с первых дней своей работы включились в научно-исследовательскую работу.

Немногие сурхандарьинцы знают, что создание Термезского зоопарка неразрывно связано с Музеем.

Как-то весной 1934 г. в Краеведческий музей мальчик принес огромную ящерицу — серого варана. Ее заспиртовали, и как экспонат музея выставили для обозрения посетителям. Узнав о том, что Музей принимает птиц и зверей, мальчишки, а затем взрослые, стали приносить различных животных. Через несколько дней их накопилось столько, что пришлось в срочном порядке во дворе

Музея организовать зоологический уголок. Тогда и было решено создать в Термезе зоопарк (Халияров, Бычков, Блинников, 1974, с. 31).

В период работы Термезской Археологической Комплексной Экспедиции (ТАКЭ) научные сотрудники Музея принимали самое активное участие в изучении памятников материальной культуры.

Необходимо отметить, что работы ТАКЭ способствовали не только пополнению фондов Термезского музея, но и играли большую роль в укреплении самого Музея, так как сотрудники Музея перенимали опыт работы у таких выдающихся ученых-археологов, как М. Е. Массон, В. А. Шишкин, Б. Б. Пиотровский, Г. А. Пугаченкова.

В 1936 г. штат Музея состоял из 31 человека, из которых 10 были научными сотрудниками. Структура Музея была следующей: отдел социалистического периода отражал развитие края за период Советской власти и строился на подлинных экспонатах, собранных сотрудниками Музея. Отдел дореволюционного прошлого раскрывал экономическое, политическое и социальное положение края в прошлом, когда территория входила в состав Бухарского эмирата. С развертыванием археологических работ в области Музей получил возможность расширить хронологические рамки. Для этого были организованы выставки находок из археологических раскопок.

К этому периоду относится и создание отдела природы, в котором представлена флора и фауна края.

Великая Отечественная война на какое-то время приостановила научную работу, так как многие сотрудники Музея сражались на фронтах.

Но и в это время шло изучение горной части области с целью фиксации мест стоянок первобытных людей.

В конце 40-х гг. на работу в Музей возвращается В. А. Козловский, который на протяжении четырех десятков лет становится его бессменным заместителем директора. Именно в эти годы Музеем ведутся большие археологические работы на территории области. Под руководством В. А. Козловского раскопаны и изучены Кушанский вал — оборонительная стена в комплексе с водопроводом (I—III вв. н. э.), усадьба ремесленника (XII—XIII вв. н. э.), «Курган» на городище Старого Термеза — давший великолепный комплекс одежды V—VII вв. н. э.

Музей постоянно поддерживает тесные контакты с археологическими экспедициями и учеными, занимающимися изучением памятников материальной культуры на территории Сурхандарьинской области. Это сотрудничество было заложено работами ТАКЭ и продолжалось на протяжении всех последующих лет.

Сотрудники Музея принимали участие в работах экспедиций Института археологии АН УзССР, Института искусствознания им. Хамзы, Музея истории народов Узбекистана им. Айбека, которые изучали такие уникальные памятники, как Балалыктепа, Хайрабадтепа, Халчаян, Дальверзинтепа, Чингистепа, Фаязтепа, Кампыртепа и др.

Музей гордится экспозицией отдела истории дореволюционного прошлого, которая охватывает период от первобытно-общинного строя до времени присоединения края к России. Здесь представлены разнообразные экспонаты, такие как коллекция каменных орудий из пещеры Тешик-таш, комплекс посуды эпохи бронзы с памятников Сапалитепа, Джаркутан, Жжинжактепа, скульптура из буддийского комплекса Фаязтепа, керамический комплекс периода раннего средневековья с памятника Балалыктепа, этнографический материал, отражающий социальное положение и быт трудящихся до Великой Октябрьской социалистической революции.

Отдел истории советского периода размещен в двенадцати залах, и начинается со времени установления и упрочения Советской власти. Здесь выставлены подлинные мандаты, телеграммы, удостоверения участников революционных событий, происходивших в крае.

В разделе Великая Отечественная война на подлинных документах показано участие в ней сурхандарьинцев.

В залах, посвященных послевоенным пятилеткам, особое место отводится показу достижений сельского хозяйства.

Раскрывается значение ирригационных и мелиоративных работ для освоения новых земель под нужды сельского хозяйства. Экспозиция отдела истории советского периода заканчивается постоянно действующей выставкой «Сурхандарья от съезда к съезду», на которой всегда можно ознакомиться с материалами и решениями партийных съездов, конференций и совещаний.

Отдел природы, размещенный в шести залах, отражает физико-географическую характеристику края, дает

наглядное представление о природных ландшафтах, животном и растительном мире области. Анализ показал, что значительную группу среди посетителей Музея составляют труженики села. Но не каждый житель села может приехать в город или областной центр специально для знакомства с экспозицией Музея, поэтому с колхозами и совхозами области заключаются договоры по культурному обслуживанию труженников села. Работники Музея организуют на селе постоянно действующие передвижные выставки, проводят выездные лекции на полевых станах, встречи со знатными людьми области, создают фотоальбомы.

Это многообразие форм позволяет подробно осветить основные наиболее актуальные вопросы современности: сохранение мира, претворение в жизнь решений XXVII съезда КПСС. Не ослабевает внимание к решению таких проблем как Продовольственная программа, атеистическое воспитание, охрана окружающей среды.

Одна из основных задач музейных работников — избегать шаблона в экспозиционном отражении Аграрной политики партии на современном этапе, при создании местных вариантов тематической структуры учитывать имеющийся материал и конкретное воплощение аграрной политики в данном регионе. При соблюдении этих требований выставки и связанные с ними мероприятия привлекают значительную часть сельского населения.

На дальнейшее развитие и совершенствование деятельности музеев на селе ориентирует постановление ЦК КПСС «Об улучшении идейно-воспитательной работы музеев», в котором подчеркивается необходимость с одной стороны формирование полноценных выставок «из фондов музея», т. е. выставок, насыщенных подлинными памятниками материальной и духовной культуры.

Обслуживание на селе строится на основе научного планирования и носит комплексный характер. Необходимо подчеркнуть, что планирование должно идти на двух уровнях: текущее (на год, квартал, месяц) и перспективное (на пять и более лет). В Музее разработаны планы-графики организации передвижных выставок до 1990 года. Планирование этой работы предполагает разработку тематики мероприятий, исключая случайные или малоактуальные темы, определение наиболее благоприятного для сельской местности времени, места проведе-

ния мероприятия, а так же предполагаемого контингента и количества посетителей.

Сотрудники Музея — частые гости в подразделениях Термезского гарнизона и у воинов-пограничников, для которых читается цикл лекций по истории края, где они несут службу, организуются встречи с ветеранами партии, войны и труда, проводятся экскурсии на памятниках материальной культуры и в стенах Музея.

Фонды Музея располагают ценнейшими коллекциями по археологии, этнографии, нумизматике и реликвий советского периода.

АРХЕОЛОГИЯ И ИСКУССТВО

А. С. САГДУЛЛАЕВ

К ИЗУЧЕНИЮ ПОСЕЛЕНИЯ МУЛЛАЛИ

В 1970 г. Узбекистанская искусствоведческая экспедиция под руководством Г. А. Пугаченковой открыла в Миршадинском культурно-хозяйственном районе-оазисе могильник эпохи бронзы Муллали, изучение которого отражено в публикациях (Пугаченкова, 1972; Беляева, Хакимов, 1973). В двух километрах к северо-востоку расположено поселение Муллали площадью около 9 га (Сагдуллаев, 1978).

В 1975 г. в восточной части Муллалитепа были обнаружены остатки небольшого разрушенного здания, построенного из сырцового кирпича и пахсы. Культурный слой мощностью до 1,3 м включает плотный строительный завал. На глубине 1,4 м от дневной поверхности отмечен сильно обожженный уровень пола с большим количеством угля от балок перекрытия здания, фрагментами каменных орудий труда и раздавленных сосудов, многие из которых закопчены.

В 50 м к югу от раскопа выявлена круглая двухъярусная печь диаметром пода 0,9 м. Топочная часть печи размыта. Вокруг объекта зафиксированы мощные зольные отвалы и горелые уровни.

Керамический комплекс поселения представлен высококачественными сосудами, изготовленными на гончарном круге. Это, в основном, хозяйственная и столовая посуда со светлым, красным и коричневым ангобом. В комплексе выделяются сосуды типа хумов, хумча и горшков. Хумча не превышают в высоту 0,5 м и имеют сфероидные очертания. Один из таких сосудов использовался для приготовления пищи и выполнял функцию крупного объемного котла, о чем свидетельствуют сильная закопченность и следы нагара на его внешней и внутренней

поверхностях. Высоким качеством изготовления отличаются вазы, чаши и миски. Из редких форм отметим кувшины с петлевидными ручками.

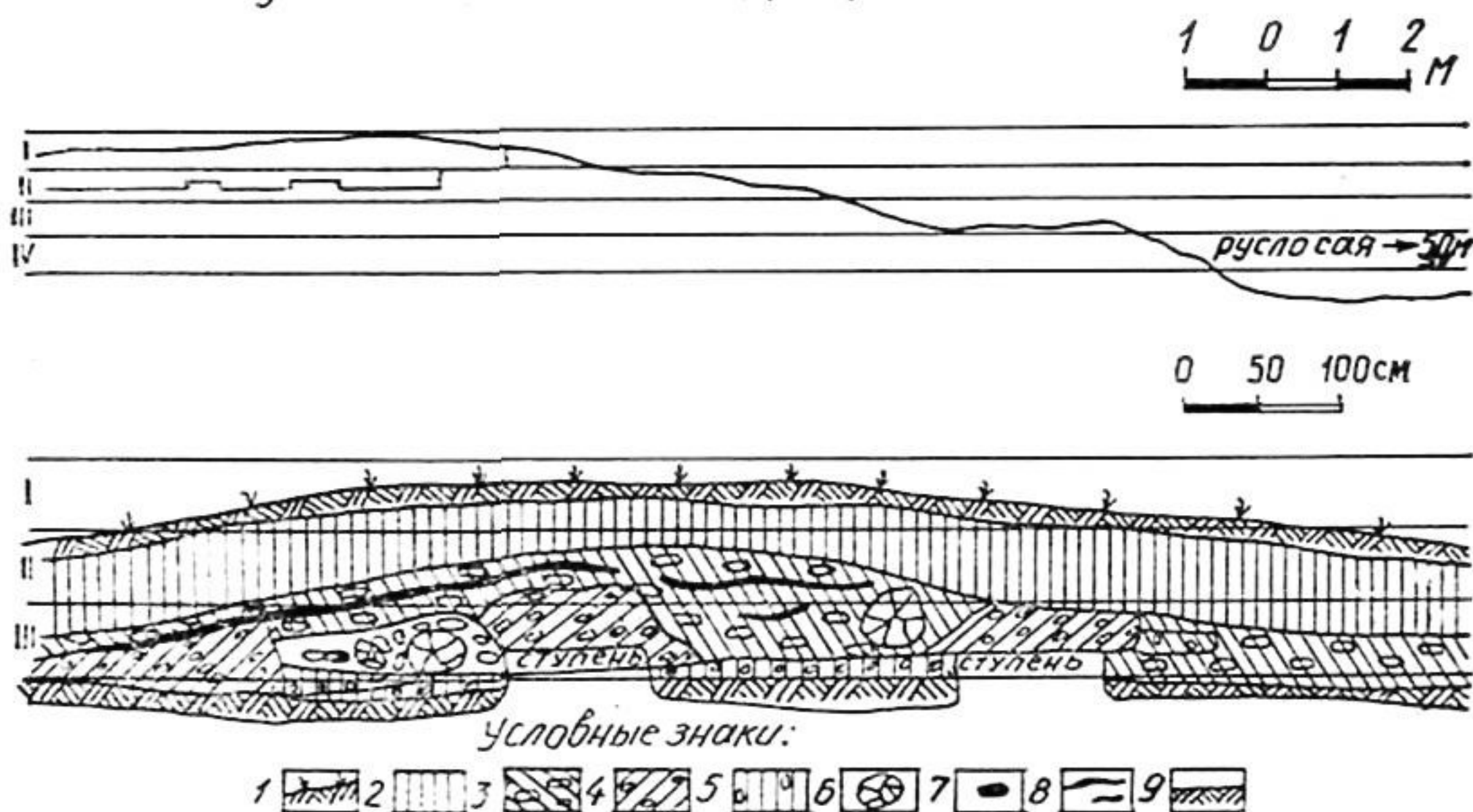
Дополнительные материалы получены на Буйрачитепе 1. На поселении заложены четыре стратиграфических шурфа. Все они пришлись на незастроенные участки. Культурный слой эпохи поздней бронзы составил здесь 0,5—0,9 м. В керамическом материале — вазы, сфероидные горшки, полусферические чаши и миски. Весьма интересна находка археологически целого хума, высотой не менее 0,6 м. Аналогичные типы сосудов на других поселениях долины Сурхана эпохи бронзы пока не известны (Аскарлов, 1977).

Керамика поселений Муллали и Буйрачи 1 значительно дополняет материалы могильника Муллали. В целом, для гончарных комплексов эпохи поздней бронзы Миршадинского оазиса характерны несколько типов керамики.

Тип 1 — вазы. По внешним признакам они подразделяются на шесть основных подтипов, которые имеют полусферический или цилиндрикониический резервуар.

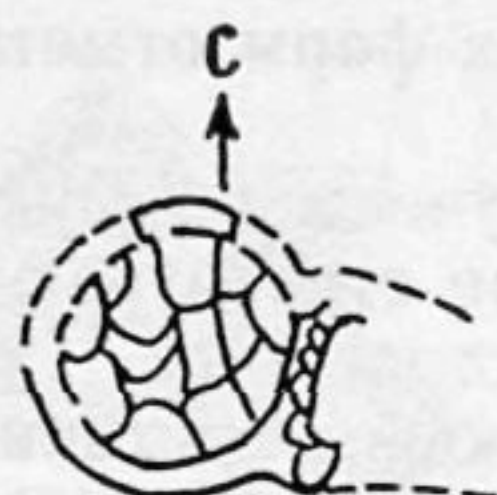
Тип 2 — миски. Форма полусферическая, либо близ-

Муллали-тепе Раскоп-1, разрез по линии СЗ-ЮВ

Муллали-тепе. Раскоп — 1, разрез по линии СЗ — ЮВ.

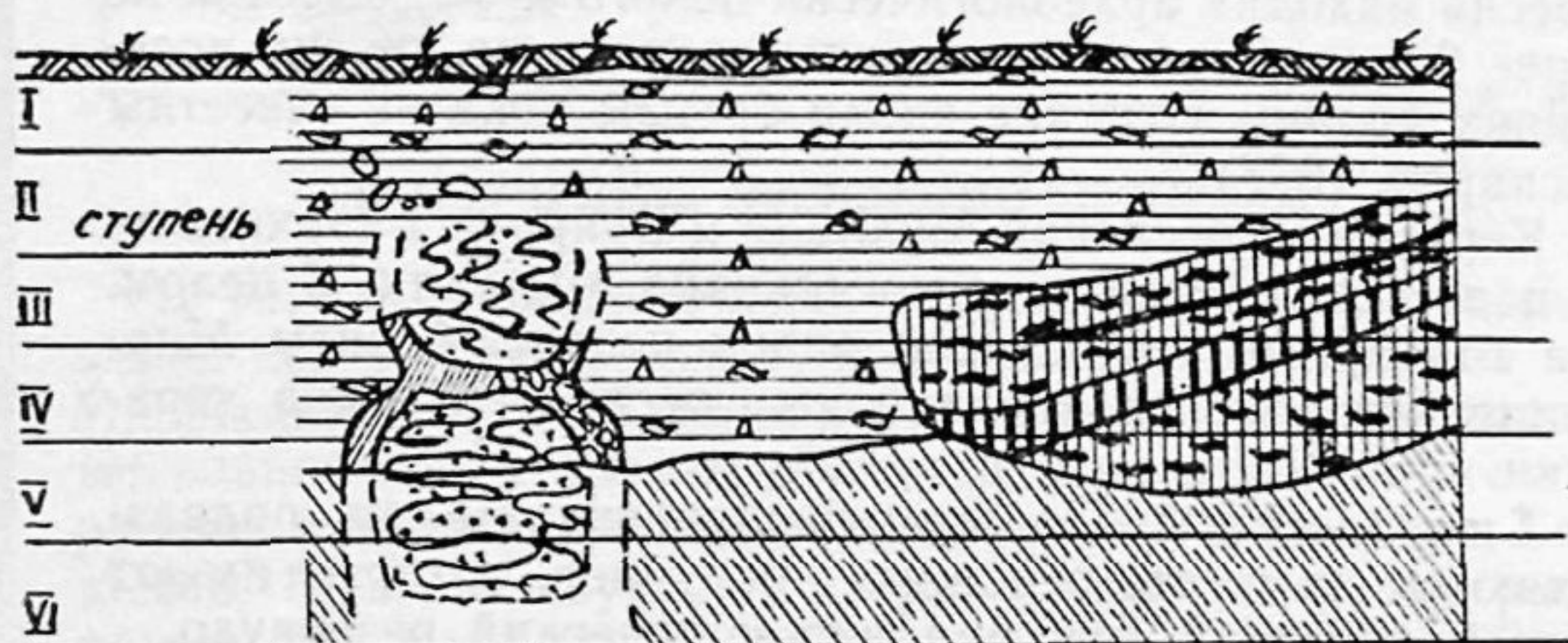
1 — Дерновый слой, 2 — Рыхлый слой земли, — оплывы, разрушенные стены в верхней части, 3 — Завал с кусками кирпича или пахсы, 4 — Завал из разрушенных кладок, 5 — Пережженная земля — шлак, угли, 6 — Разбитые керамические сосуды, 7 — Каменное орудие, 8 — Линзы золы и пепла, 9 — Материк, лёсс желтого цвета.

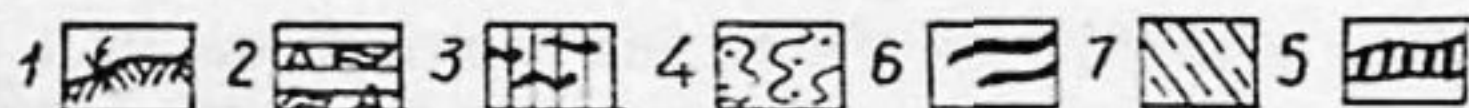
План печи

5 0 50 100 см

Муллали-тепе. Зачистка северо-восточного фасада. Профиль

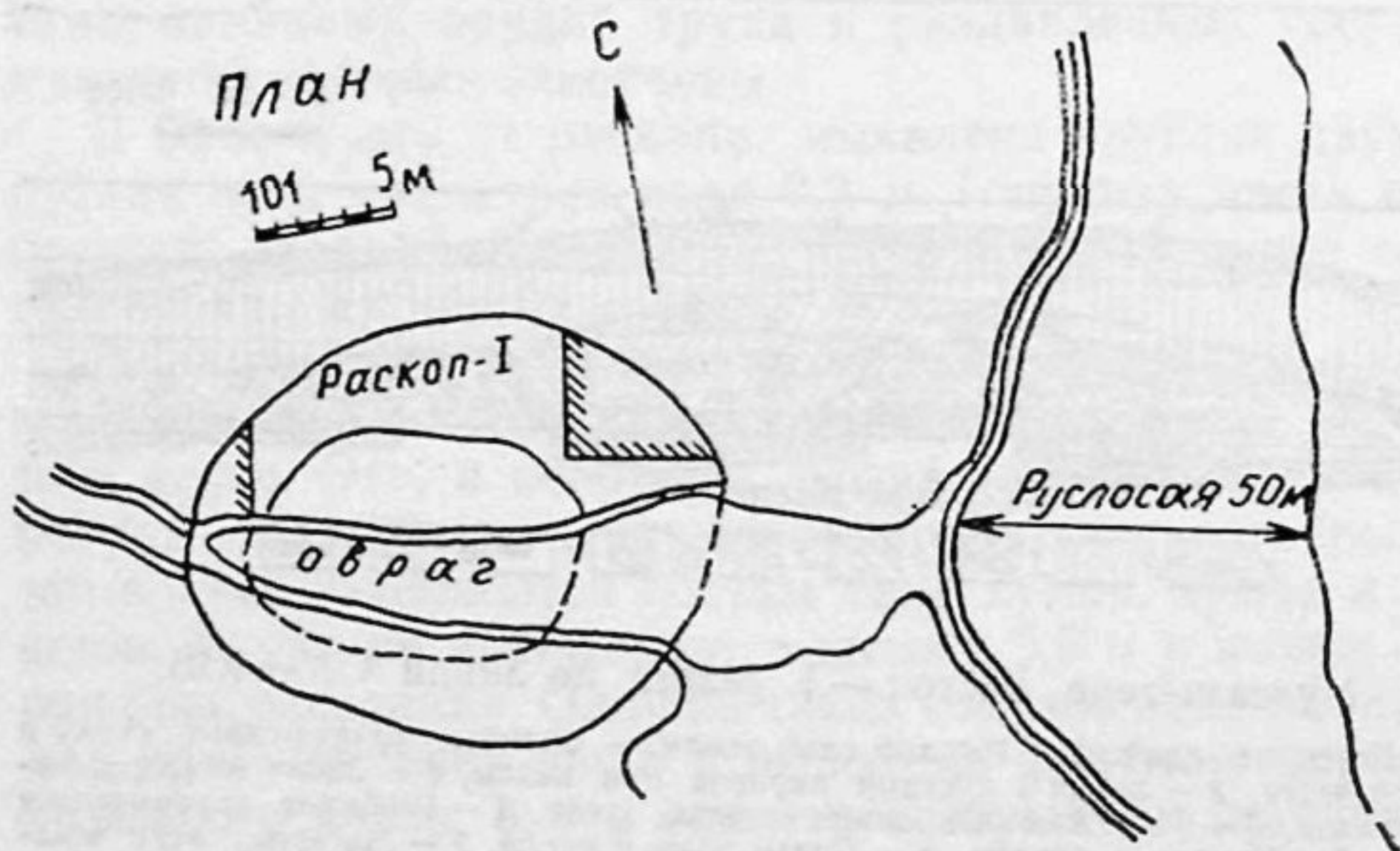

Условные знаки

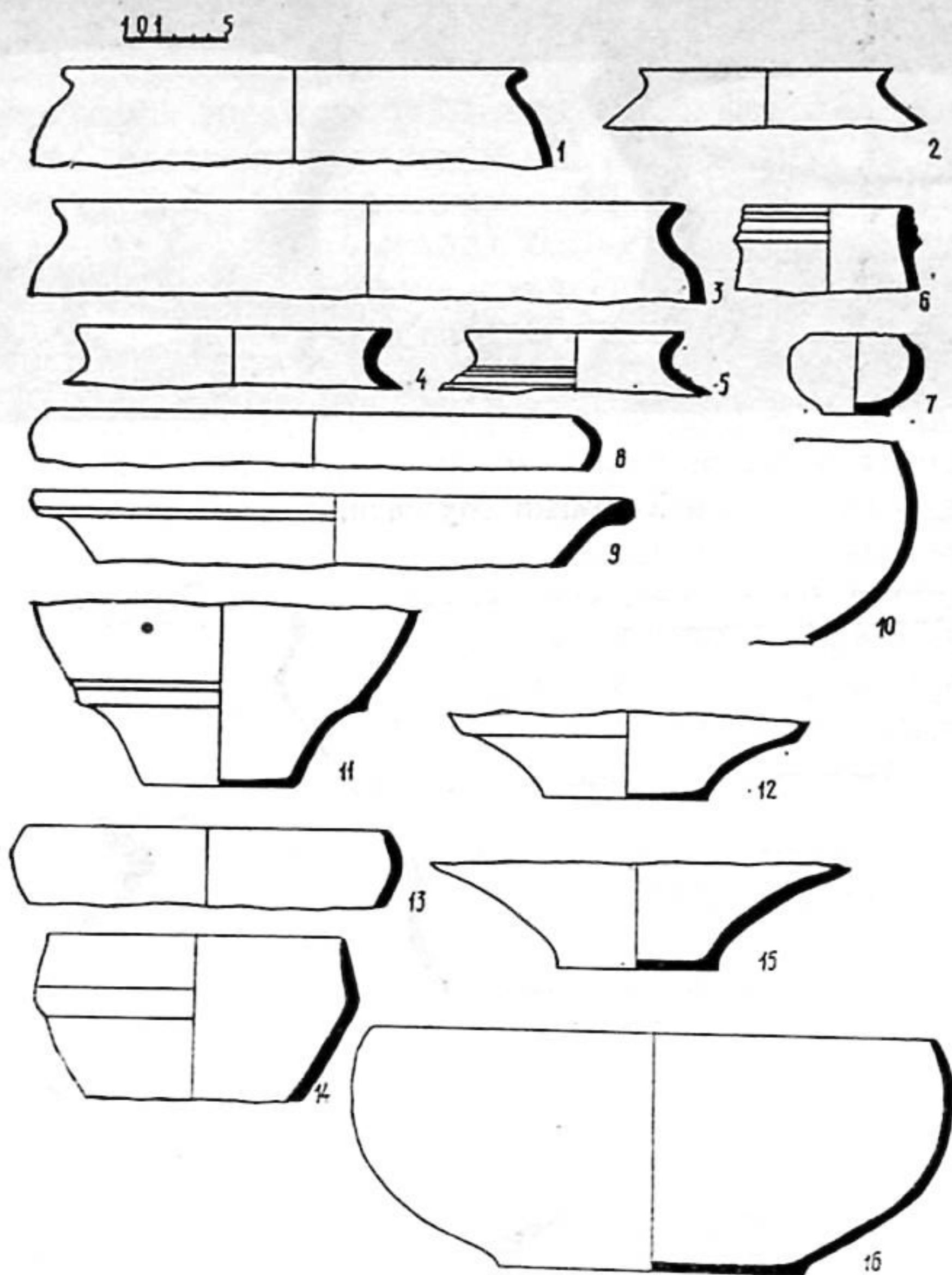

1 (а) План печи

1 — Дерновый слой, 2 — Отвал керамики, костей, золы, угольков, 3 — Зольный слой, 4 — Зольный слой с угольками, рассыпной красной глиной. 7 — Линзы красноватой глины от огня с кусками обгорелого дерева, 6 — Линзы золы и пепла, 5 — Натечно-надувной слой с преобладанием песка,

План раскопа.

Керамика из раскопа

кая к конической. Ряд мисок с округлым поддоном. Изделия тонкостенны, многие имеют лощение.

Тип 3 — чаши. Установлено наличие семи вариантов. Они менее объемны, чем миски, но в отличие от последних для чаш характерны и цилиндроконические формы.

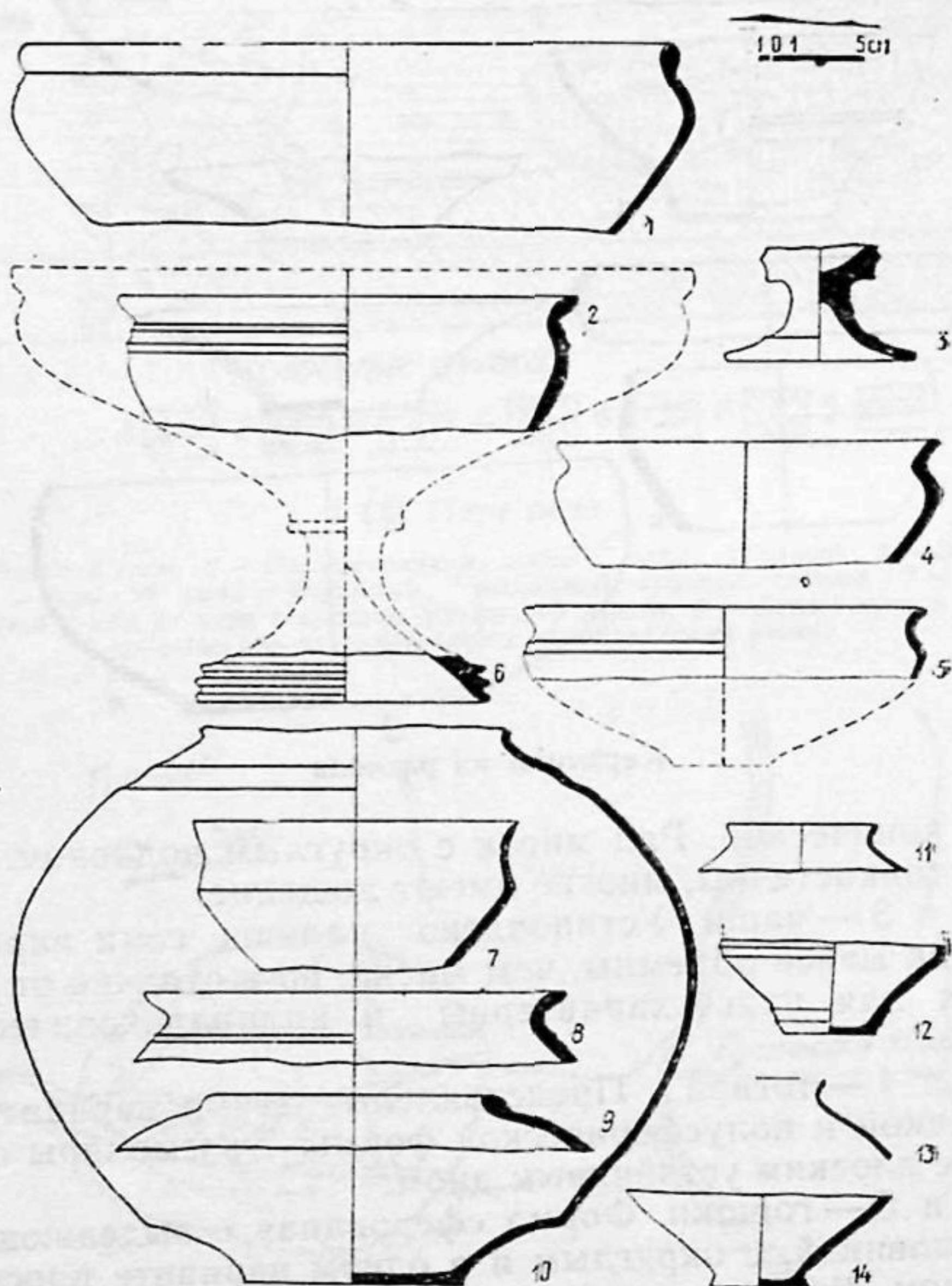
Тип 4 — тогара. Представлены двумя вариантами конической и полусферической формы. Экземпляры объемны, с плоским устойчивым дном.

Тип 5 — горшки. Форма сфероидная с выделяющейся горловиной, с округлым и в одном варианте плоским поддоном. Многие сосуды тщательно залощены.

Тип 6 — кувшины с петлевидными ручками. И, нако-

Керамика Муллали.

нец, тип 7 и 8 представляют вышеописанные хумча и хумы.

Керамика эпохи бронзы юга Узбекистана довольно подробно рассматривалась А. А. Аскарковым, Б. Н. Абдуллаевым и У. Рахмановым (1977; 1979; 1987). Керамические комплексы сыграли большую роль и в процессе периодизации древнеземледельческой культуры Узбекистана, разработанной А. А. Аскарковым. Название могильника и поселения Муллали часто фигурирует в археологической литературе в связи с выделением так называемого «муллалинского» или «моллалинского» этапа в истории культуры бронзового века долины Сурхандарьи.

По А. А. Аскаркову, для моллалинского этапа могильника Джаркутана характерно восемь типов керамики (Аскарков, 1977, с. 65). Б. Н. Абдуллаев первоначально выделял только шесть типов керамики данного этапа (Абдуллаев, 1979, с. 36—40), но затем он дополнил эту классификацию еще пятью типами (Абдуллаев, 1980, с. 12).

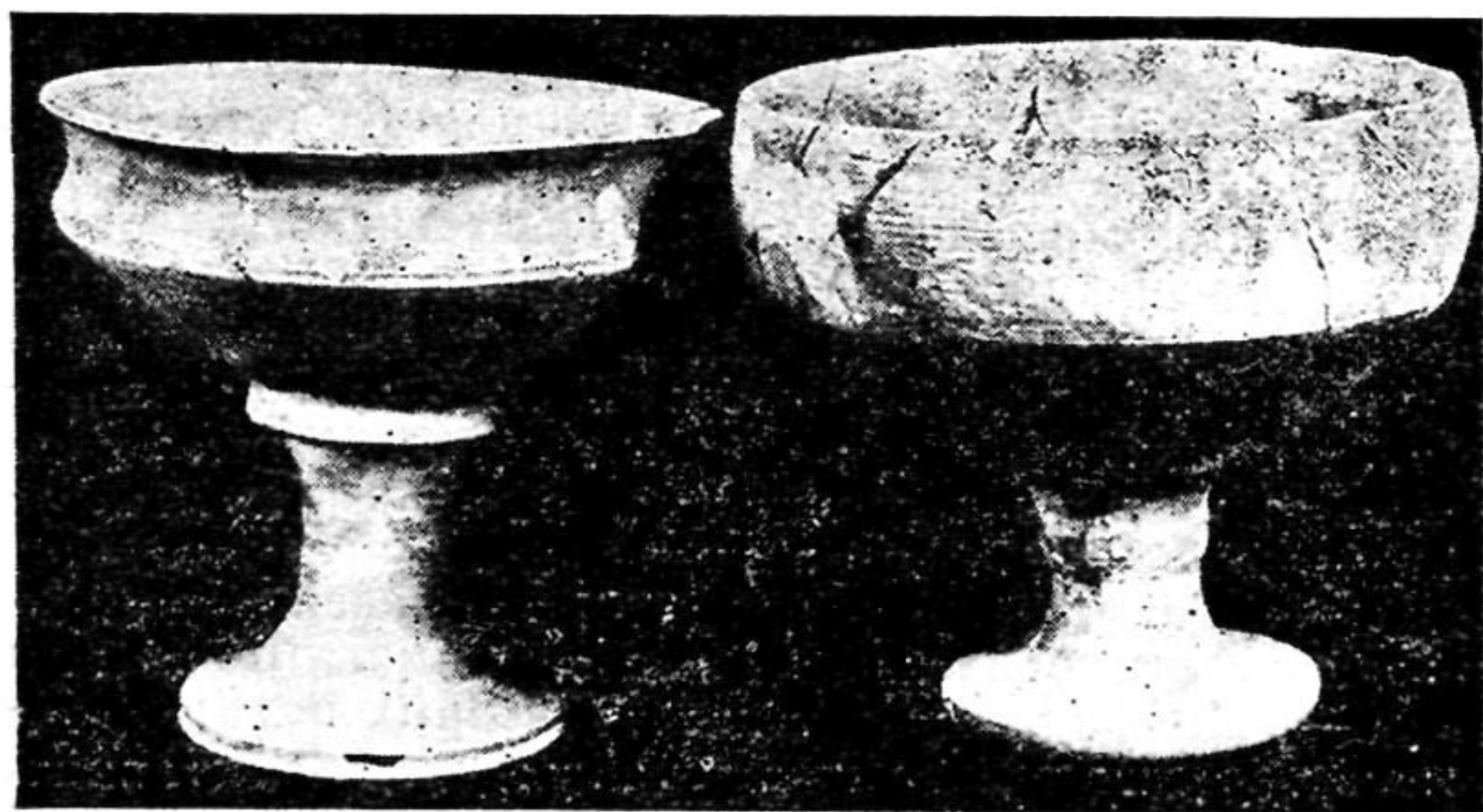
Эти существенные изменения были обусловлены выделением более раннего кузалинского этапа. Термин «кузалинский» несколько неудачный и весьма условный, тем более, что во всех публикациях речь идет о поселении и могильнике Джаркутан, а не Кузали. Как объясняют сами авторы раскопок, на одном из участков могильника Джаркутан «при строительстве загона для скота попадались захоронения, содержащие кувшины (куза), поэтому местность получила название «кузали», перенесенное на определенный этап могильника «Джаркутан» (Аскарков, Абдуллаев, 1983, с. 8). Отсюда вытекает, что по происхождению и содержанию термин «кузалинский» связывается с могильником Джаркутан и с некоторыми изменениями в керамическом комплексе данного памятника, поэтому в понимании «исторический этап» он не должен распространяться на более широкий круг памятников бронзового века юга Узбекистана. В частности, У. Рахманов специально подчеркивает локальный характер кузалинского комплекса, в типологическом отношении не имеющего прямых аналогий в материалах соседних областей (Рахманов, 1987, с. 15).

Известно, что гончарная посуда поселения и могильника Муллали более поздняя, чем керамика Сапалли и раннего Джаркутана. Из 35 характерных подтипов посуды Сапалли, 24 формы встречаются и на Джаркутане, тогда как на Муллали не найдено ни одной.

Все это специально подчеркивалось и ранее, в связи с выводом о значительной близости материалов сапаллинского и жаркутанского этапов, между которыми хронологическая граница фактически не прослеживается (Сагдуллаев, 1978, с. 11—12). Однако исследователи Сапалли и Жаркутана не обратили внимания на данный вывод, продолжая считать, что сапаллинский и жаркутанский комплексы представляют собой существенно разные археологические комплексы.

Сравнительно недавно У. Рахманов уточнил периодизацию культуры бронзового века юга Узбекистана. Совершенно справедливо он считает, что материалы сапаллинского и жаркутанского этапов следует рассматривать как ранний и поздний варианты единого сапаллинского комплекса (Рахманов, 1987, с. 17). Более того, У. Рахманов предлагает именовать культуру эпохи бронзы юга Узбекистана на ее раннем этапе не сапаллинской, а Намазга-Сапаллинской культурой (Рахманов, 1987, с. 17). Однако, если учитывать дальнейшую унификацию терминологии в бактрийском масштабе, не менее достоверно и такое определение, как Дашлы-Сапаллинская культура, как бактрийский вариант культуры Намазга.

В процессе изучения керамических комплексов Жаркутана немаловажную роль сыграл богатый сопроводительный инвентарь из погребений эпохи бронзы. Керамика могильника Жаркутан нередко демонстрирует и ряд локальных своеобразий. Аналогии керамике Муллали можно найти в сфероидных горшках на поддоне,

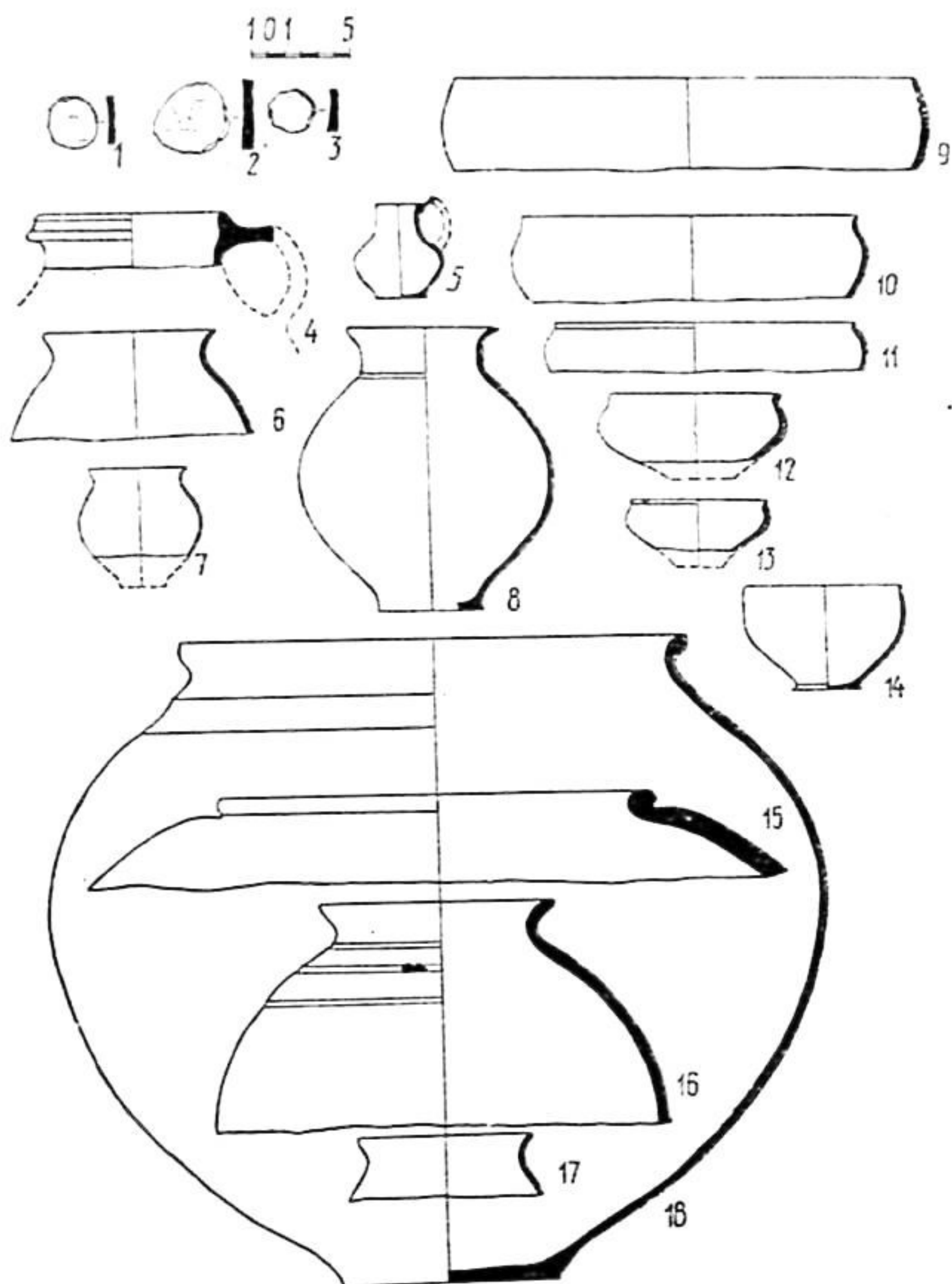
Вазы.

горшкообразных сосудах с подкосом в нижней трети тулова, в некоторых вазах и конических либо полусферических мисках из Джаркутана (Аскарлов, 1977, с. 65, рис. 32; Аскарлов, Абдуллаев, 1983, с. 26). На поселениях Миршадинского оазиса не обнаружены вазы на «балясинообразной» ножке или вазы с низкой профилированной ножкой. Вазы Муллали, за исключением некоторых подтипов, наделены иными деталями формы. Определенные различия проявляются по внешним признакам (высота, размеры, объем сосудов, детали формы), а также внутренне-внешним (цвет и поверхность сосудов, ангоб, лощение и др.). Для позднего Джаркутана характерна светлофонная керамика с зеленоватым и красным оттенком (Аскарлов, 1977, с. 84, 85). На Муллали сосуды имеют белый или светло-желтый, а также красный, коричневый и розовый ангоб. Однако, независимо от чисто технологических различий и наличия некоторых локальных форм, керамика Муллали и позднего Джаркутана хронологически одновременна.

Вместе с тем на Джаркутане обнаружена лепная керамика «степного» круга и станковые сосуды с процарапанным геометрическим орнаментом (Рахманов, 1982, с. 16, 17), которые в Миршаде пока неизвестны. У. Рахманов относит этот комплекс к моллалинскому этапу и распространение процарапанного геометрического орнамента (ромбы, косые насечки, треугольники, «елочка», сетчатый орнамент) объясняет влиянием скотоводческих культур, особенно андроновской (Рахманов, 1982, с. 19). Однако не исключено, что примитивные геометрические рисунки на посуде земледельческих и скотоводческих культур бытовали независимо друг от друга.

Приведенные выше сопоставления позволяют заключить, что так называемые «кузалинский», «моллалинский» и «бустанский» комплексы отражают прежде всего внутренние изменения в керамических материалах могильника и поселения Джаркутан, но если рассматривать их в более широком географическом плане, то неизбежен вывод о том, что и Кузали, и Муллали, и Бустан, скорее всего, представляют ранний и поздний варианты одного общего комплекса, который, согласно первоначальному определению А. А. Аскарова, видимо, более верно называть «муллалинским» комплексом.

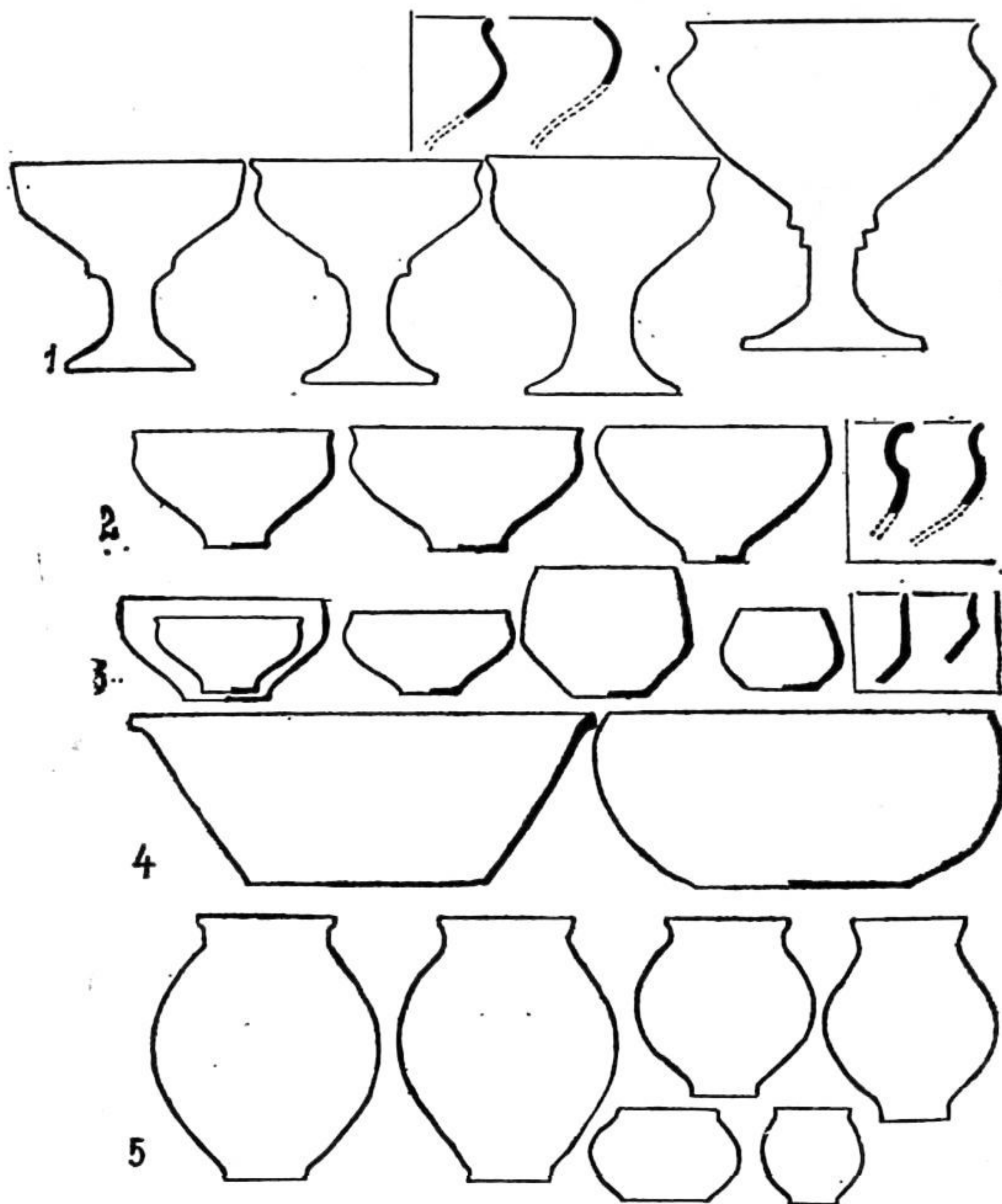
Как известно, Дашлы-Сапаллинская культура принесена в долину Балхаба на юг Узбекистана извне и ее распространение было тесно связано с процессами рас-

Керамика Муллали.

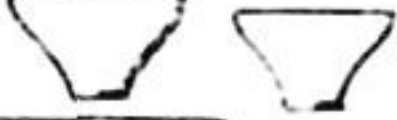
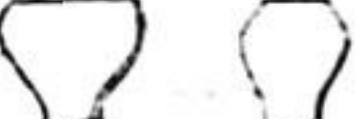
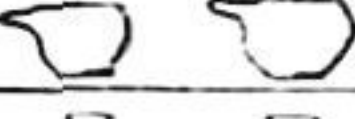
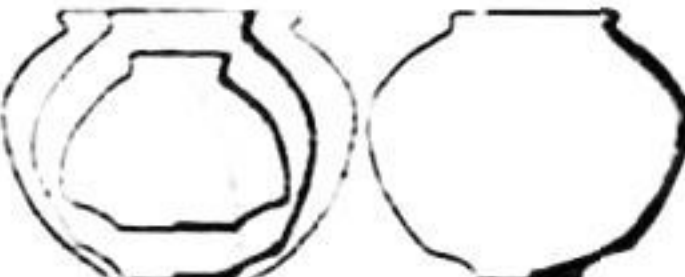
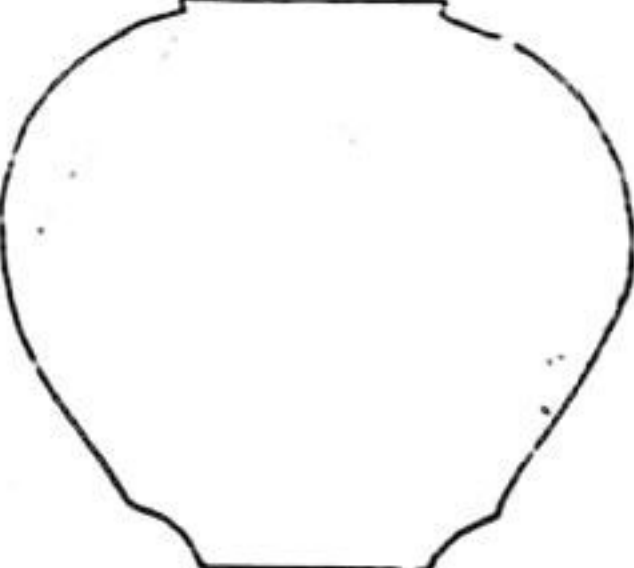
ширения древнеземледельческой ойкумены. Первоначально Сапалли, а затем и Джаркутан, играли роль своеобразных форпостов на границах нового земледельческого очага — Бактрийского (при всей условности этого термина для эпохи бронзы) и центр данного очага, видимо, располагался в Дашлыном оазисе северного Афганистана (Сарианиди, 1977).

Второй крупный период в развитии оседлоземледельческой культуры юга Узбекистана эпохи бронзы — муллагинский — демонстрирует дальнейшее освоение новых районов оседлого расселения и отражает эволюцию комплексов позднего Джаркутана, Муллали, а затем Буйрачи 1.

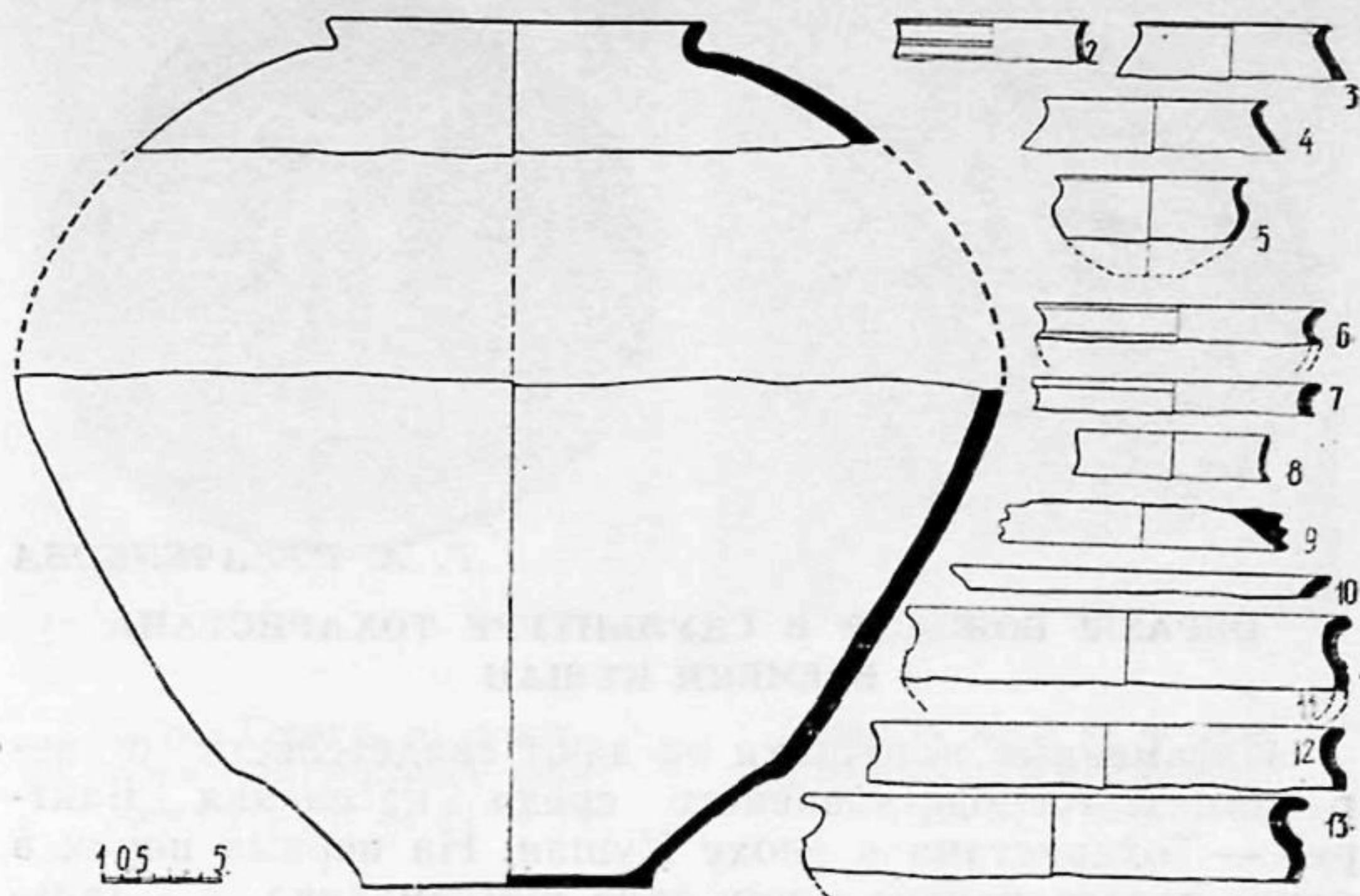

Некоторые типы посуды Миршадинского оазиса:

1 — Ва́зы; 2 — миски; 3 — чаши; 4 — тагара, 5 — горшки.

Сапалли	Джаркутан	Муллали	Джаркутан
	+ + +		- +
	+ -		- - -
	- +		
	- -		
	+ +		
	+ + + +		+ + -
	-		
	+ +		- + -
	+ +		- + -
	- -		- + +
	+ + +		+
	- - -		- - -
	+ +		- + +
	+ -		
	+ +		-
	+		

Распространение керамических форм в комплексах
Сапалли—Джаркутан и Муллалитепа.

Керамика Буйрачи — 1

Приведенные выше данные позволяют вновь повторить уже известный вывод о том, что в развитии древнеземледельческой культуры юга Узбекистана четко выделяются, по крайней мере, два периода — сапаллинский и муллалинский, последний, скорее всего, должен датироваться в пределах 1300—1000 гг. н. э. (Сагдуллаев, 1978, с. 13).

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

**ОБРАЗЫ БОЖЕСТВ В СКУЛЬПТУРЕ ТОХАРИСТАНА
ВРЕМЕНИ КУШАН**

Письменные источники не дают свидетельств о верованиях, господствовавших среди населения Бактрии — Тохаристана в эпоху Кушан. На первых порах в науке представление о них дала нумизматика, а в дальнейшем намного расширила археология, открывшая остатки храмов, погребальных памятников, культовых предметов и произведений искусства. Сделанная на этой основе выборка данных показала сосуществование здесь и великих религий древнего мира — зороастризма в его локальных формах и буддизма, почитания Великой богини-Матери, одушевленных сил природы, космогонии, заупокойных верований и, наконец, оформившегося в системе могучей централизованной империи династического культа (Пугаченкова, 1974). Почти все они нашли отражение в художественной культуре своего времени — архитектуре, скульптуре, живописи, малых искусствах.

Обширный материал, который получен был археологическими исследованиями на территории Тохаристана (юг Узбекской и Таджикской ССР, Северный Афганистан) передает иконографию многих почитавшихся здесь божеств, позволяя представить ее эволюцию во времени как фактора стабилизации или изменения культовой идеологии и вместе с тем эстетических канонов и инноваций, которые отображают широкий спектр идейных воззрений местного общества.

Роль религии во всех формах идеологии древнего мира была колоссальна. Она сопрягалась с мифологией, хотя и не была ей адекватна. Но та и другая привлекали искусства в его изобразительных или символических формах к иконографическому воплощению божеств и

Образ Геракла на монете
греко-бактрийского царя
Деметрия (II в. до н. э.)

Образ Геракла на монете
кушанского царя Хувишки
(II в. н. э.)

фантастических образов. На этой основе, в частности, были созданы удивительные произведения древней скульптуры очеловеченного или фантастического плана — скажем Исида и человеко-лев, либо овнолев-сфинкс в Египте, бог Набу и крылатый человеко-бык — ламассу в Ассирии. Облагороженное человеческое начало торжествует в облике богов Эллады, но и там существуют кентавры и сфинксы женского пола.

Почитание олимпийских божеств было привнесено в Бактрию — Тохаристан греческими колонистами и воспринято греко-бактрийскими царями. Об этом красноречиво свидетельствуют монеты греко-бактрийских басилевсов. Однако прочных корней даже в верхушечном слое бактрийского общества оно не пустило. Если на лицевой стороне монет был выбит профиль правящего царя, то на оборотной — изображение божества-покровителя, реже — его символ (например, колпаки Диоскуров у Евкратида). Среди чтимых божеств — Зевс, Аполлон, Посейдон, Геракл, Дионис, Диоскуры, богини — Афина, Артемида, Ника. Почти все их изображения воспроизводят прославленные статурные образы эллинистического ваяния, особенно школ Праксителя и Лисиппа. Они не просто повторяют малые копии этих божеств, которые могли быть привезены из средиземноморского мира, но имели в Бактрии и местные монументальные и среднеразмерные воспроизведения эллинистических шедевров. Об

этом свидетельствуют находки в Ай-Ханум фрагментов огромной мужской статуи, видимо, Зевса, мраморной фигуры Диониса и бронзовой — Геракла, а также живописные изображения Диоскуров в храме на городище Дильберджин. В отличие от греко-римской, специфику местной скульптуры составляли ее материалы. Здесь использовались глина, гипс, смешанная глиногипсовая техника, изредка камень, но преобладала все же пластичная глина, которой богаты предгорья. Лепка велась в несколько слоев от глиняной болванки с внутренним деревянным или камышовым каркасом, с тщательной моделировкой верхнего слоя и последующей окраской. Это или трехчетвертная пристенная скульптура, располагавшаяся в нишах и потому лишь начерно обработанная со спины, или настенная, когда голова и плечи выполнены в полном объеме, торс — в половинном, сходя у ног на горельеф. Для прочности в глины вводился иногда окрашенный волос.

Религия Греции и почитание созданных ее гением прекрасных олимпийских богов на почве Бактрии не привилась, но зато само статуарное искусство эллинизма дало мощный толчок к развитию местной скульптурной школы, внесшей существенно иной, азиатский элемент. Процесс этот особенно нагляден в скульптуре времени Кушан.

В халчаянском дворце (рубеж н. э.) статуарные образы эллинских божеств предстают не в своем самостоятельном значении, как объекты культового почитания, а лишь в связи с династийным культом, в роли божество-охранителей. В главном зале над восседающей на тронах царской четой были бюсты Геракла, Афины и фигурка парящей Ники. От головы Афины дошла лишь часть прически и шлема с шишаком. Геракл представлен мужчиной в годах с правильными чертами, беспорядочной прической и клочковатой бородой. Во всей обширной Гераклиаде греко-римского мира прямой аналогии ему нет — бактрийский скульптор выполнял не копию, но воплотил самостоятельное понимание его образа. Традиционна парящая Ника в длинной, высоко подхваченной тунике и лишь прическа ее характерна для эллинизированной бактрийской и парфянской среды (Пугаченкова, 1966, с. 160, 184, табл. V, XIII; 1971, с. 42 сл., с. 76 сл., табл. 45—48, 88, 89; 1979, с. 153 сл., рис. 113, 166, 167).

В период Великих Кушан греческие божества почти исчезают, хотя на монетах иногда фигурирует солнечный

Голова Геракла. Хатчаянский дворец.

бог Гелиос, божественный герой Геракл и крылатая Ника, которая уже несет имя местной богини Ванинды. Гелиос сливается с солнценосным Митрой зороастрийских верований, сохраняя от своего эллинского прототипа лишь лучистый нимб, в то время, как одет он в азиатский кафтан и мягкие сапоги, с мечом у бедра (Smith, 1906, p. 71, pl. XI; Whitehead, 1914, p. 184, pl. XVII), Геракл

Фигура Ники. Халчаянский дворец.

же сливается в Индии с Шивой, а в Бактрии с местным божеством Окшо, к которому мы еще вернемся (Пугаченкова, 1977, с. 83).

Преобладали при Кушанах культы азиатских божеств, о чем позволяют судить их изображения на монетах, на лицевой стороне которых представлен правящий царь, а на оборотной — какое-либо из чтимых им божеств. Они воспроизводят статуи, стоявшие в местных святилищах. Мы можем смело утверждать это, поскольку археологами ныне уже обнаружены — хотя и в разбитом состоянии — глиняные статуи в памятниках Северного и Южного Тохаристана. Такова статуя покровителя воинов Герак-

ла—Шивы времени Васудевы I в солдатском храме на городище Дильберджин (Пугаченкова, 1977, с. 83). В халчаянском дворце на левой от входа стене к группе ранних Кушан — Гераичей устремляется на колеснице богиня в тунике и мантии (Пугаченкова, 1966, с. 56). Сохранился лишь ее торс и часть колесницы, но сама композиция перекликается с серебряным диском греко-бактрийского времени из Ай-Ханум, где представлена колесница со статуей Кибелы, которую сопровождает Ника и встречает на ступенчатом возвышении жрец (Bernard, 1970, с. 339). Судя по содержанию всего халчаянского цикла, здесь была представлена богиня покровительница династии, возможно, близкая по своему значению к ближневосточной Кибеле. На городище Дальверзинтепа обломки глиняных статуй оказались в двух небольших городских храмах — в Южном и в Северном.

В Южном храме, судя по остаткам скульптур, располагались две женские фигуры, а также статуя девочки и младенца — все это явно указывает на роль богини, как покровительницы плодоносящих сил природы и материнства (Пугаченкова, 1978, с. 214). Вместе с тем, расположение храма посреди квартала гончаров подчеркивает ее роль покровительницы гончарного ремесла, поскольку домашнее гончарство в Средней Азии долгое время было женским делом. Богиня сохраняет эту свою функцию уже и в пору профессионального гончарства, перешедшего в руки мужчин.

В Северном храме чудом целой оказалась выполненная в полном рельефе, но несколько сплюснутая голова богини (Ртвеладзе, 1978, с. 88, рис. 56). Она передает очень реальный, притом явно местный тип немолодой женщины с припухлыми глазами и тяжелым подбородком — скульптор подчеркивает зрелые годы пожилой, очевидно не раз рожавшей матроны, образ богини покровительствует материнству и продолжению рода. От фигуры дошли лишь крупные складки драпирующейся одежды. Статуя располагалась в верхней части стены, видимо, в нише, здесь же была живописная композиция, где жрец и жрицы творят обряд, обращенный к богине и призывая ее благодать на детей. Таким образом, здесь подчеркнута связь женского божества с материнством, с благоденствием детей и продолжением рода (Пугаченкова, 1979, с. 161, рис. 175, 176). Общий стиль этой статуи идентичен тому, что царит и в скульптуре халчаянского дворца.

На монетах царей Канишки I и Хувишки, как демон-

Голова богини. Северный храм на городище Датьерзинтепа.

страция толерантности по отношению к различным верованиям, сосуществовавшим в пределах обширной державы, фигурируют по преимуществу божества, связанные с кругом Авесты. Перечень их весьма обширен, но на землях Бактрии — Тохаристана, судя по находкам кладов и массы отдельных экземпляров, были распространены, очевидно, пользовавшиеся именно здесь особой популярностью следующие: Атеш, Вадо, Окшо, Михр, Мах, Нана, Ардохшо (Ртвеладзе, Пидаев, 1981; Зеймаль, 1983). Мужские связаны с божественными силами природы и космоса: Михр — с солнцем, Мах — с луной, Атеш — с огнем, являя эманацию величайшей из зороастрийских стихий, Вадо — ветер, т. е. другая великая стихия — Воздух, такой же дуализм, очевидно, присущ и Окшо, имя которого совпадает с Оксом — Вахшем, Амударьей — великой рекою Бактрии, и который, видимо, воплощал стихию Воды. О его особой роли в приамударьинском бассейне свидетельствует храм Окшо, открытый на берегу реки в Южном Таджикистане. Вместе с тем монетное изображение Окшо совпадает с образом Шивы, очевидно в Тохаристане происходит их слияние. Всем этим божествам присущи определенные признаки или атрибуты, выделяющие их главную сакральную функцию. У Михра — лучистый нимб вокруг головы, у левого бедра — меч; у Маха за плечами лунный серп, а в левой руке утолщенный по краю скипетр и тоже меч; Атеш — бородатый муж с языками пламени, с венцом и молотом в руке (переиначенный образ Гефеста — греческого бога, связанного с огнем); Вадо — вихрь, который мчится в «коленипреклоненном беге». В числе женских божеств Нана — Нанайя — Нанашао, функции которой были, видимо, многообразны. Иногда ее отождествляют с великой богиней Авесты Анахитой, что сомнительно: само имя Нана (Нанайя) имеет ближневосточную основу, где Нана сосуществовала наряду с Анаитис (Анахитой). Ее изображают в нимбе, с коротким скипетром в руке, завершающимся как будто конской головой. Богиня Ардохшо в чеканке Хувишки шествует с рогом изобилия в руках и фигурирует как единственное божество в чекане последнего из великокушанских царей Канишки II (или III-го, или же Васудевы II — здесь между нумизматами единства нет).

Она восседает на троне в фас, с рогом изобилия и царским венцом в руках, которые характеризуют ее, как покровительницу мира и благоденствия царя и народа.

Богиня Ардохшо на монетах Васудевы II.

Кроме сидящей Ардохшо, остальные божества на монетах переданы стоящими в так называемой «развернутой позиции»: голова — в профиль, туловище — в три четверти, ступни — либо в профиль, либо профилно повернутыми в разные стороны. Фигуры пропорциональны, хотя головы несколько велики. Фактически же монетарии передавали в медальерной изобразительной системе фронтальные статуи.

Мужские божества — в характерных кушанских кафтанах, облегающих торс и расширяющихся от бедер, длина их варьирует от поленной до середины ноги, далее видны шаровары и бескаблучная, облегающая обувь. Иногда обозначен головной убор, или шлем. Черты лица крупны, у одних усы, другие — безусы.

Богини в длинных платьях, драпирующихся тяжелыми складками — это переработанная на местный лад греческая туника, поверх нее — ниспадает мантия. Профили подобны мужским, прическа — типичная для бактрийской и парфянской среды: крупные пряди волос забраны вокруг начальной ленты и собраны пучком на макушке. Изображения богинь свидетельствуют, что в их официальной иконографии довольно стойко держались одеяния греко-бактрийского времени, у богов же преобладают местные среднеазиатские приметы. Между тем, в массовых изделиях мелкой терракотовой пластики явственно наблюдается локализация в облике чтимых

Нагая богиня.
Городище Кампыртепа.

Статуэтки богини
терракота. Дальверзинтепа.

Образ
божества.

богинь — их головном уборе, одежде, атрибутах (Абдуллаев, Завьялов, 1985, с. 112 сл.; Абдуллаев, Шейко, 1985, с. 51 сл.; Альбаум, 1980, с. 19 сл.; Вызго Т. С., Мешкерис, 1983, с. 29 сл.; Вызго, 1978, с. 171 сл.; Исхакова, Исхаков, 1978, с. 161 сл.; Литвинский, Мухитдинов, 1969, с. 167 сл.; Мухитдинов, 1968, с. 3; Пугаченкова, 1966, с. 219 сл.; 1971, с. 87 сл.; 1967, с. 175 сл.; 1973, с. 104 сл.; 1979, с. 90 сл.; 1978, с. 210 сл.; 1977, с. 37 сл.; сл. 99 сл.; Caret, 1959, p. 67, sgg, fig, 213—223; Gardin, 1957, p. 54, sgg: p1. X—XII).

Статуэтки богинь наиболее распространены среди терракот, находимых на городищах Бактрии — Тохаристана. В преобладающем большинстве они выполнены оттиском с матриц, но есть и лепные. Самые ранние среди них — почти круглообъемные фигурки нагой богини с вытянутыми вдоль тела руками и венцом на голове

Образ божества.

Статуэтка мужчины из Бараттепа. Терракота.

(отличный экземпляр этого рода получен при раскопках на Кампыртепа и хотя он оказался в кушанском слое, фигурка была, очевидно, в древности перемещена из более раннего — может быть, еще греко-бактрийского слоя). При Кушанах, несомненно под влиянием Индии, появляются терракотовые статуэтки нагой богини с тяжелым ожерельем, спускающимся на грудь, и в узорной опояске. Но преобладает в кушанской коропластике тип сидящей или стоящей богини в одеждах либо эллинизированного, либо локально-азиатского типа. В первом случае — это туника, ниспадающая вертикальными складками, поверх — мягко драпирующаяся мантия. Во втором — разные варианты плотного платья азиатского покроя, нередко с различными накладными украшениями, и накидка; нередки также ожерелья и подвески. Варьирует тип их лиц — овал, разрез глаз, другие лицевые черты, а также прически, головные уборы, атрибуты.

Классификация статуэток по всем этим внешним признакам потребовала бы многих страниц — они уже публиковались и потому ограничимся ссылками на публикации. Перечислим лишь основные атрибуты, дающие намек на функции богинь (или одной богини в разных ипостасях?). В числе их плод, ветвь, цветок (объекты растительного царства); зеркало (символ судьбы, но также солярный знак); иногда младенец (материнство).

Иные статуэтки выполнены с высоким мастерством, другие примитивны. Возможно, что в этом нашла отражение определенная деградация античного коропластического искусства во времени. Но возможно и иное — наряду с выполнением статуэток искусными мастерами в городских мастерских их изготавливали местные керамисты-копировальщики, видоизменяя с имеющихся образцов калыбы, которыми они оттискивали фигурки.

Поименная идентификация этих коропластических фигурок богинь затруднительна, хотя, возможно, что некоторые из них соответствуют Нане и Ардохшо. В частности, сидящая богиня — это скорее всего именно Ардохшо, хотя рога изобилия у нее и нет.

Столь же затруднительно определение мужских статуэток в характерном кушанском костюме (кафтаны, шаровары, облегающая обувь). Почти все они дошли обезглавленными — единственное исключение — статуэтка из Балха, тип лица, подстрижки волос и усов, которого близки к гераевой группе халчаянской скульптуры (Gardin, 1957, pl. X—7). Поскольку в таких костюмах представлены упоминавшиеся бактрийские божества на кушанских монетах, не исключено, что эти терракоты идентифицировались с кем-нибудь из них.

Находки мужских статуэток этого рода немногочисленны. И наоборот, в большом количестве в кушанских слоях и в подъемном материале на кушанских городищах и поселениях встречаются (обычно разбитые) вылепленные от руки статуэтки всадничков-уродцев на примитивно вылепленных коньках. Их можно было бы считать за детские игрушки, но смысл их глубже. Появление таких терракот совпадает со временем продвижения в культурные зоны Средней Азии северных полукочевых народов, каковыми в Бактрии были саки и затем юечжи, и усматривать в них связь с культом степного предка (Пугаченкова, 1965). Это подтверждают и раннекушанские монеты Герая и Сотера Мегаса (массовый чекан Куджуллы Кадфиза), на обороте которых взамен божества

Статуэтка всадника.

ства, как это было у греко-бактрийских царей, фигурирует конный всадник в царской диадеме, по-видимому, обожествленный предок юечжийского племени Кушан, положивший начало династии.

Со временем вхождения в состав кушанской империи Северной Индии в Бактрию — Тохаристан начинают проникать ее великие религии — буддизм и шиваизм. Особую популярность получает буддизм с его высоко гуманными идеями человечности и добра. В приамударьинской зоне уже зарегистрировано несколько буддийских монастырей или, по меньшей мере, остатков буддийских сооружений. В Сурхандарьинской области УзССР это Кара-

тепа, Фаязтепа и ступа Зурмала в Старом Термезе, два буддийских комплекса в Айртаме, один в Хатын-Рабаде, два на Дальверзинтепа, в Кобадинском районе Таджикской ССР ступа близ Каменного городища. В Балхской провинции небольшое святилище за стенами городища Дильберджин. В их оформление входила скульптура, где царил разработанный в Индии канон, но наряду с тем было выработано немало своеобразных пластических образов, преемственно связанных с местной бактрийской традицией.

Скульптура эта иллюстрирует эволюцию стиля, особенно в передаче идентичных по своему значению образов. Она была в основном глино-гипсовой. На глиняной с внутренним каркасом болванке послойным способом осуществлялась глиняная лепка, последний же формирующий выполнялся из гипса, местами очень тонко (лепка лица), местами достигая 2—3 см (складки одежды), а некоторые детали — изящно изогнутые пальцы рук, завитки волос, уши отлиты целиком из гипса. Для изготовления последних широко применялись формочки, а иногда матрицы использовались и для формовки стандартных лиц будд и бодисатв, лишь с незначительной затем их подправкой вручную.

Основные участники скульптурных композиций повторяют репертуар буддийской пластики, сформировавшейся в Северо-западной Индии, в области Гандхара, расположенной на среднем течении Инда. К началу н. э. там уже сложился определенный изобразительный канон Будды, бодисатв, их неземного окружения — гениев, дэватов, гандхарвов, якшей и якшинь, но также подвижников-архатов, монахов и адорантов-мирян. По-видимому, по мере продвижения буддийских колоний с ними прибывали и скульпторы, придерживавшиеся выработанных традиций. Но на почве Бактрии-Тохаристана, где уже существовала собственная высокоразвитая скульптурная школа, местные мастера, принявшие буддизм, также были вовлечены в работу по украшению монастырей и святилищ. Они следовали канону там, где он был непререкаемо обязателен, но, передавая персонажи иного плана, вносили в них собственное понимание модели, видоизменяя в местном вкусе не только детали, но самый их облик.

Скульптура насыщает буддийские памятники Тохаристана. На городище Дальверзинтепа было вскрыто святилище к северу от городских стен и буддийский ком-

Голова Будды. Дальверзинтепа.

плекс внутри города. Первый восходит ко времени Вимы Кадфиза (вторая половина I в. н. э., или первая половина II в. — в зависимости от многоспорной даты начала кушанской эры (Альбаум, 1975, с. 96; Кара-тепе, 1964 — 82; Кругликова, 1977, с. 70 сл., с. 84 сл.; Пугаченкова, 1979, с. 166 сл.; Пугаченкова, Тургунов, 1978, с. 93 сл.; Тургунов, 1985, с. 540; 1985, с. 154—155; Dagens B., 1964, p. 36—37 pl. XXII, XXIII, XXIV; Fischer K., 1968; Schlumberger D., Le Bége M., 1983, p. 123 sqq., pl. 66—68). Южный же комплекс относится к концу династии Великих Кушан — III в. н. э.

В загородном святилище изображения Будды были разбиты вдребезги поборниками иных религий, но судя по дошедшим фрагментам причесок, сложенных в жесте «мудра» пальцев, складок мантии, они придерживались канона. Каноничны и лица монахов, как бы бесполох. Но образы второстепенных существ буддийского пантеона тяготеют не столько к гандхарской, сколько к греческой традиции, таков образ гения, взывающий к праксительской школе. У одного девата кустистые усы — по видимому, это юноша из окружающей скульптора среды.

Скульптурное оформление внутригородского буддийского комплекса Дальверзинтепа было особенно насыщено во дворике, но имелось также в соседних помещениях и у возвышающейся рядом ступы. На южной стене двора располагалась в нише огромная статуя сидящего Будды, вдоль других стен высились почти трехметровые по высоте статуи стоящих бодисатв. От статуи Будды, очевидно, намеренно разрушенной, сохранился лишь низ фигуры. Статуи бодисатв, сброшенные на пол, хотя и разбитые, порой расплющенные под грузом разрушенных стен, более или менее восстанавливаются. Кудри и драгоценные венцы обрамляют их благородные лица. Всем им присуща фронтальность позиций и бесстрастные лица, — все придавало этим образам вневременное величие. Полуобнаженный торс украшают богатейшие шейное и нагрудное ожерелья, на руках браслеты, в ушах серьги, нижняя половина фигур окутана драпирующей юбкой-уттария, из-под которой выступают ноги в сандалиях, также украшенные фигурными накладками. Подчеркнутое величие бодисатв противостоит небольшим фигурам буддистов-мирян и хотя образы их близки к бодисатвам Гандхары раннегуптского времени, тохаристанские скульпторы вносят известные вариации в характер их венцов и ожерелий, а в некоторых случаях отступают от индий-

Статуэтка бодисатвы в процессе расчистки
Дальверзинтепа.

ского этнического типа, придавая чертам их иной характер.

В коропластике Тохаристана встречаются канонические фигурки будд и бодисатв, стоящих или в основном сидящих. Они следуют канону. Отличия в том, что Будда окутан складчатой мантией, в то время, как у бодисатв обнажена часть плеча к груди и имеются украшения —

ожерелья, браслеты. В общем терракоты эти немногочисленны.

Каменная скульптура в Северном Тохаристане — явление редкое, притом преимущественно связанное с индо-буддийскими традициями гандхарской школы. Из Гандхары были привнесены основные образы и сюжеты, но на местной почве они также получали местное преломление. Прежде всего здесь иной материал — не серо-черный шифер, как в Гандхаре, а белый мраморовидный известняк, которым богаты горные выходы вдоль побережья Амударьи. Уже сам белый цвет определял иное восприятие даже канонизированных образцов. Такова, например, скульптурная плита из Фаязтепа в Старом Термезе: Будда под священной

Статуэтка бодисатв. Терракота.

смоковницей и два умиленно взирающих на него монаха.

Выдающимся созданием Тохаристана буддийского ваяния является Айртамский фриз II в. н. э., входивший в оформление крупного буддийского комплекса на городище Айртам (Массон, 1935; 1976, с. 52 сл.; Тревер, 1940, с. 149 сл.; Пугаченкова, Ремпель, 1960, с. 24 сл.). На нем среди листов аканта (сочных, но грубоватых в своей проработке в сравнении с греко-римскими) выступают полуфигуры с дарственными предметами или музыкальными инструментами в руках. Это небесные музыканты-гандхарвы и несущие дары небожители — дэвы. Сюжет, скорее всего, связан с темой Паринирваны — «Великой кончины» Будды Гаутамы, когда, по словам древнеиндийского поэта Ашвагоши, «Дэвы с неба лили дождь цветочный. Музыка играла в небесах». В основном это женщины, из общего числа персонажей лишь один юно-

ша — барабанщик. Причем, если некоторые персонажи выполнены в индийской традиции, то большинство передает иной этнический тип, иные виды головных уборов и ювелирных украшений, видимо, отражая местный тохаристанский этнос.

Что касается шиваизма, то данных, подтверждающих его проникновение в Северный Тохаристан пока нет. Между тем, в Южном Тохаристане его появление засвидетельствовано в Дильберджине превращением былого греко-бактрийского храма Диоскуров в шиваистское святилище, на стенах которого была нанесена живопись с изображением Шивы, Парвати и священного быка Нанди (Кругликова, 1976, с. 43 сл.). Еще один объект — трехликое божество на скульптурной гипсовой стеле из Сузма-калы, где слиты воедино Шива, Геракл и местное бородатое божество воинов (Fischer, 1957, S. 416, Sqq.). Вместе с тем по всему Тохаристану были широко распространены монеты Вимы Кадфиза и Васудевы I, на обороте которых представлен Шива с быком Нанди; встречается также одиночная фигура Шивы на монетах Канишки и Хувишки — двурукого или четырехрукого. Культ этого бога неистовых страстей, побед и несомой им смерти был диаметрально противоположен кроткой доктрине буддизма. По-видимому, он импонировал двум упомянутым кушанским царям, в чекане которых является единственным, именно как божество военных побед, несущих утверждение власти. Не случайно Васудева предстает на монетах в шлеме, панцире и при оружии. Статуарная иконография Шивы на монетах целиком следует той, что определилась в индийском искусстве: обращенный на зрителя, он стоит в фас, но с мягким поворотом головы и корпуса, полуобнаженный, с характерными атрибутами: боевым трезубцем и сосудом. На монетах Канишки и Хувишки он нередко четверорукый и тогда имеет два дополнительных атрибута — тарбан и петлю (Smith, 1906, p. 68—69, 74, 75, 78, 80, 81, pl. XII—XIII; Whitehead, 1914, p. 187—Sqq., 192, Sqq. pl. XII—XIII).

Особую роль приобретал в государстве Великих Кушан династийный культ. Мы не знаем, были ли кушанские цари обоготворены подобно римским императорам, которые носили титул «божественный», но памятники кушанского искусства красноречиво говорят о подобном к ним отношении. Во всяком случае, особа правящего царя, его родословная и его клан приобрели исключи-

тельное значение, о чем свидетельствуют монетные изображения и произведения искусства. В Индии это статуи храма-девакула в Махтуре (II в. н. э.) (Rosenfield, 1967, p. 1—16), в Тохаристане — халчаянский дворец (рубеж н. э.) (Пугаченкова, 1971, с. 45 сл. ил. 50 сл.), и сурхкотальский храм (II в. н. э.) (Surkh Kotal, 1983, p. 117 Sqq., p. 58—59 Sqq). Начиная с Вимы Кадзифа на монетах царь предстает в образе правителя и в то же время первосвященника, творящего обряд над алтарем, очевидно во славу того божества, которое изображено на реверсе монетного кружка.

В халчаянском дворце на главной стене развешивались три скульптурных композиции на темы торжественного представительства и воинской доблести представителей правящего клана Геранчей. Они осеяны благоволением божеств, о которых уже говорилось выше (Пугаченкова, 1971, с. 45 сл.). В династийном храмовом комплексе Сурх-Котала парадная лестница вела в окруженный колоннами портиками двор, в центре которого возвышалось главное святилище Канишки, также в обводе колоннады. Там и здесь располагались глиняные (дошедшие лишь во фрагментах) статуи — одна из них, судя по головному убору, принадлежала Канишке, другая, в характерном кушанском кафтане — очевидно, представителю царской семьи (Surkh Kotal, 1983, p. 117, Sqq., p. 58, Sqq.).

Мы полагаем, что с этой традицией связаны и скульптуры в здании Д—10 на городище Дильберджин, заложенном еще в докушанское время, последние же перестройки которого относятся к кушано-сасанидскому **периоду (III—IV в. н. э.)** (Кругликова, 1982, с. 168 сл.). В **это время** здесь в продолговатом зале, выполнявшем роль святилища, наверху были водружены глиняные скульптурные бюсты двух мужчин и женщины. Мужские — находят прямые аналогии в изображении правителей на кушано-сасанидских монетах. Но по поводу этих скульптур может быть высказано два предположения: или подобно скульптурной триаде Таки-Бустана это изображение царя под покровительством Митры и Анахиты, но может быть обоготворенные образы местной кушанской династии в лице царька с супругой и наследником, чьи владения располагались к северу от Балха и чьей резиденцией был Дильберджин.

Наряду с чисто элитарным династийным культом, запечатленным в монетном чекане и в скульптуре доступных

для посещения лишь немногим царских дворцов и святилищ (помимо Тохаристана он зарегистрирован и в Хорезме — во дворце Топрак-кала), в бактрийской-тохаристанской среде существовали народные культы, связанные с календарными датами. Они отмечались общенародными празднествами, в которых участвовали певцы, музыканты, ряженые. Подобным празднествам в скульптуре отвечают фризы халчаянского дворца и сурх-котальского храма с изображением детей, несущих тяжелые гирлянды, в свесах которых выступают бюсты актеров, музыкантов, скоморохов, крылатых гениев (Пугаченкова, 1971, с. 21 сл., илл. 6—50; Surkh Kotal, 1983, p. 109 Sqg., Fig 55). Но они отображены и в терракотовых статуэтках, которые, вероятно, изготовлялись на продажу в такие праздничные дни. Празднество это было, скорее всего, связано с началом осени, завершением сбора винограда и зерна и сопровождалось массовыми церемониями и шутным весельем, наподобие греческих дионисий. Среди статуэток такого рода есть фигурки с виноградной гроздью в руке, козлоухий сатир-певец, музыкантши с лютней, с двойной флейтой, с арфой. Все они имеют не бытовое, но культово-церемониальное значение. И если мотив «эротов с гирляндами» имеет греко-римский прототип, проникший в Бактрию и в Индию, то образы упомянутых участников местных дионисий — будь то крупная скульптура или терракотовые статуэтки, иконографически вполне своеобразны, передавая местный этнический тип, одеяния, атрибуты, музыкальные инструменты.

Наш обзор показывает, что формирование образов верховных и низших божеств на почве кушанской Бактрии-Тохаристана было подобно реке, вбирающей в свое основное русло притоки идущих извне ручьев. Главным руслом была местная бактрийская традиция, в нее включались внешние воздействия — притом не в форме восприятия отдельных деталей, но общих концептуальных воззрений на внутреннее значение того или иного божества.

Вспоминая старый афоризм о том, что Бог создал человека по образу и подобию своему, но человек отплатил ему тем же, мы можем четко выделить, с какой этнической культовой средой соотносятся рассмотренные нами пластические образы божеств. Могучий импульс к развитию статуарного искусства здесь бесспорно дал в конце IV—III вв. до н. э. эллинизм, имели место привоз

и выполнение на месте скульптурных греческих эталонов. В сфере коропластики отмечается также проникновение ближневосточных образцов (нагая богиня-Матерь). После сако-юечжийских вторжений и последующей стабилизации мирной жизни, скульптура уже отвечает запросам местной среды. И хотя еще фигурируют классические прототипы Геракла, Афины, Ники (Халчаян), в одном ряду с ними слагается чисто локальный образ Великой богини (Северный храм на Дальверзинтепа), а почитание обожествленного степного предка порождает высокохудожественный образ царственного всадника (он сохранился на монетах Герая и Сотера Мегаса) или примитивного лепного всадничка на коне в массовой коропластике.

Со времени формирования Кушанской империи в ее обширных границах отмечается вторжение в Тохаристан индийских верований и соответственно образов индийских божеств. С ними приходит канонизированная иконография Шивы, особенно Будды и бодисатв. Однако в образы последних местные мастера вносят некоторые локальные черты. Тохаристанский же элемент — этнический тип, местные одеяния, украшения, музыкальные инструменты преобладают в облике второстепенных существ из сомна индийской мифологии — дэватов, гандхарвов и иных небожителей. Под индийским влиянием в коропластике появляется образ якшини — обнаженной женщины с тяжелым ожерельем на груди и узорными опоясками. И все же главный цикл божеств кушанского времени, связанный с почитанием божеств и мифологии Авесты, соподчинен в пластическом искусстве собственным бактрийским традициям, претерпевая определенные видоизменения по отношению к греко-бактрийскому времени в сторону «кушанизации» их статуарных образцов. Статуи божеств на монетах Канишки, Хувишки, Канишки II — в таких же кушанских одеяниях, как кушанские цари и царицы, каковых мы знаем по скульптурам Халчаяна, Сурх-Котала, Матхуры, гандхарским рельефам. Голова Афины из халчаянского дворца и богини из Северного храма Дальверзинтепа передают облик женщин какого-то местного этноса, далекий от классических идеалов греческих богинь и чувственного идеала индийской женщины.

Тохаристанское начало особенно наглядно в терракотовых статуэтках. Они дают массу иконографических вариантов, хотя соответствуют ограниченному числу мест-

ных чтимых в народе богинь (если это не ипостаси одной и той же, но разделяемой множеством своих функций богини). Почти каждый небольшой район дает свой вариант, отвечая запросам местной (в основном женской) народной среды. И если в некоторых случаях в них запечатлена эволюция во времени, то в основном отличия вызваны тем, что гончар-коропласт стремился придать статуэткам те особенности облика и одеяний, которые были характерны для основного населения данного района.

Ш. Р. ПИДАЕВ

ЭВОЛЮЦИЯ ДВУХ ФОРМ КЕРАМИКИ ДРЕВНЕЙ БАКТРИИ

Объектом нашего исследования являются цилиндро-конические кубки и столовые тагара, которые, несколько видоизменяясь, существовали на протяжении почти целого тысячелетия: со второй половины I тыс. до н. э. — до середины I тыс. н. э. Основой для изучения генезиса этих двух форм керамики послужили материалы, полученные в стратиграфических шурфах на цитадели Старого Термеза и раскопов на Мирзакултепа, Аккургане, Зартепа и Дальверзинтепа. Отметим, что обе эти формы керамики довольно широко распространены на древних памятниках Средней Азии, а эволюция одной из них уже рассматривалась в археологической литературе (Вязьмитина, 1940; Кабанов, 1964).

Цилиндро-конические кубки имеют небольшой поддон с конусообразным выемом внутри, от которого стенки плавно расширяются кверху, делают резкий перегиб и образуют цилиндро-конический резервуар. Одна из характерных особенностей — четкость профилировки.

Как правило, венчики кубка слегка заостренные, нередко на месте перехвата имеют желобки. Наиболее древние образцы этой формы найдены в нижних слоях цитадели Старого Термеза, в шурфах №№ 1, 2. Они тонкостенные, изготовлены из хорошо отмученной глины, тесто в изломе кирпичного цвета, без примесей, покрыты различными оттенками красно-кирпичного ангоба. Слой, в котором были обнаружены кубки, датируется концом III — началом II вв. до н. э. Эта дата подтверждается и найденными здесь халками Эвтидема (230—200 гг. до н. э.).

Цилиндро-конические кубки, датированные III—II вв. до н. э. известны и на Ай-Ханум, где они представлены в

небольшом количестве. Отличительной их чертой является нечетко выраженный перегиб (Gardin, 1957, p. 144, 17, 132). На других памятниках Бактрии цилиндрико-конические кубки, судя по их профилю, относятся к более позднему времени. Неизвестны они и в более древних слоях, чем III—II вв. до н. э. Поэтому вопрос о происхождении кубков несколько затруднен. В данном случае мы имеем дело с кубками, характеризующимися завершенностью формы.

Ценные наблюдения сделаны в Согде, где удалось проследить генезис многих керамических форм, в том числе и цилиндрико-конических. Исследователи, анализируя имеющиеся материалы, приходят к мнению, что эта форма керамики происходит от цилиндрико-конических сосудов, характерных для середины I тыс. до н. э. (Кабанов, 1964, с. 80; Шишкина, 1975, с. 70; Исамиддинов, Сулейманов, 1984, с. 128). Такое заключение приемлемо, хотя и не совсем убедительно.

Во-первых, форма цилиндрико-конических сосудов середины I тыс. до н. э. существенно отличается от рассматриваемых нами кубков, т. е. у них цилиндрическая часть более высокая, чем коническая, тогда как у кубков наоборот, коническая часть более высокая, чем цилиндрическая. Этот процесс изменения соотношений частей сосудов на имеющихся материалах пока вообще не прослеживается. В них наблюдается бытование уже сложившейся формы, когда высота цилиндрической части сосуда в два — три раза меньше, чем коническая. Причем мастера-керамисты в изготовлении кубков добились определенной стандартизации форм.

Во-вторых, оформление этих двух групп керамики тоже различное. У цилиндрико-конических сосудов ангобом, и только светлым, покрывалась обычно цилиндрическая часть, тогда как внутренняя часть сосудов была без ангоба.

Между тем цилиндрико-конические кубки покрывались различными оттенками красно-коричневого ангоба, как с внутренней, так и с наружной части, хотя снаружи — обычно только верхняя половина сосуда.

Если допустить, что цилиндрико-конические кубки генетически связаны с цилиндрико-коническими сосудами середины I тыс. до н. э., то между ними отсутствует связывающее звено, которое на археологических материалах Средней Азии еще не прослеживается. Поэтому пока

следует говорить не о генетических связях между ними, а о подражании более древним формам. Возможно это происходит в греко-бактрийский период, когда социально-экономическое развитие общества требовало резкого увеличения ассортимента посуды, что в свою очередь способствовало возрождению старой формы, но в новом варианте, учитывающем эстетические вкусы населения этого периода, а также их функциональное назначение. Характерно отсутствие цилиндро-конических кубков в самых нижних слоях Термеза.

Такая же картина зафиксирована и на Дальверзинтепа, где в комплексе керамики Дальверзин I, датированного III—II вв. до н. э., отсутствуют цилиндро-конические кубки. Таким образом, есть основания считать, что данные сосуды появились в завершенном виде на определенном стратиграфическом этапе, который, судя по имеющимся данным, возможно, датировать концом III в. до н. э. При этом можно допустить и иной вариант относительно происхождения цилиндро-конических кубков. Можно предположить, что они генетически связаны с кубками с овальной профилировкой стен и слегка загнутым внутрь венчиком. Такие кубки являются одними из характерных форм керамики III в. до н. э. При таком подходе на материалах Ай-Ханум можно наметить некоторую последовательность их превращения в цилиндро-конический кубок.

Следующий этап развития цилиндро-конических кубков довольно хорошо отражен в материалах шурфов 1 и 2 (XI строительный горизонт шурфа 1 и строительный горизонт шурфа 2) цитадели Старого Термеза, Дальверзинтепа — II (Некрасова, Пугаченкова, 1978, с. 146, рис. 101), Джигатепе II (Пидаев, 1984, с. 118, рис. 3) и особенно на материалах Тулхарского могильника, датируемого последней третью II в. до н. э.— I в. н. э. (Мандельштам, 1966, с. 93—94, с. 158, табл. XX—XVIV). Хронологический диапазон этих памятников довольно широк. Он охватывает период с конца III в. до н. э. по I в. н. э. В связи с этим хотелось бы отметить неверность заключения А. М. Мандельштама, который на основании данных Тулхарского могильника считает, что цилиндро-конические кубки (бокалы, по Мандельштаму) бытуют до рубежа н. э., затем — исчезают (Мандельштам, 1966, с. 156). Исследования, проведенные в последние два десятилетия, показали, что они просуществовали очень длительное время, о чем будет сказано ниже более подробно.

Здесь же остановимся на тех различиях, которые отличают цилиндро-конические кубки этого периода от предшествующих. В частности, стенки их стали более толстостенными и более округлыми, перегиб плавнее, желобки на месте перехода от цилиндрической части к конической видоизменились. Появились кубки на небольших ножках. Ангобное покрытие стало менее качественным, чем раньше.

В последующие два века цилиндро-конические кубки получили свое дальнейшее развитие. Изменилась общая их профилировка. Они стали более высокими, стенки еще более округлыми и толстостенными, перегиб менее выразительным. Венчики их как обычно загнуты внутрь. Ножка кубка стала довольно четкой с конусообразным выемом внутри. Она неустойчивая. Одновременно кубки на поддоне полностью исчезли. Как правило, теперь снаружи кубки покрывали ангобом частично, лишь цилиндрическую часть.

Подобного типа цилиндро-конические кубки встречены в шурфе 1 на цитадели Старого Термеза (X—VIII строительные горизонты) в комплексе керамики периода Дальверзин — III, датируемого концом I—II вв. н. э. (Некрасова, Пугаченкова, 1978, с. 150), на ряде сельских памятников Шерабадского оазиса (Некрасова, 1976, с. 76—82), в Айртаме (Тургунов, 1973, с. 66. рис. 13, 17) и Мирзакултепа (Пидаев, 1978, с. 36—34, табл. 1). На Мирзакултепа цилиндро-конические кубки представлены в очень большом количестве, что свидетельствует о ведущем положении этой формы в быту и его расцвете в этот период. Они представляют интерес тем, что поселение в настоящее время является одним из наиболее точно датированных кушанских памятников Сурхандарьинской области. Оно датируется первой половиной I в. н. э. на основании комплекса керамики и монетных находок (Пидаев, 1978, с. 93).

В следующий период цилиндро-конические кубки получают дальнейшее развитие: постепенно исчезают кубки на ножках, характерные для предшествующего времени, появляются цилиндро-конические кубки на небольшом поддоне и более приземистые. В этом отношении как бы начинается возврат к начальному типу кубков. Однако стенки их по-прежнему остаются округлыми. В отличие от кубков предшествующего времени теперь перегиб их вместо желобков выполнен плавными изгибами стенок. Стенки опять становятся тонкостенными: нередко

стенки цилиндрической части кубков снаружи поверх ангоба украшаются полосчатым лощением. Одновременно происходят коренные изменения в профилировке стенок, которые становятся более приземистыми и одновременно увеличивается их диаметр. Таким образом, в результате этих изменений цилиндро-конические кубки постепенно превращаются в чаши с характерным перегибом у венчика. По стратиграфическим данным этот процесс приходится на вторую половину III — начало IV в. н. э. Определенное время они сосуществуют вместе.

Со временем чаши с характерным перегибом полностью вытесняют кубки, они стали украшаться различными оттенками красно-коричневого ангоба, а внутренняя поверхность чаш, как правило, поверх ангоба оформлялась сетчатым, сводчатым и полосчатым лощением. Чаши тонкостенные, звонкие и изящны по форме. Их расцвет приходится на IV в. н. э. Они встречаются во всех кушанских памятниках Бактрии: в большом количестве они были обнаружены в верхних слоях Зартепа (Завьялов, Осипов, 1976, с. 54), на Аккургане (Пидаев, 1978, с. 64—65, табл. X) в слоях III—IV вв. н. э. из Дальверзинтепа (Некрасова, Пугаченкова, 1978, с. 156—157, рис. 110), на Яванском городище (Зеймаль, 1969), на Джигатепа (Пидаев, 1984, с. 120—124, рис. 6), Дильберджинтепа (Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 22), на Чакалактепа (Misuno Seuchi, 1970, p. 34). Кубки в огромном количестве представлены и на буддийском святилище Каратепа в Старом Термезе (Сычева, 1975, с. 94). Хронологически диапазон их охватывает с III по IV вв. н. э. При этом все исследователи эту форму сосудов рассматривали как две разные формы керамики: кубки и чаши с характерным перегибом у венчика. Естественно поэтому ими и не ставился вопрос о их взаимосвязи. Это, конечно, можно объяснить тем, что раскопки большинства кушанских памятников ведутся в основном по горизонтали, на уровне верхних строительных горизонтов, а стратиграфические исследования проводятся в ограниченных масштабах и не на всех памятниках. Известно, что на материалах одного горизонта трудно проследить эволюцию форм. Такая картина и с цилиндро-коническими кубками, которые повсеместно встречались вместе с чашами с характерным перегибом у венчика. Здесь трудно определить, которая из них ранняя, а которая — поздняя. Поэтому их генезис и взаимосвязь не удавалось проследить. Отдельные исследователи появление чаш с

характерным перегибом у венчика на территории Бактрии связывают с Северным Причерноморьем. Б. Я. Ставиский и вслед за ним Н. С. Сычева считают, что подражанием для чаш с характерным перегибом у венчика (тарелки, по Сычевой) служили римские красно-глиняные изделия I в. н. э. (Сычева, 1975, с. 180, с. 142). Здесь было бы правильным говорить не о подражании, а о сходстве этих форм керамики с сосудами Северного Причерноморья.

Данные шурфа 1, заложенного на цитадели Старого Термеза, свидетельствуют не только о местном происхождении чаш с характерным перегибом, но и позволяют проследить процесс превращения цилиндро-конических кубков в чаши с характерным перегибом у венчика (VII—IV строительные горизонты). Начало этого процесса фиксируется на материалах VI строительного горизонта, где преобладают цилиндро-конические кубки, в какой-то мере трансформировавшиеся в чаши.

В следующем, пятом горизонте они уже полностью приобретают форму чаши с характерным перегибом у венчика. Однако сама форма цилиндро-конических кубков продолжает еще бытовать, хотя количество их резко сокращается. Дальнейшее развитие кубки-чаши получают в период, синхронный IV строительному горизонту, когда кубки полностью исчезают, а чаши с характерным перегибом у венчика подвергаются еще более сильной трансформации. Чаши становятся еще более приземистыми, перегиб, который являлся одним из характерных признаков данной формы, по мере удаления от исходного варианта, выражен более резко. Одновременно высота стенок цилиндрической части чаши также уменьшается. Постепенно сокращается производство чаш, а к началу VI в. н. э. они полностью исчезают. Таким образом, восстанавливается основная линия развития одной из характерных форм керамики Бактрии — цилиндро-конических кубков, которые, как мы видели, просуществовали видоизменяясь с конца III в. н. э. по VI в. н. э.

Обратимся теперь к анализу тагара, представленных двумя группами: столовые и хозяйственные тагара. В данной статье рассматривается эволюция столовых тагара, т. к. хозяйственные на протяжении греко-бактрийского и кушанского периодов почти не видоизменялись, о чем свидетельствуют многочисленные их находки на многих памятниках Бактрии этого времени.

Хозяйственные тагара имеют усеченно-конический

резервуар, со слегка округлыми или прямыми, расходящимися в сторону стенками, донце плоское или с невысоким поддоном. Венчики нескольких вариантов. Наиболее распространенным видом являются профилированные венчики в виде двух или трех желобов и миндалевидные в сечении венчики, обращенные острой стороной внутрь. Ангобированные, также как и орнаментированные тагара встречаются редко. Диаметр их 30—45 см, они толстостенные.

В отличие от хозяйственных, столовые тагара меньше диаметром, менее толстостенные, стенки, как правило, округлые и раскинуты в стороны, венчики оттянуты наружу. С внутренней стороны они обычно покрывались ангобом. Изнутри на стенках сосудов ближе к венчику, располагался волнистый орнамент. Время появления столовых тагара сейчас определить еще трудно. В то же время, хозяйственные тагара, судя по находкам на Ай-Ханум, в Старом Термезе и Дальверзинтепа, появились уже в III—II вв. до н. э. Также неясен вопрос о их генезисе: в результате культурных контактов или же поступательного развития местных прототипов. Однако в керамике Средней Азии предшествующих периодов аналогичного типа сосуды отсутствуют. Следовательно, они появились или в следствие развития одного из вариантов хозяйственного тагара, или же в результате эволюции кратеров.

Отдать предпочтение одной из этих гипотез весьма сложно. Не исключено, что права Н. С. Сычева, предположившая появление столовых тагара на территории Северной Бактрии под воздействием чаш и лутериев Северного Причерноморья. Однако данная гипотеза требует дополнительных доказательств. Наиболее ранние фрагменты столовых тагара с территории Бактрии происходят из слоев, относящихся к рубежу нашей эры: Старый Термез (X горизонт шурфа), Джигатепе (Пидаев, 1976, с. 118, рис. 4).

В I в. н. э. столовые тагара уже получают довольно широкое распространение, формируется четкий тип сосудов, которые имеют раскинутые стенки с небольшим отлогим бортом, обычно покрытые различными оттенками красно-коричневого ангоба. К этому времени они уже украшались различным процарапанным орнаментом: углубленные концентрические линии, волнистый и зигзагообразный орнамент и фестончики. Как правило, орнаментом украшался верхний борт тагара.

Столовые тагара I в. н. э. обнаружены на уровне XIII строительного горизонта шурфа 1 цитадели Старого Термеза, на Мирзакултепа (Пидаев, 1978, с. 30, табл. V) и Дальверзинтепа (Некрасова, Пугаченкова, 1978, с. 153, рис. 103), в нижних слоях Аккургана (Пидаев, 1978, с. 75, рис. 1).

Дальнейшее развитие столовых тагара хорошо иллюстрируют материалы шурфа 1, Халчаяна (Пугаченкова, 1968, с. 67, рис. 40), Дальверзинтепа (Некрасова, Пугаченкова, 1978, с. 153, 156), Тепай-Шах (Литвинский, Седов, 1983, с. 141, табл. XIV), второго периода Джигатепы (Пугаченкова, 1979, с. 77). Сопоставление их со столовыми тагара предшествующего этапа показывает, что они не подвергались существенным изменениям: те же, но более однообразные типы орнаментации, аналогичная отделка поверхности. Некоторые изменения зафиксированы в профилировке стенок, ставших более профилированными, чем раньше, видимо, в это время появляются ручки-налепы.

Наивысший расцвет столовых тагара приходится на конец III—IV вв. н. э. Они имеют два или три излома, придающих стенкам красивую и изящную профилировку. Как правило, внутренняя грань венчика оформлялась двумя или тремя горизонтальными бороздками. Почти все сосуды без исключения покрывались разнообразными оттенками красно-коричневого ангоба. Орнаментация сосудов становится более разнообразной. Помимо разнотипных процарапанных орнаментов и пунсонов их украшают штампованным орнаментом геометрического и растительно-стилизованного характера. Нередко процарапанный орнамент сочетался со штампом. Зачастую столовые тагара оформляются горизонтальными и вертикальными ручками в виде жгута и круглых выступов с пальцевыми вдавлениями, что еще больше подчеркивает парадность данных сосудов. Они нередко к тому же украшаются зооморфными налепами: обезьяна, черепаха (?), которые прикреплялись к краю венчика, мордой внутрь. Широко применяется полосчатое лощение, встречаются отдельные тагара с комбинированным орнаментом. Некоторые столовые тагара за свою красивую профилировку и «букет» орнаментов можно назвать шедеврами прикладного искусства. Все это результат высокого эстетического спроса, предъявляемого столовым тагаром.

Столовые тагара этого периода в сравнительно боль-

шом количестве найдены в Старом Термезе (Сычева, 1975, с. 96—97), Дальверзинтепа (Некрасова, Пугаченкова, 1978, с. 156, рис. 110; рис. 87, 90 и др.), Зартепа (Завьялов, Осипов, 1976, с. 54), на Аккургане (Пидаев, 1978, с. 65—76, табл. XI), Яване (Зеймаль, 1969, с. 6—7), Джигатепе (Пидаев, 1984, с. 120), Дильберджине (Кругликова, Пугаченкова, 1977, с. 35—96), Чакалактепа (Misuno Seuchi, 1970, p. 15, pl. 35) и во многих других памятниках позднекушанской Бактрии.

Их объединяет не только форма, но и характер обработки поверхностей и мотивы орнаментации. Вместе с тем, между ними существуют некоторые различия в обработке поверхности и в мотивах орнаментации, что, кажется, можно отнести за счет особенностей каждого керамического центра. К примеру, в Вахшской долине весьма редки столовые тагара с ручками в виде налепного жгута со следами пальцев, которые являются одним из характерных признаков «сурхандарьинской» керамики. В тоже время в оформлении столовых тагара Вахшской долины очень часто встречается орнамент в виде листьев аканта, который вообще неизвестен на территории Сурхандарьи.

В конце V в. н. э. количество столовых тагара резко сокращается, а в середине VI вв. н. э. они полностью исчезают. Исчезновение отдельных форм керамики, в том числе столовых тагара и чаш с характерным перегибом у венчика — это результат регрессивного процесса, который переживало в этот период керамическое производство Средней Азии. Определенную негативную роль в нем, видимо, сыграла новая волна кочевников, которые хлынули в этот период в Среднюю Азию и изменения в общественной, политической, социальной и этнической жизни этого региона. Не последнюю роль в этом процессе сыграло и резкое увеличение изготовления металлических изделий, которые на определенное время отодвинули керамическую посуду на второй план.

Вопрос, который мы рассматривали выше, далеко не исчерпан. По мере накопления новых материалов, особенно четких стратиграфических слоев, он будет дополняться и уточняться.

В. А. КОЗЛОВСКИЙ, К. А. ШЕЙКО

РАСКОПКИ «КУРГАНА» НА ГОРОДИЩЕ СТАРОГО ТЕРМЕЗА

В северо-восточной части городища Старого Термеза, в 180 м от автотрассы «Термез-Ташкент» возвышается древнее здание, именуемое местным населением «Курган».

Первое упоминание о нем встречается у И. Л. Яворского, описавшего в 1878 г. развалины городища Старого Термеза (Массон, 1941, с. 13).

В апреле 1881 г. городище посетил французский исследователь Г. Бонвало, который, отметив комплекс зданий у минарета, показал, что главная площадь средневекового Термеза была именно здесь (Массон, 1940, с. 16).

Первое научное обследование «Кургана» относится к 1926—28 гг., когда на территории городища работала экспедиция Музея восточных культур под руководством профессора Б. И. Денике.

В 1927 г. членами этой экспедиции архитектором Б. Н. Засыпкиным и археологом В. А. Вяткиным был впервые обмерен и описан «Курган», который они отнесли к доарабскому времени (Засыпкин, 1928, с. 18).

Кроме этого памятника был обследован минарет 423 г. х. / 1032 г. н. э. и мечеть «Чор-Сутун», однако археологических исследований на этих объектах не производилось.

В 1930 г. вышла статья Б. Н. Кастальского, посвященная историко-географическому обзору Сурхандарьинской и Шерабадской долин, в котором автор дал краткую характеристику археологических памятников, в том числе и «Кургана».

Широкое научное изучение Старого Термеза осуществлялось Термезской Археологической комплексной экс-

педицией (ТАКЭ) в 1936—38 гг. под руководством М. Е. Массона. В мае — июне 1937 г. на «Кургане» В. А. Шишкиным велись археологические исследования, в процессе которых было вскрыто одно помещение на его северо-восточной стороне и часть коридора, прилегающая к этому помещению, а у внешней восточной стены был заложен шурф с целью определения стратиграфии.

В 1974—75 и 1980 гг. «Курган» изучался отрядом Сурхандарьинского областного краеведческого музея под руководством В. А. Козловского. В результате этих исследований здесь были вскрыты почти все помещения (за исключением пом. № 6) и коридор. Перейдем к характеристике полученных данных.

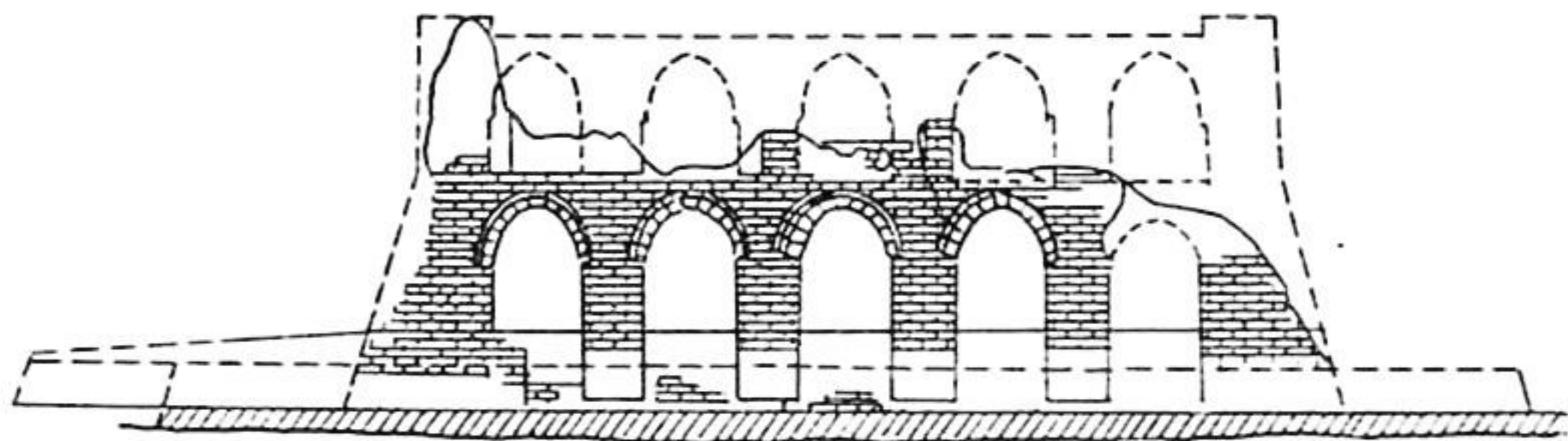
Здание в плане подквадратное (22 X 21 м). С севера на юг оно прорезано коридором шириной 2,3 м, в который выходят дверные проемы 10 прямоугольных помещений по 5 комнат с каждой стороны, ширина стен 1,2 м, они сложены из сырцового кирпича 33 X 33 X 8 см.

Здание имело второй этаж, остатки которого сохранились на небольших площадях восточной стороны, поэтому планировку второго этажа точно установить нельзя, но по всей вероятности она повторяла план первого этажа.

В северной части коридор заканчивался сырцовой лестницей, ведущей на второй этаж. Как и в лестничных клетках Пенджикента, здесь под первым маршем устроена сводчатая каморка, открытая в сторону помещения (Нильсен, 1966, с. 87).

Все помещения и коридоры перекрывались сводами повышенно-коробового очертания.

Планировка всех помещений на первом этаже одинакова. Длина их — 5,8 м, высота — 3,1 м, ширина — 2,2 м. Стены и своды помещений выложены из квадратного кирпича размером 33 X 33 X 8—9 см на глиняном растворе и носят следы многочисленных ремонтов. Своды дефор-

Старый Термез. Курган, разрез.

мированы, поэтому они имеют очертание, близкое к эллиптическому. Пяты сводов находятся на высоте 1,5 м от средневекового пола, высота до замка свода — до 3,2 м.

Оконные проемы шириной от 0,45 до 0,8 м и высотой до 0,75 м — имеются во всех помещениях на внешних шипцовых стенах. Нами было выявлено, что окна пробиты уже после возведения внешних стен и единовременны со стенами внутри «Кургана». В противоположных окнам стенах имеются расположенные асимметрично дверные проемы, соединяющие комнаты с коридором шириной 0,8 м (кроме комнат №№ 1 и 10, входы которых были заложены).

Стены комнат и коридора покрыты несколькими слоями глино-саманной штукатурки. Во многих местах стены подвергались ремонтным работам, при которых использовался жженный и сырцовый кирпич разных размеров. Очевидно, при этих работах в отдельных комнатах были сделаны различных размеров ниши на разной высоте от пола.

В результате археологических работ на «Кургане» для периода развитого и позднего средневековья установлено наличие всех помещений, кроме № 1 и 10 и коридора; двух полов на двух уровнях обживания (не постоянного).

За нулевую отметку нами была взята точка замка свода в помещениях, описание культурных слоев дается сверху вниз.

Все помещения «Кургана» перед началом работ были заполнены на одну треть землей, уже в первых слоях которой найдены фрагменты сырцовых кирпичей толщиной 8—9 см. Кирпичи такой же толщины имеются в сохранившихся сводах помещений. Неравномерность расположения кирпичей в завале показывает, что обрушения сводов в помещениях происходили постепенно. В слое завала рухнувшего свода найдены фрагменты поливной керамики, очевидно, упавшей со второго этажа.

На глубине 1, 1 м от репера зафиксирован уровень временного обживания XVI—XVII вв. По немногочисленным фрагментам керамики, очагам, беспорядочно расположенным в этом слое, использованию отдельных комнат под хранилище зерна и как стойла для скота, можно заключить, что помещения «Кургана» обживались в этот период не полностью. Они, вероятнее всего, использовались различными людьми, находившими себе временный приют в хорошо сохранившихся комнатах «Кур-

гана». Ниже этого уровня, на глубине 40—50 см, прослеживается еще один период обживания, в котором найдены фрагменты тимуридской керамики XIV—XV вв.

На глубине 20 см от этого уровня обнаружен пол, обмазанный глиной с саманом. На нем найдены фрагменты керамической посуды, характерной для конца XII — начала XIII вв.

Еще ниже, на глубине 30—35 см от него отмечен рыхлый слой, в котором найдены фрагменты керамики X—XII вв.: тонкостенные черепки, светло-серые, изящно сформованные кувшины с орнаментом из процарапанных параллельных и волнистых линий, некоторые из них украшены штампом, изображающим звездчатую розетку, неорнаментированные черепки **такой же фактуры**, малочисленные фрагменты белополивных венчиков сосудов со светло-бирюзовой каймой по краю. Здесь же найдены саманидские монеты X века.

Кроме того, в помещениях 1, 5, 8 и 10 были заложены шурфы с целью определения стратиграфии нижележащих слоев.

По всей площади этих помещений на глубине 62—70 см от пола X в. прослежен слой песка с прослойками золы и кусками глины. С отметки 70 см по всей площади здания проходит глиняная отмостка толщиной 7 см, на которой стоят внешние стены так называемой «коробки Кургана». Внутренние стены помещений покоятся на фундаменте из трех сырцовых кирпичей (30×30×8 см).

На глубине 1,6 м зафиксирован плотный глино-саманный пол. На этом полу найдены кушанские монеты, тонкостенная с красным ангобом керамика: фрагменты мисок, кубков, плошек. В помещении № 5 было обнаружено большое количество золы и остатки обуглившихся деревянных балок. Здесь также найдены остатки двух баз колонн, подвергшихся воздействию большой температуры. В центре этого помещения прослежена стенка шириной 1,5 см, сохранившаяся на высоту 50—55 см. Она сложена из сырцового кирпича 30×30×10 см и покрыта глино-саманной штукатуркой красного цвета толщиной 3—4 см. Проследить эту стену удалось только по ширине помещения, в котором заложен шурф, так как она уходит под северную внешнюю стену и под помещение 4.

Под полом помещения 1 и стеной, отделяющей его от помещения 2 на натечном слое толщиной 20 см, на полу помещений кушанского времени обнаружено массовое

захоронение. Расчищено 26 костяков, покоившихся на спине в вытянутом положении. Среди них — 13 мужских, 10 женских и 3 детских. По основным расово-диагностическим признакам серия черепов европеоидная. В мужской группе преобладают черты, переходные от восточно-средиземноморского к типу Среднеазиатского междуречья. Женская группа характеризуется восточно-средиземноморским типом (Ходжайов, 1980, с. 146).

В большинстве случаев на костяках сохранилась одежда: три рубашки, две пары штанов, чулок, сшитый из цельного куска, шапочка-куколь из набивной красно-белой ткани, неопределенный предмет из синей и красной ткани, полотно с бахромой из нити основы и тонкая красная ткань. Все одежды сшиты из ткани, сотканной из хлопчатобумажных нитей с полотняным переплетением (Майтдинова, 1986, с. 57—60).

По нумизматическим данным (см. табл. 1) погребения датируются концом IV—V вв. н. э. Среди костяков на месте расположения кистей рук были найдены медные скифатные монеты анонимного термезского чекана. Последнее захоронение производилось на суфе, сложенной из кирпича $30 \times 30 \times 12$ см, под голову костяка был положен кирпич, а в руку покойника вложена серебряная монета Пероза (457/459—484). Для черепа этого костяка характерна цилиндрическая деформация. Найдены также бронзовые подвески козликов и лошадок (1—1,5 см), которые, очевидно, крепились на поясах, бронзовые кольца и бусы.

Переходя непосредственно к керамическому материалу, отметим, что весь этот комплекс делится на две группы: кушанского времени и развитого средневековья. У керамики первой группы тонкий, хорошо отмученный череп, покрытый ангобом разных оттенков: от оранжево-красного до темно-коричневого, очень часто с лощеной поверхностью. В ходе работ было найдено несколько фрагментов донц кубков и фрагменты венчиков и стенок сосудов.

На одной части сосуда, по всей вероятности чайника, сохранилась надпись. Стенки фрагментов орнаментированы штампами в виде «елочки», перевернутых капель и Г-образного знака.

Вторая группа керамики делится, в свою очередь, на поливную и неполивную.

Неполивная керамика представлена кувшинами, горшками и хумами. У кувшинов горлышки, как прави-

ло, цилиндрические или конусообразные. Край загнут внутрь или оттогнут наружу в виде валика. Кувшины украшались процарапанными, штампованным или вдавленным орнаментом. Виды орнаментации разнообразны: волнистые линии, штампы с повторяющимся рисунком в виде надписи, штампы выдавленные с внутренней стороны кувшина, имитирующие многолепестковый цветок, круглые наlepные розетки в виде выпуклых блях. Горшки выполнены из грубого теста. Черепок в изломе красного или светло-коричневого цвета. На стенках хумов иногда имеются потеки черного ангоба.

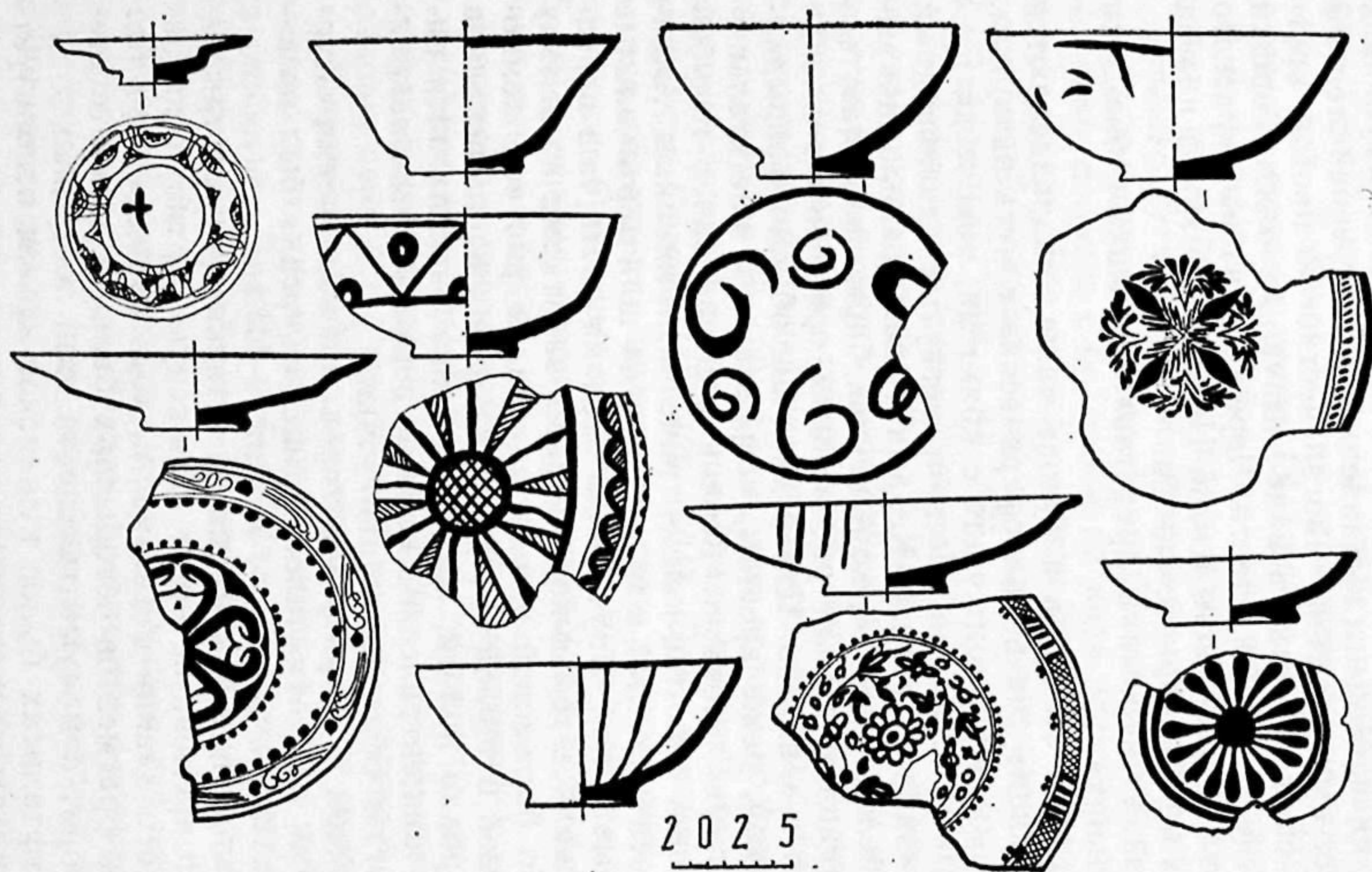
Поливная керамика представлена чашами, блюдами и светильниками.

По форме венчиков и тулова чаши подразделяются на следующие типы, полусферические с чуть загнутым, утонченным венчиком: чаши с прямыми, конически расходящимися стенками. Поддон вогнутый, дисковидный или дисковидно-врезной. Керамика, как правило, покрывалась белой, зеленой, коричневой, бирюзовой глазурью с процарапанным или рисованным орнаментом в виде спиралей и завитков. Центр дна чаш обычно оформлялся розеткой, реже крестом, «сердечками», растительными побегами, рыбками. Венчик подчеркивался голубой или зеленой полосой, концентрическими линиями, точками. От венчика вниз к центру иногда шли вертикальные наклонные линии. Внутренняя средняя часть чаш изредка украшалась темно-коричневыми завитками по белому фону. По бирюзовой поливе наносился рисунок темно-фиолетовой и черной глазурью. Снаружи вдоль венчиков шла широкая полоса, иногда под ней располагался рисунок — концентрические полосы, вертикальные, наклонные и зигзагообразные линии, точки.

Перейдем к вопросу о датировке и назначении «Кургана». Как уже отмечалось выше, «Курган» был возведен на остатках античного здания I—III вв.

Археологический материал и остатки архитектуры кушанского времени не могут дать ясную картину о назначении этого здания в древности, хотя находка двух баз колонн и фрагментов обгоревших балок в какой-то степени говорит о монументальности этой постройки.

При эфталитах бывшее кушанское здание используется под склепы. Аналогичную картину можно проследить на буддийском монастыре Фаязтепа. В это же время захоронения обносятся так называемой «коробкой» из сырцового кирпича.

Керамика из Кургана.

Строительство помещений внутри этой «коробки» происходит в VIII—IX вв. В данный период «Курган» является частью комплекса мечети Чор-Сутун. В. А. Шишкин считает, что «Курган» возведен в VI—VII вв. и сравнивает его с постройками Хорезма, которые С. П. Толстов датирует тем же временем (Шишкин, 1940, с. 129).

Г. А. Пугаченкова пишет, что стандарт кирпича и характер арочных кривых с наглядностью свидетельствуют, что возведение «Кешка» («Кургана») не может, вопреки предположению В. А. Шишкина, датироваться доарабским временем, когда в этом районе использовался крупный прямоугольный кирпич размером $45 \times 25 \times 8$ — 10 и $50 \times 30 \times 8$ — 10 см. Однако «Кешк» воздвигнут до XI в., поскольку в 1032 г. на него почти надвинулось вновь возведенное здание мечети с минаретом (Пугаченкова, 1963, с. 32—33).

В. А. Нильсен пишет, что датировка «Кургана» VI—VII вв. ошибочна, более вероятно, что оно относится к VIII—IX вв. (Нильсен, 1966, с. 331).

Итак, время начала функционирования «Кургана» — VIII—IX вв. н. э., то есть в период возведения и начала функционирования мечети Чор-Сутун.

Возможно, что выбор места для строительства этих зданий не случаен. Известно, что в период внедрения ислама арабами практиковалось строительство мечетей на местах поклонения других религий.

Следующий этап функционирования «Кургана» связан непосредственно с мечетью Чор-Сутун. В этот период он выполняет роль общежития для паломников или дервишей. Эту версию в свое время выдвигали Б. Н. Засыпкин, Г. А. Пугаченкова, В. А. Нильсен.

Представляется вероятным, что это здание могло использоваться и как гостиница для паломников, приезжающих для поклонения в мечеть Чор-Сутун. Для этой цели с восточной стороны имелся просторный дворик, который мог вмещать достаточное количество людей и животных. Именно к этому времени относится строительство комнат внутри коробки «Кургана».

Позже, в XI в. в этот комплекс вливается минарет, который находился у северо-западной стены мечети. К юго-востоку от мечети Чор-Сутун располагались развалины другой крупной постройки, именуемой Чор-ислам.

В 1220 г. Старый Термез был разрушен полчищами

Чингиз-хана. Жизнь на городище затухает, а сам город переносится на юго-восток к реке Сурхан.

Временное запустение в этот период наблюдается и на «Кургане», хотя по найденным монетам можно предположить, что «Курган» посещался отдельными паломниками. К этому времени относится обнаруженный во время работ уровень обживания XIV—XV вв. В XVI—XVII вв. у южной внешней стены «Кургана» производится захоронение в могилах, выложенных жженым кирпичом. Сам памятник, вероятно используется как гостиница для паломников, направляющихся на поклонение к мазару Хаким аль-Термези.

Таблица 1.

Монеты из «Кургана»

№№ пп	Вес	д	Определение	Место находки	Примечание
1	2	3	4	5	6
1	2,61	26,4	Драхма сасанидского царя Пероза (457/459—484)	Пом. 1, под полом в захоронениях	Серебро
2	0,31	14,3	Термезский локальный чекан: бюст правителя в фас; тамга в виде якоря; малый номинал	—»—	Медь
3	1,06	18,4	То же, большой номинал	—»—	—«—
4	0,38	14,2	То же, малый номинал	—»—	—»—
5	1,08	18,8	То же, большой номинал	—»—	—»—
6	0,62	19,9	—»—	—»—	—»—
7	0,82	20,3	Эфталитская неопределенная	—»—	—»—
8	6,68	22,0	Медный «статер» Канишки I (об. ст.—богиня Нана)	Пом. 1, на кушанском полу	—»—
9	1,98	19,3	Подражание монетам Хувишки?	Пом. 1, в захоронении	—»—
10	2,50	19,3	Подражание монетам Канишки III?	Пом. 9, в завале	—»—
11	2,83	16,0	Кушано-сасанидская	Пом. 10, на остатках кушанской стены	—»—
12	1,96	16,7	Кушано-сасанидская монета кушаншаха Хормизда	Пом. 10, на остатках кушанской стены	Медь

№№ пп	Вес	д	Определение	Место находки	Примечание
1	2	3	4	5	6
13	2,38	20,1	Неопределенная	Пом. 5, в завале над кашанским полом	—»—
14	2,68		Стертая мусульманская монета (не ранее XV в.)	Пом. 10, под средневековым полом	—»—
15		17,0	Подражание монетам Васудевы I	Пом. 5, под эфталтским захоронением	—»—
16	3,20	19,1	Кушано-сасанидская монета Хормизда	Помещение 9, под средневековым полом	—»—
17	2,43	17,6	Неопределенная	Пом. 2, под средневековым полом	—»—
18	—	22,0	Фельс. Абд-ал Малик и амир Актегин чекан Термеза, 345 г.х.	Пом. 8, на средневековом полу № 1	—»—
19	—	—«—	—»—	—»—	—»—
20	—	—«—	—»—	—»—	—»—
21	—	25,0	Фельс. Мансура б. Нух и Наср б. Ахмад чекан Саганийана, 365 г. х. (975—976)	Пом. 8. под средневековым полом	—»—
22		24,1	Фельс Мансура б. Нуха, город и год стёрты	Пом. 9, на средневековом полу	—»—
23		30,1	Хорезмшах Мухаммад (1200—1220 гг.)	Коридор, около входа, в завале	—»—
24			Неопределенная. Возможно, XIII—XIV вв.	Пом. 8 под средневековым полом № 1	—»—
25		25,0	Мухаммад б. Текеш, город и год стёрты	Пом. 8, под средневековым полом	—»—
26		27,0	Джучидская анонимная. Хорезм. (год стерт, по типу — 775 г.х., (1373—74 гг.)	Коридор, в средневековом завале	—»—
27		35,6	Монета Джучидского правителя Джанибека I (1339—1357 гг.) Хорезм, 746 г.х. (1345—46 гг.)	Коридор, при входе на выступе перед аркой	—»—
28		18,4	Джагатаидская монета XIV в., сильно потертая	—»—	—»—

№№ п/п	Вес	д	Определение	Место находки	Примечание
1	2	3	4	5	6
29		21,2	Монета Тимура (1349—1404 гг.) по типу — чекан Самарканда	—»—	—«—
30		30,3	—»—	—»—	—«—
31		26,5	Сильно потертая мусульманская монета, не поддающаяся определению	Коридор при входе, на выступе перед аркой	Медь
32		14,3	—»—	—»—	—«—
33		33,7	—»—	—»—	—«—
34		21,9	—»—	—»—	—«—
35		12,5	Может быть, Средняя Азия, конец XV — начало XVI вв.	—»—	—«—

Монеты под №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 10, 11, 12, 13, 14, 17, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35 — определены Е. В. Зеймалем.

Монеты 15, 16, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25 — определены Э. В. Ртвеладзе.

Н. Г. СКУГАРОВА

К ИЗУЧЕНИЮ БЕЗЫМЯННОГО ТЕПА В АНГОРСКОМ РАЙОНЕ

Осенью 1986 года археологическим отрядом Сурхандарьинского областного краеведческого музея совместно с Музеем истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека под общим руководством Л. И. Альбаума осуществлялись работы разведочного характера на памятниках Ангорского района. Среди исследованных объектов — Безымянное тепа, находящееся на территории районной Сельхозтехники в поселке Ангор.

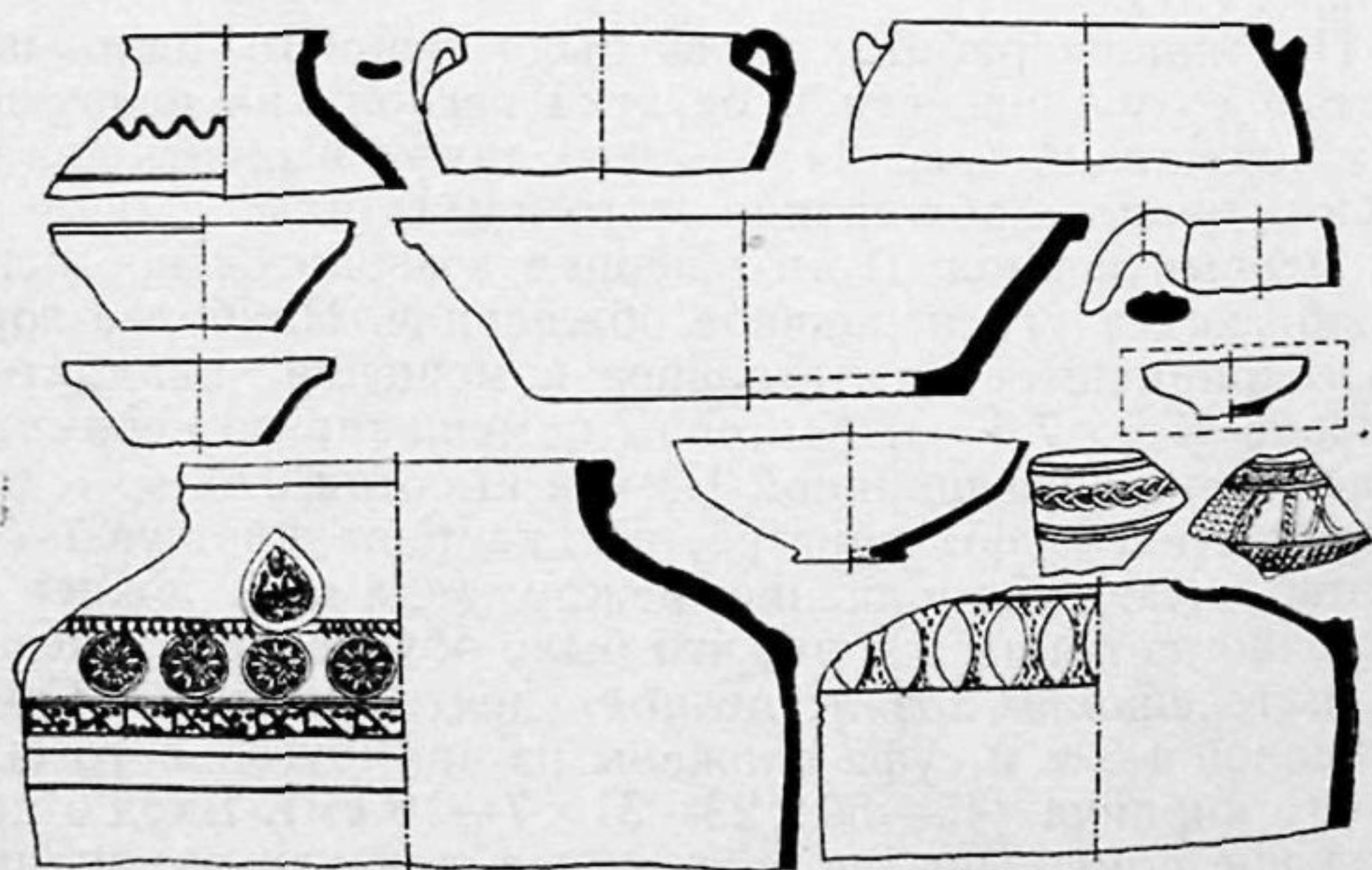
От тепа сохранилась сейчас лишь часть (20×20 м), возвышающаяся над окружающей местностью на 6—7 м. На основании визуальных наблюдений данное тепа прежде датировалось эпохой раннего средневековья (Альбаум, 1960, с. 59; Аршавская, Ртвеладзе, Хакимов, 1982, с. 131).

При наших работах здесь было вскрыто одно полностью сохранившееся и остатки нескольких разрушенных помещений (рис. 1). Удалось также выявить два основных периода обживания этого памятника.

Первый период. В этот период возводится поселение и происходит его первичное обживание. Наиболее хорошо сохранившееся центральное помещение квадратное в плане ($7,5 \times 7,5$ м). К стенам помещения по периметру пристроена суфа шириной 1,3 м и высотой 0,65 м. К восточной стене суфы пристроены два ряда кирпичей (вероятно, очаг). Заполнение между рядами и южнее их состояло из пепла и золы, что было обусловлено, очевидно, интенсивной хозяйственной деятельностью. Стена толщиной 1,5 м и суфа сложены из прямоугольного сырцового кирпича ($45—50 \times 23—31 \times 7—10$ см). Вход в центральное помещение не сохранился, так как он, видимо,

располагался в северной разрушенной его части. Уровень пола зафиксирован на глубине 2,65 м от реперной точки. Заполнение помещения состоит из рыхлой земли с включениями керамики, фрагментов сырцовых кирпичей, а в юго-восточной части — золы. С юга к центральному помещению примыкает пом. № 2, в котором удалось зафиксировать лишь его длину — 5,75 м и часть прохода из него в коридор в восточной стене, на расстоянии одного метра от угла помещения. Северная стена на расстоянии 0,85 м от северо-восточного угла была обожжена, вероятно, здесь находился переносной обогревательный очаг. Западная стена помещения шириной 1,4 м сохранилась в длину на 0,5 м. Пом. № 3, расположенное западнее пом. № 2, сильно разрушено и сохранилось в длину лишь на 3,2 м. Проход из пом. № 2 ведет в узкий (0,6 м) коридор. Была зачищена шека прохода из коридора в помещение на расстоянии 1,65 м от угла пом. № 2.

В этот же период были произведены небольшие постройки. В центральном помещении возводятся перегородки, располагавшиеся перпендикулярно к стенам. Одна из них, находившаяся в одном метре от юго-восточного угла, примыкала к восточной стене. От этого же угла в 1,7 м располагалась вторая перегородка, примыкавшая к южной стене. Третья находилась в одном метре от юго-западного угла и примыкала к западной стене. Все перегородки сложены из прямоугольного сырцового кирпича (46×28×8 см) в два-три ряда и покоятся на рыхлой земле на расстоянии 0,4 м от уровня пола.

Керамика.

Толщина промазки между кирпичами и рядами кирпичей везде составляет 2—3 см. Исключением является западная внешняя стена, где промазка между рядами кирпичей достигает 10 см. Аналогичный способ кладки был зафиксирован в башне на Кулоглытепа (Альбаум, 1952, с. 4).

Стены помещений возведены на платформе, сложенной из сырцового кирпича (48—58×30×8—10 см), чередующегося с пахсовыми блоками высотой 13, 17, 22 см.

При комбинированной кладке стена монолитнее кирпичной. Пахса, прослоенная кирпичом, не дает трещин, а только мелкие в пределах каждого слоя (Воронина, 1953, с. 12).

Для датировки этого периода важное значение имеет формат кирпича. Кирпичи размером 46×27×8 см, 48×32×8, 50×30×10 см были зафиксированы на Хайрабадтепа—VI—VII вв., на Балалыктепа—V—VII вв., Джумалактепа—VI—VII вв., Чуютепа—VI—VII вв. (Нильсен, 1966, с. 207). При возведении раннесредневековой усадьбы Куевкурбан был использован кирпич 50×25×9—10 см. На городище Кафыркала изредка использован кирпич 44×25×11 см; который употреблялся при строительстве в V—VIII вв. (Литвинский, Соловьев, 1985, с. 53). В VII—VIII вв. в Южном Согде был распространен сырцовый кирпич 47×28×7—8, 44×22×9 см (Лунина, 1984, с. 97).

Керамика первого периода обживания крайне малочисленна. Она представлена археологически целой формой светильника и фрагментами стенок сосудов, покрытых красно-коричневым ангобом. Аналогичные светильники были распространены в Согде в VII—VIII вв.

Второй период. В этот период происходит вторичное обживание без каких-либо перестроек; по крайней мере, они не были зафиксированы на сохранившейся площади. В юго-восточном углу центрального помещения отмечены скопления керамики эпохи развитого средневековья и фрагменты стекла. Здесь же в углу суфы был зачищен целый хум, по средней его части проходит поясok с зашипами, рядом находились фрагменты второго крупного хума.

Керамика, относящаяся ко второму периоду, представлена глазурованной и неглазурованной керамикой разных форм, небольшим количеством стеклянных сосудов.

Поливная керамика. Чаши — основная часть этой группы керамики. По форме венчика и корпуса они делятся на следующие типы:

— чаши с конически расходящимися стенками. Венчик с небольшим бортиком, высотой 1—1,5 см; отогнутым наружу. Диаметр устья 18—20 см;

— чаши с широким бортиком высотой 3—4 см, слегка отогнутым наружу. Диаметр устья — 20 см.

Поддоны поливных сосудов вогнутые, дисковидные или дисковидно-врезные. Диаметр дна чаш 4—6 см, блюд — 12 см.

Внутренняя поверхность чаш обычно покрывалась белой поливой, край венчика в большинстве случаев подчеркивается зеленой полосой, которая нередко проходила и с внешней стороны.

Несколько чаш было покрыто полностью голубой поливой с внутренней стороны и широкой полосой вдоль венчика снаружи. Для нанесения орнамента так же использовались черная и коричневая глазури. Рисунок подглазурный, процарапанный, как правило, это ряд concentрических полос вдоль венчика, а также завитки, спирали, наклонные полосы. Центр чаш обычно без орнамента, лишь в одном случае он подчеркнут завитком. Аналогичные по форме и способу орнаментации чаши, датированные XII—XIII вв., были найдены при раскопках «Кургана» в Старом Термезе (Шишкин, 1945, с. 122).

Неполивная керамика. Представлена достаточно большим количеством разновидностей форм.

Хумы и хумчи. Среди них целый хум (диаметр венчика по внешнему краю 25 см, наибольший диаметр тулова 45 см, высота хума — 80 см), чаще же встречались их фрагменты. Венчики округлые или прямоугольные в сечении, иногда они подчеркивались полосой S-образного орнамента, валиком с углублениями, сделанными при помощи пальцев, вдавленными линиями. Верхняя часть тулова иногда украшалась налипными лепешечками, украшенными пуансоном в виде цветка. В верхней половине тулова одного из хумов первый орнаментальный ряд состоит из каплевидной формы налипных бляшек, внутренняя их часть заполнена геометрическим орнаментом в виде трех точек в обрамлении зубчатых линий и треугольников. Ниже идут два ряда прорезных полос с вдавленными линиями, далее — ряд штампованных розеток. Они круглой формы, в центре их расположен 9-лепестковый цветок. Между лепестками в верхней части распо-

ложены треугольники, остальное же пространство заполнено точками. Розетки выглядят в виде выпуклых бляшек. Это достигалось тем, что оттиск делали углубленным штампом при одновременном прижимании части сосуда пальцем изнутри. Аналогичный способ орнаментации был зафиксирован на керамике из «Кургана» и датируется X—XII вв. (Шишкин, 1945, с. 123). Похожий рисунок отмечен на керамическом штампе X—XII вв., найденном на городище Будрач (Исхаков, 1984, с. 244). Далее на нашем хуме, ниже розеток идет ряд концентрических полос, между двумя из них проходит волнистая линия со штампом в виде гребеночки.

Котлы. Тулово их, как правило, полусферическое, изредка встречаются отдельные сосуды с цилиндрическим, тесто с большой примесью дресвы и шамота, все котлы лепные, сильно закопчены. Венчики (диаметры 20, 22, 26 см) округлой формы в сечении, иногда с валиком с наружной стороны. Ручки налепные, изогнутые, изредка с отверстием. Украшения котлов представлены следующими видами: насечка по верхней площадке венчика, ангобная роспись (волнистая линия, стилизованный растительный узор). В Средней Азии в средневековье возрождается древняя традиция изготовления расписной посуды. Существуют различные точки зрения по этому вопросу. Одни исследователи объясняют это влиянием тюркского кочевого населения, другие — притоком сельского населения в города. Расписывались горшки, кувшины, крышки; котлы же начинают расписываться с XII века. Котлы при порче подвергались ремонту. Это видно из фрагментов стенок котлов, которые при трескивании закреплялись металлическими скобками.

Миски — тагора с прямыми расширяющимися вверх стенками и отогнутым, изредка профилированным венчиком (диаметр 34, 38, 42 см) по верхней плоскости которого нанесен несложный прочерченный орнамент: волнистые и прямые линии, сгруппированные по три линии. Дно плоское. Аналогичные тагора второй половины XII—XIII вв. характерны для Южного Согда (Луконина, 1984, с. 49).

Кувшины. Подразделяются на две группы: узкогорлые (диаметр венчика — 6, 8 см) и широкогорлые (диаметр — 12, 16, 18 см), у последних высота горловины — 2—3 см. Горлышки обычно цилиндрической формы, орнаментированы горизонтальными бороздками. Венчик загнут внутрь или слегка отогнут наружу. У кувшинов

обычно одна ручка овальная в сечении, профилированная выступами или выемками по верхней поверхности, или к ней прикрепляется лепешечка для упора пальца. Верхним концом ручка крепится к венчику. Кувшины орнаментированы, как правило, по горлышку и плечикам. Приемы оформления очень разнообразны, концентрические прорезные горизонтальные линии, волнистые полосы, S-образные завитки, плетенки, стилизованные изображения розеток с лепестками, эллипсовидные фигуры, штампы в виде гребеночки, стилизованное изображение виноградной кисти. Подобные по форме и способу орнаментации сосуды XII—XIII вв. отмечены в Старом Термезе (Шишкин, 1945, с. 121, рис. 24).

Горшки. Встречаются с отчетливо выделенной горловиной (высота 2—3 см) и без нее. Венчики (диаметр 10, 15, 16 см) подпрямоугольной формы в сечении, иногда профилированы выступом во внутреннюю и во внешнюю сторону или только во внутреннюю. Ручки овальной формы в сечении, профилированные выемкой по верхней площадке, крепятся одним концом к венчику или к горлышку, а другим — к наиболее выпуклой части тулова.

Одним фрагментом представлен неполивной светильник-чираг со сквозным отверстием в цилиндрической ножке. Место перехода от цилиндрической верхней части к низу подчеркнуто вдавленными линиями и прорезным пояском, состоящим из повторяющихся дуг.

Крышки, как правило, плоские (диаметр 30—38 см). Они оформлены прорезным (волнистые, прямые линии) орнаментом, пунсоном, иногда по краю крышки прикреплялся жгут с пальцевыми вдавлениями. Один фрагмент представлен ручкой от крышки в виде отростка-столбика со «шляпкой».

Стеклянные изделия представлены несколькими фрагментами. Фрагмент верхней части графина — узкое, высокое, гладкое горло сужается к устью (диаметр 2 см). Венчик раструбом с шаровидным расширением. Другой фрагмент — верхняя часть небольшого кувшина. Венчик (диаметр 2,2 см) раструбом, узкое горло с шаровидным расширением. Переход к тулову плавный. Ручка овальной формы в сечении, крепится одним концом к венчику, который оформлен выступом для упора пальца, другим — к верхней части сосуда с волнистым налепом-жгутом. Обычно так оформлялись графины с грушевидной формой тулова.

Верхняя часть чаши с вертикальными стеночками. Венчик (диаметр 18 см) прямостоящий, округлой формы в сечении, подчеркнут тремя концентрическими выступа-ми-поясками.

Донца сосудов (диаметр 4, 5 см) вогнутые со следами скола от понтии. Стенки поддона полого расходятся в стороны. Все сосуды, за исключением чаши, выполнен-ной из светло-коричневого стекла, сделаны из бесцветно-го стекла с пузырьками воздуха. Аналогичная по форме посуда XII—XIII вв. была встречена в Согде (Шишкина, 1986, приложения), на городище Хульбук в слоях X—XII вв. (Гулямова, 1961, с. 18, рис. 4), в собраниях му-зеев Ташкента и Самарканда (Аминджанова, 1962, рис. 1), на городище Шах-Сенем, где датировались XII—XIII вв. (Трудновская, 1958, с. 423).

Таким образом, на основании вышеизложенного, мож-но сделать следующие выводы: возведение поселения и его первичное обживание происходит в раннем средне-вековье в VII—VIII вв., после чего жизнь на нем зами-рает. Вторичное его обживание относится к XII—XIII вв. После этого жизнь на поселении больше не возобновля-ется.

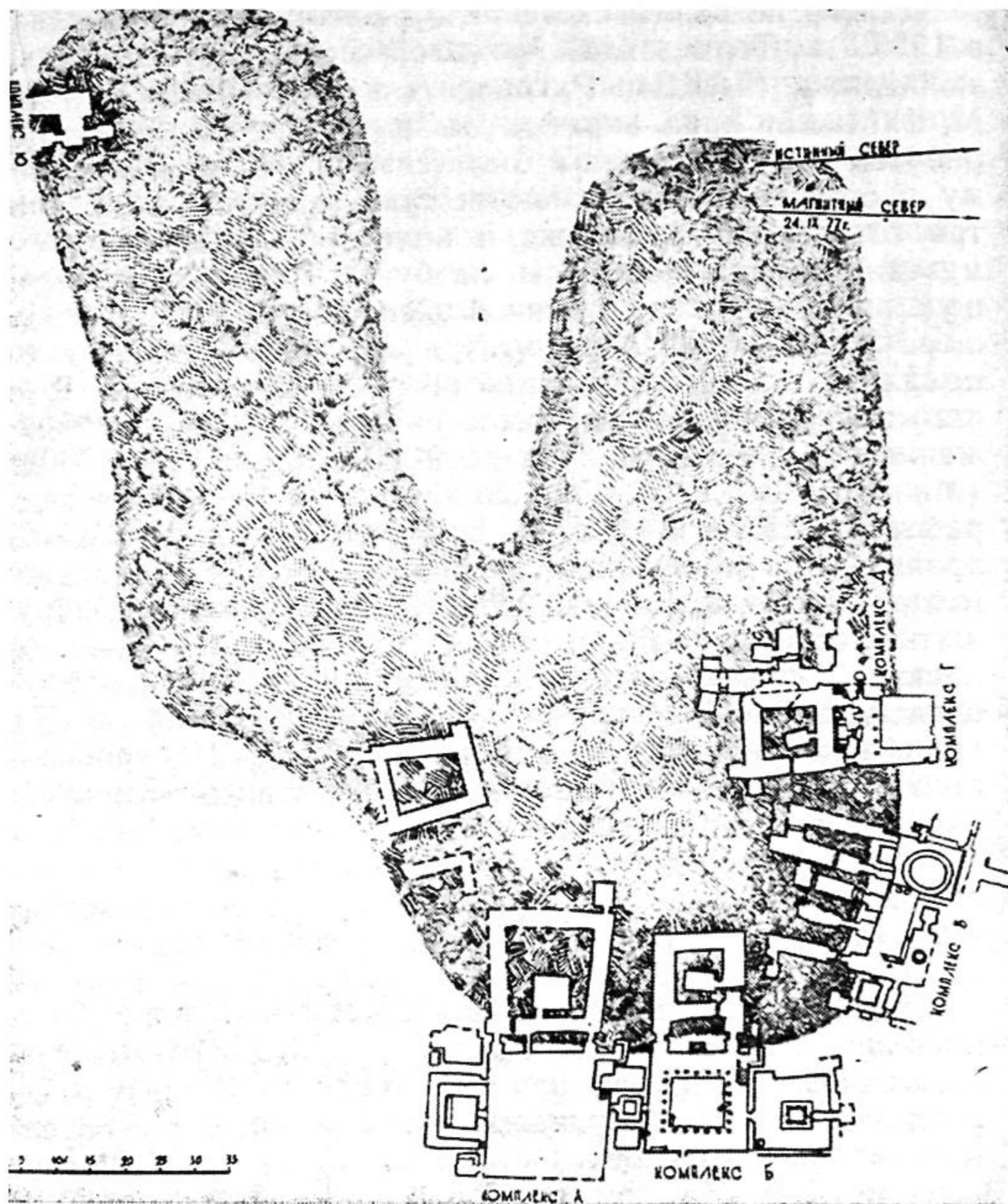
Б. Я. СТАВИСКИЙ

**К ПРЕДЫСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
КАРАТЕПА В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ (РАБОТЫ ЛЕТОМ 1936 ГОДА)**

Раскопки на холме Каратепа в Старом Термезе в 1937 г. и систематическое изучение его в 1961—1986 гг. уже получили отражение в научной и, отчасти, научно-популярной литературе, что способствовало широкой известности этого крупного буддийского культового центра Термеза II—IV вв. н. э. (Грек, Пчелина, Ставиский, 1964, с. 99 прим. 99; Щеголев, 1972, с. 155—164; Заднепровская, 1987).

Предыстория же археологических исследований Каратепа, когда здесь работали его первооткрыватели, освещена пока явно недостаточно. На основании не только сообщений очевидцев, но и архивных и литературных данных известно, что первым, кто обратил внимание на Каратепа, был молодой, но обладавший недюжинным талантом и эрудицией, специалист по истории искусства Востока А. С. Стрелков*. Будучи участником первой крупной археологической экспедиции советских ученых в Термез и Среднюю Азию вообще — экспедиции московского Музея восточных культур 1926—1928 гг., возглавляемой проф. Б. П. Денике, А. С. Стрелков наткнулся в 1928 г. на следы засыпанных песком пещер, сходных с такого рода сооружениями в Индии, Афганистане, Китае. Предположение А. С. Стрелкова, хотя оно и не было опубликовано, получило известность среди специалистов. Это объясняет, почему Г. В. Парфенов, сначала уполно-

* Краткие биографические сведения о А. С. Стрелкове (род. в 1896 г.) см. — справочник Научные работники СССР, 1930, с. 273; список его работ (до 1938 г.) — в кн.: Советская археологическая литература, 1965; Ставиский, 1986, с. 6—9, прим. 5 на с. 59.

Общий план раскопа Каратепа.

моченный Узбекистанского комитета по изучению и охране памятников материальной культуры (Узкомстарис) в Термезе, а затем и директор созданного здесь краеведческого музея, начиная с 1934 г. собственноручно расчищал лазы в пещере, обнаруженные А. С. Стрелковым. Сведения о работах Г. В. Парфенова не совсем ясны, т. к. основываются на устной информации (Грек, Пчелина, Ставиский, 1964, с. 83—84).

Далеко не полны сведения о работах на Каратепа в 1936 г. Термезской Археологической Комплексной экспедиции (ТАКЭ). Руководитель экспедиции проф. М. Е. Массон лишь вкратце сообщал, что отряд, который работал на Чингистепа и был «самым крупным по своему постоянному численному составу» («его составляли три сотрудника Эрмитажа и археолог Самаркандского музея»), «успел произвести на бугре Каратепа небольшую расчистку в осмотренной экспедицией 1928 года пещере № 1. Установлено, что раскраска стен как будто имела вид орнаментирующей росписи. При откопке второго входа в эту пещеру была найдена монета с изображением сасанида Шапура II (309/379 или 310—380)» (Массон, 1940, с. 38—39). В другом месте его отчета о работах ТАКЭ в 1936 г. М. Е. Массон писал: «Между прочим, при посещении предполагаемого буддийского монастыря на возвышенности Каратепе удалось обнаружить следы выцарапанных на стенах круга со вписанной двенадцатилепестковой розеткой (символ солнца) и двух однотипных буддийских ступ» (Массон, 1940, с. 77). Производивший раскопки Чингистепа Б. Б. Пиотровский в своем опубликованном отчете о работах на Каратепа не упоминает; лишь говоря о найденной в пом. № 3 Чингистепа каменной базе колонны, он отмечает, что она «была принесена сюда из древнего разрушенного здания (возможно, что с Каратепе)». — (Пиотровский, 1940, с. 165).

Несколько более подробные сведения об этих работах приводит Е. Г. Пчелина, участница ТАКЭ 1937 г., возглавлявшая раскопки, начатые тогда на Каратепа, по соседству с обнаруженными ранее пещерами. Помимо напечатанных отчетов о работах ТАКЭ 1936 г. М. Е. Массона и Б. Б. Пиотровского, она пользовалась, видимо, и устной информацией. Касаясь работ на Каратепа в 1936 г. Е. Г. Пчелина сообщает, что наряду с раскопками Чингистепа «Б. Б. Пиотровский изучал остатки сырцовой кладки на его поверхности, а В. Н. Кесаев и А. С. Стрелков расчистили два лаза в пещеру № 2, открыв в нее свободный доступ» (далее она сообщает о находке монеты «с изображением сасанидского царя Шапура II», а также о том, что при расчистке пещеры обнаружен «вход в целлу, который находился в южном колене обходного коридора» и «был забит обвалом сырцов», и добавляет, что «за отсутствием времени и рабо-

чей силы вскрытие его, как и дочистка остальных частей храма, была отложена» (Пчелина, 1964, с. 83—84)*.

Полнее осветить работы на Каратепа летом 1936 г. позволяют рукописный дневник и некоторые материалы по ТАКЭ 1936 г., принадлежавшие А. С. Стрелкову, которые хранятся в Отделении Средней Азии и Кавказа Отдела Востока Государственного Эрмитажа.

Так, в папке «Термезская Археологическая Комплексная экспедиция 1936 г. 28/V—15/VII» находится документ, озаглавленный «Договор» и подписанный председателем Узкомстарис при Комитете Наук СНК УзССР И. Е. Скарлыковым и действительным членом Государственного Эрмитажа А. С. Стрелковым**; из текста его следует, что Эрмитаж направил в ТАКЭ 1936 г. четырех сотрудников и что «на время работ экспедиции официальным представителем Гос. Эрмитажа и заместителем начальника экспедиции по научной части выделяется А. С. Стрелков, руководящий работами одного из отрядов ТАКЭ».

Как значится в кратком «Отчете о работе А. С. Стрелкова по ТАКЭ за время с 8/V—36 по 5/VII—36 г.», автор «приехав в Термез позднее других участников экспедиции — сотрудников Гос. Эрмитажа на 7 дней», «вступил в исполнение своих обязанностей начальника отряда, работавшего на Чингизтепе» (док. № 7, л. 1). В состав отряда, согласно хранящемуся там же краткому «Отчету о раскопках на Чингизтепе» Б. Б. Пиотровского, входили: «нач. отряда А. С. Стрелков, производитель работ — археолог Б. Б. Пиотровский, научный сотр. Самаркандского музея И. А. Сухарев, ст. научн. сот. Гос. Эрмитажа арабист В. К. Сухотина» (док. № 8, л. 1 об.). Таким образом, выясняются все, упомянутые М. Е. Массоном, четыре участника раскопок на Чингистепа.

Судя по записям в Дневнике (док. № 2), который А. С. Стрелков вел с 13 по 30 июня 1936 г.***, 21 июня,

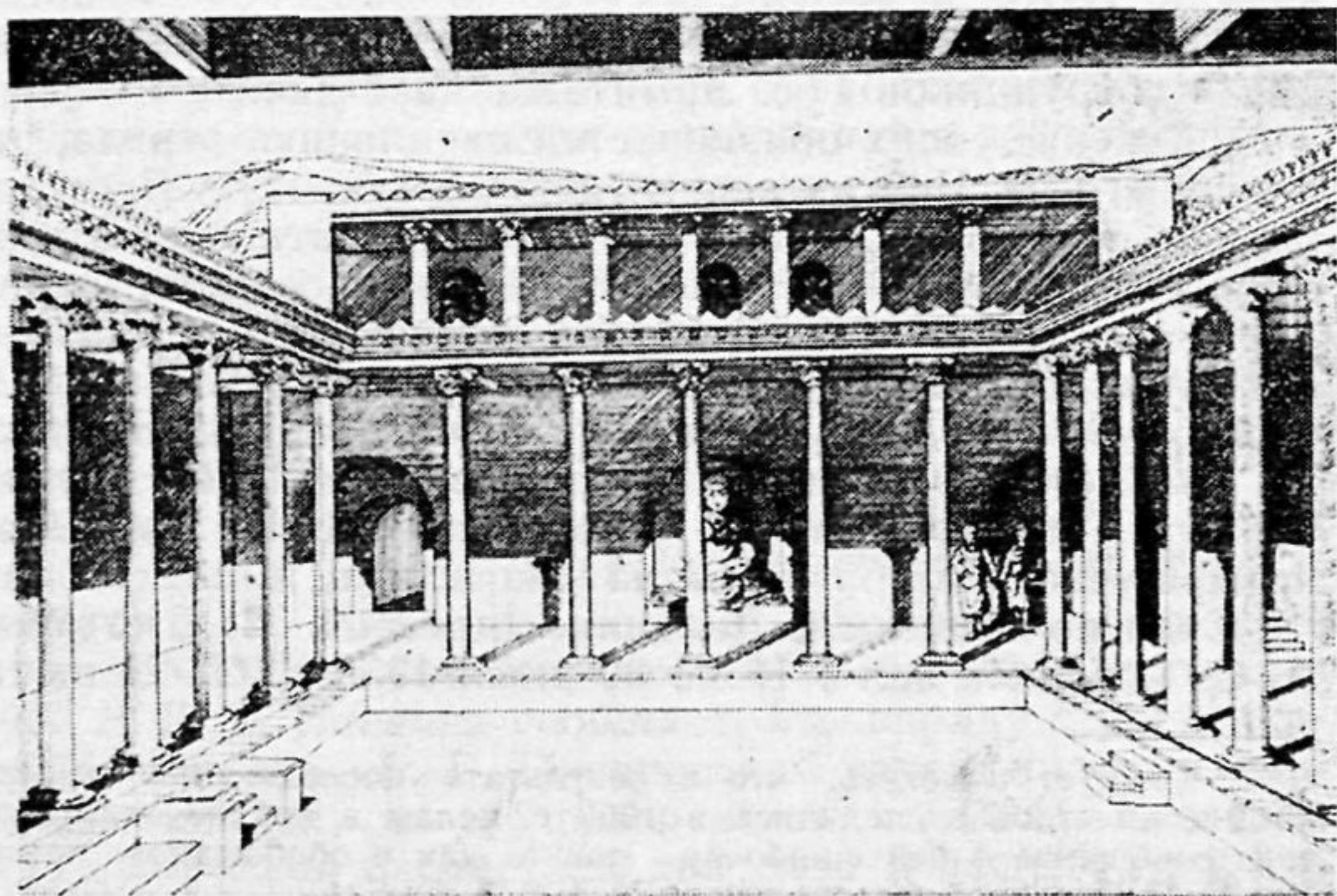
* Следует отметить, что в результате исследования пещеры № 2 совместной экспедицией в 1969 г. целлы в ней не оказалось, т. е. сообщение о ней ошибочно, равно как и обобщенное описание Е. Г. Пчелиной там же пещер № 1, 2, 3.

** «Договор» подписан 13 июля 1936 г., т. е. тогда, когда А. С. Стрелков возвращался из Термеза, где летние полевые работы ТАКЭ уже завершились.

*** Как писал А. С. Стрелков в кратком «Отчете», ему с 12 июня «пришлось заменить заболевшего нач. экспедиции М. Е. Массона», вести «дневник общих работ ТАКЭ» и «помимо руководства раскопами на Чингиз-тепе» осуществлять «частичное наблюдение за двумя другими отрядами экспедиции — отрядом археоло-

когда из-за песчаной бури — «афганца» пришлось прекратить раскопки, «в первую половину дня Пиотровский и Сухарев делают обход Чингиз-тепе и Кара-тепе, а оттуда проходят к Дуньо-тепе стеной. На Кара-тепе они отмечают остатки здания» (док. № 2, с. 26). На следующий день — 22 июня при продолжающемся «афганце» «Сухарев, Пиотровский и Стрелков направляются на Кара-тепе для осмотра остатков здания, накануне осмотренных Сухаревым и Пиотровским» (док. № 2, с. 27). Вероятно, именно эти осмотры здания на Каратепа имела в виду Е. Г. Пчелина, когда она писала об изучении Б. Б. Пиотровским остатков сырцовой кладки на поверхности Каратепа. И именно знакомство с остатками этого здания натолкнуло, видимо, Б. Б. Пиотровского на предположение о том, что найденная на Чингистепа каменная база колонны первоначально могла находиться в древнем разрушенном здании на Каратепа (см. выше).

Когда же Б. Б. Пиотровский 25 июня начал производить обмеры раскопанных на Чингистепа помещений, ос-

Храм Каратепа (реконструкция).

гической топографии (в него входили В. А. Шишкин и научный сотрудник Эрмитажа В. Н. Кесаев — Б. С.) и отрядом, работавшим над раскрытием здания № 1 (дворец термезских правителей — Б. С.) (док. № 7, л. 1, оборот л. 2).

вободившихся рабочих-землекопов перебросили на Каратепа, но на раскопки не здания, а обнаруженных ранее, в 1928 г., А. С. Стрелковым пещер. «Решаем,— пишет А. С. Стрелков в дневнике,— кроме одного (рабочего— Б. С.), который будет занят подметанием, перебросить всех на Кара-тепе для откопки пещер. Сухарев и Стрелков уводят рабочих на Каратепе и инструктируют их насчет работы, которая на первых порах должна состоять в том, что следует осуществить откид земли для более свободного подступа к входам. У пещеры № 3 (счет идет от СВ угла гряды Кара-тепе) поднимаем монету, на которой Кесаев в обеденный перерыв указывает изображение, известное по сасанидским монетам. Монета действительно оказывается сасанидской монетой одного из первых Сасанидов, на что указывает тип алтаря. Следовательно, монета датируется III в. н. э. (док. № 2, с. 34)*.

Далее о раскопках на Каратепа сообщается и в записи за 26 июня: «Работаем одновременно на пещ. № 2 и № 3. В пещере № 3 оказывается красная обмазка на левой стенке, к концу дня обнаруживается, что на первой стенке имеется белая обмазка, по которой проведены линии красным. Обнаруживается, что пещ. № 2 и № 3 соединяются, что это практически одно помещение, имеющее соединение еще у передней стенки» (док. № 2, с. 35). На этой же странице нарисован схематичный план пещеры № 2—3 (по обозначениям, принятым нашей экспедицией — пещера 2 — Буддийский..., 1972, с. 30; Буддийский..., 1982, с. 9)** , в виде четырех, образующих каре сводчатых коридоров. А. С. Стрелков считал, что «пещеры высечены в хороший период доисламского времени, и, видимо, они использовались исламскими отшельниками»,

* Проф. А. А. Быков определил эту монету как принадлежащую Шапуру II (309 или 310-379 или 380 гг.). См. «Список монет из раскопа на Чингиз-тепе, 1936 г.» (док. № 16, с. 2; составлен Б. Б. Пиотровским). Определение А. А. Быкова повторили, как мы видели, М. Е. Массон и Е. Г. Пчелина. В 70-е годы В. Г. Луконин определил ее как кушано-сасанидский чекан Шапура. Монета хранится в Отделе нумизматики Эрмитажа (№ 455).

** См. сб.: Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972, с. 30 — сб.: Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1982, рис. 1, с. 9. Проводя дообследование пещеры № 2 и не будучи знакомы с дневником А. С. Стрелкова, мы не знали, что восточный (четвертый) коридор был обнаружен до нас, еще в 1936 г. На плане пещеры, составленном Г. В. Парфеновым, этот коридор не значился (Грек, Пчелина, Ставиский, 1964, рис. 2 Б).

так как «в 1928 (году — Б. С.) тут были обнаружены надписи позднего (видимо, имеется в виду мусульманское средневековье — Б. С.) времени и «ладони». Вся надежда на пещеру № 3, которая как будто завалена довольно давно». Заключает сообщение фраза: «Стрелков делает обход окрестностей Каратепе» (док. № 2, с. 36).

27 июня А. С. Стрелков записывает: «На Кара-тепе продолжается очистка пещер № 1 и № 3. Эта очистка идет очень медленно, т. к. на ней стоят двое рабочих, остальные переброшены на Чингиз-тепе» (док. № 2, с. 38). «Рабочие продолжали отвал земли на Кара-тепе», — читаем мы и в записи 30 июня (док. № 2, с. 44).

О работах на Каратепе А. С. Стрелков считал нужным упомянуть и в его кратком «Отчете»: «Частичному отвалу и расчистке были подвергнуты также пещеры на Кара-тепе, причем обнаружилось, что обе из пещер, в которых работали, соединяются. Обозначенные пещеры искусственно вырублены в лессе и песчанике, имели обмазку, поверх которой стены были покрыты краской — красной и белой, и, как будто обнаруживается, что раскраска эта имела вид орнаментирующей росписи (?)» (док. № 7, 1 л. оборот). О том, что раскопкам пещер на Каратепе придавалось тогда (в 1936 г.) немалое значение, свидетельствует также включение их в число мест для экскурсий. В записи за 30 июня, например, сообщается, что в этот день приезжавшие из термезского Дома Красной Армии экскурсанты осматривали «в первую очередь Чингиз-тепе, пещеры Кара-тепе, затем мазар и крепость (док. № 2, с. 44). Находки с Каратепе были привезены в Эрмитаж, правда, они были смешаны с подъемным материалом с Чингистепе; до нас дошел и список этих находок — «Опись предметов из раскопов на Чингиз-тепе Др. Термезе (1936 г.)», где они идут как раздел V «Подъемный материал с Чингиз-тепе и Кара-тепе», насчитывающий 46 номеров, часть которых внесена в инвентарь Отдела Востока под шифрами с А—1454 до А—1477 (см. док. № 15, л. 24—26).

Работы на Каратепе в 1936 г., хотя и были небольшими и продолжались недолго, заметно продвинули вперед знания об этом памятнике, отмечены как их участниками, так и М. Е. Массоном и последующими исследователями Каратепе. Они не должны быть забыты и в современной науке.

Б. Д. КОЧНЕВ

КЛАД ПОЗДНЕКАРАХАНИДСКИХ ДИРХЕМОВ ИЗ ТЕРМЕЗА

Клад был найден в 1955 г. архитектором В. М. Филимоновым в ходе исследований, проводившихся Специальной научно-реставрационной и производственной мастерской Комитета по строительству и архитектуре при Совете министров УзССР в комплексе Хаким-и Термези. Клад обнаружен под выстилкой пола мечети, расположенной к северу от мавзолея Хаким-и Термези, и включал 28 монет. Обработанный М. Е. Массоном, он был издан уже в 1960 г. (Массон М. Е., 1960, с. 103—108). Позднее клад был передан нам для дальнейшего изучения (правда, в количестве 27 экз., судьба еще одного кружка неизвестна).

М. Е. Массон выделил в кладе два типа дирхемов: Насир ад-Дунийя вад-Дина Малик Тагара (1 экз.) и Клыч Султана Тафгач-хана с упоминанием Сельджукида Санджара (27 экз.). В восстановленной с трудом по фрагментам круговой легенде монет Тафгач-хана публикатор прочел дату 530/1135—36 гг. Это позволило ему отнести их к неизвестному до того чекану Клыч Тафгач-хана Хасана б. Али б. Абд ал-Мумина, ставленника Санджара на самаркандском престоле, продлить время правления этого Караханида до указанной даты и заключить, что около 530/1135—36 гг. Хасану, как покорному вассалу, Санджар передал на короткое время Термез.

Монеты клада отличает (как справедливо указал М. Е. Массон) неряшливость надписей, низкое качество чекана, а также, подчеркнем, неважная сохранность, особенно круговых легенд. Эти обстоятельства, а также слабая разработанность к 50-м годам многих разделов караханидской нумизматики, в том числе XII в., и обус-

ловили неточное прочтение первопубликатором некоторых надписей и, как следствие, неверную атрибуцию самих монет. Все это и побуждает нас вновь вернуться к описанию и рассмотрению дирхемов Термезского клада.

В/к № 1—7 Балх, год?

Л. ст.: ал-Мустади би-амриллах; Кадыр (?) Тафгач-хан

Л. ст.: В поле بلخ
لا اله الا الله

(так!) محمد رسول الله
المستضى بامر
الله

Кругом, между двумя линейными ободками, стерто, обрезано или неразборчиво.

В/к № 8 Балх, год?

Л. ст, как в/к № 1—7.

В/к № 9 (Балх), год?

Л. ст. Как в/к № 1—7, но последнее слово (الله)

перенесено в верхнюю строку, на место слова بلخ

В/к № 10—23 (Балх), 583/1186—87 гг. Л. ст.: ан-Насир ли-дини — ллах; Кадыр (?) Тафгач-хан.

Л. ст. в поле» لا اله الا الله

(так!) محمد رسول الله

(так!) الناصر لدين

Справа, слева и снизу — по звездочке (или колечку). Кругом, между двумя линейными ободками, стерто, обрезано или неразборчиво, а на экз. № 10 сохранилось:...

سنة ثلا...

В/к № 23 пробит с края.

В/к № 24 Город? год?

об. ст.: ас-Султан ал-Азам Санджар

Об. ст. В поле: عدل
السلطان الا

عظم سنجار
قدر (?) طغفاج خان

Слева крестообразное украшение, справа меч острием вверх. Кругом как на л. ст.

Об, ст. Как в/к № 1—7, но вместо меча и украшения по колечку.

Об, ст. Как в/к № 8.

Об. ст.: ас-Султан ал-Азам Санджар

Об. ст. В поле как в/к № 1—7, но справа, слева и снизу — по звездочке (или колечку). Кругом не сохранилось.

Л. ст.: ?; Об. ст. ас-Султан,
ал-Азам...

Л. ст. В поле

لا اله الا الله

... ..

Об. ст. В поле:

عدل

السلطان الا

... ..

Кругом, между двумя линей-
ными ободками:

... صربهذ درهم

В/к № 25—26. Город? 573/
1177—78 или 583/1187—88 г.

Об. ст. Насир ад [Дунйа
ва-д-Дин] Малик Йаган-хан.

Л. ст: В поле:

لا اله الا الله

وحده لا شريك له

ناصرى (?)

Кругом как в/к № 1—7.

Об. ст. В поле:

فتح

ناصر الد

نيا والدين

ماك يغان خان

Кругом, между двумя линей-
ными ободками:

... سنة ثلاث...

В/к № 27. Город? год?

Л. ст: ал-Мустади би-ллах;
об. ст:

Л. ст: в поле, в линейном
ободке: ...

محمد رسول لا اله الا الله

الله المستضى (?) بالله

Кругом, между двумя ли-
нейными ободками:

... صربهذ ..

Об. ст. Не сохранилась.

Кругом не сохранилось.

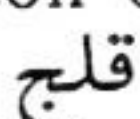
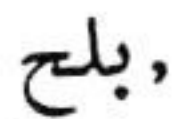
На монетах № 1—9 тронное имя халифа Мустади
читается достаточно уверенно, хотя второй его компонент
во многих случаях (если не во всех) передан с ошибкой

(باصر вместо امر). Более значительна ошиб-

ка в передаче тронного имени другого халифа, Насира
(الدين вместо الدين).

Впрочем, ошибки вообще, и
в воспроизведении имени халифа, в частности, до-
вольно часты на караханидских монетах второй поло-
вины XII в. (Давидович, 1977, с. 182). К тому же време-
ни, судя по упоминанию Мустади (566—75/1170—80) и
Насира (575—622/1180—1225), должны быть отнесены
и описанные дирхемы. Следовательно, даже если допус-
тить, что утрачен экземпляр с наиболее сохранившейся

датой, ни одна из монет клада не могла быть чеканена в 530/1135—36 г. Нетрудно догадаться, как появилась такая реконструкция даты: первопубликатор клада принял «три» (ثلاث) за тридцать» (ثلاثين) не разобрал имен упомянутых халифов, но правильно прочел имя султана Санджара; естественным образом родилось заключение, что это — знаменитый Сельджукид, правивший в 511—52/1108—57 гг. и действительно владевший Термезом. Поскольку дата ...3 г. х. стоит на дирхеме с упоминанием Насира, восстановить ее следует как 593 г. х., иные же варианты, как будет видно из дальнейшего, исключены. В любом случае, данная монета выпущена не в первый год правления Насира, а коль скоро несколько дирхемов несут имя его предшественника Мустади, монеты клада, несмотря на его хронологическую компактность и типовую близость подавляющего большинства экземпляров, чеканились на протяжении ряда лет, но не ранее 566/1170 г.

Установить его верхнюю хронологическую границу позволяет определение места выпуска монет № 1—8. Соответствующее слово, проставленное в верхней части поля л. ст., М. Е. Массон очень хорошо прорисовал, но неточно прочел как (Клыч)¹. Между тем, и на прорисовке, и на самих монетах хорошо видно, что первая буква определено не и не , а зубец, т. е. все вместе дает , каковое слово мы предлагаем читать как Балх. Такая позиция для наименования монетного двора не вполне обычна, но иногда встречается на сельджукидских и позднекараханидских монетах. Что же касается караханидского чекана Балха, то до сих пор он не был известен, однако отнюдь не невозможен. По данным ал-Катиба ас-Самарканди Караханид Тафгач-хан Масуд (556—66/1160—70) в ходе борьбы с наводнившими Хорасан гузами совершил со сотысячным войском зимний поход к югу от Амударьи; по мнению В. В. Бартольда, «очень вероятно», что именно с этим походом связано разграбление карахытаями в 550/1165

¹ Соединив данное слово, проставленное там символом веры, со словом «ас-Султан», помещенным под символом (на самом деле там стоит имя халифа), М. Е. Массон получил титул Клыч-Султан и приписал его Тафгач-хану, который, как теперь ясно, так не титуловался.

Балха и Андхуда, о котором рассказывает, со слов Йусуфа Андхуди, Мухаммад Мусави. (Бартольд, 1963, с. 388). Заключение В. В. Бартольда вполне подтверждается касидой Рази ад-Дина Мухаммада Нишапури, повествующей о том, как противник был разбит Тамгач-ханом и бежал из Балха в Мерв (Тарих-и Масуди маруф би Тарих-и Байхаки-йи..., 1332, с. 1342—1343); по другим источникам известно, что этими городами до того владели гузы. Как явствует из приведенных известий, в 560/1165 г. Тафгач-хан Масуд с помощью карахытаев отобрал у гузов область Балха и присоединил к своим владениям. Судя по монетам Термезского клада, Балх оставался в составе Западно-караханидского каганата и после смерти Масуда, при его преемнике Кадыр (?) Тафгач-хане. Как бы ни читать первую часть этого титула, она не идентична таковой в титулатуре сына Масуда Мухаммада, наследовавшего самаркандский престол и известного как Кылыч Тафгач-хан и Акдаш (?) Тафгач-хан¹. Следовательно, после кончины Масуда, Балх, как, например, и Бенакет, выделился в особый удел, в который входил также тяготевший к Балху Термез и который управлялся своим владельцем Кадыр (?) Тафгач-ханом. Происхождение его, если не считать принадлежности к Караханидам, неизвестно. Неясно пока, как долго продолжалось его правление, но не позже 594/1198 г., когда Баха ад-Дин Сам б. Мухаммад, Гурид бамианской ветви, занял Балх, воспользовавшись смертью тамошнего тюркского владельца, вассала карахытаев (Бартольд, 1963, с. 408). Скорее всего, этот правитель происходил из Караханидов, но был ли это сам Кадыр (?) Тафгач-хан или его преемник, сказать сейчас трудно. Так или иначе, позже 594/1198 не могли быть выбиты ни определенно балхские дирхемы Кадыр (?) Тафгач-хана, ни, очевидно, другие его монеты из клада, в типовом отношении чрезвычайно близкие к первым и, надо полагать, тоже чеканенные в Балхе.

Конструкция легенды, помещенной в поле об. ст. всех этих монет (ас-Султан ал-Азам Санджар Кадыр (?) Тафгач-хан), сама по себе позволяет проставленную здесь титулатуру относить либо к одному лицу, либо, как думал М. Е. Массон, к двум. Рассмотрим сперва вторую возможность. Из рассказа Ибн ал-Асира о событиях

¹ Титулатура установлена по монетам, в том числе неопубликованным.

558/1162—63 г. известно, что гузы, не желавшие признавать ничьей верховной власти, через несколько лет после смерти Санджара поминали его в хутбе в Мерве, Серахсе, Герате и Балхе (Ибн ал-Асир, 1939 г. с. 402). Очевидно, имя его могли помещать и на монетах этих городов, причем и еще позднее. Иными словами, караханидский владетель Балха мог бы просто следовать сложившейся там традиции. Но для чего? Чтобы не признавать открыто суверенитет карахытаев? Однако в монетном чекане всех карахытайских вассалов он и так не отражался. Чтобы не признавать приоритет самаркандского хана? Но все позднекараханидские удельные правители, не исключая мелких, и без того могли осуществлять совершенно самостоятельный чекан, вовсе не упоминая владетеля Самарканда, который, пусть совершенно формально, все же считался главою всего Западно-караханидского каганата (Давидович, 1957, с. 93, 98). Поминание в хутбе покойного Санджара гузами все-таки объяснимо, но трудно найти мотивы, которые могли бы побудить суверенного мусульманского государя поминать Санджара на монетах даже двадцать с лишним лет после его смерти. Видеть в Санджаре, названном на разбираемых монетах, Санджара б. Малик-шаха мешают и некоторые другие обстоятельства. Е. А. Давидович выявила близкие по времени дирхемы с упоминанием халифа Насира и титулатурой «ас-Султан ал-Азам Рукн ад-Дунйа ва-д-Дин Санджар», найденные на городище Лягман, т. е. на месте средневекового Халаварда, столицы области Вахш (Литвинский, Соловьев, 1985, с. 156). Территориальная близость Балха, Термеза и Вахша, в XI—XII вв. определявшая обычно общность исторических судеб этих областей и включение их в состав одного государства (Газневидов, затем Сельджукидов), позволяет достаточно уверенно отождествлять Санджара лягманских монет с «ас-Султаном ал-Азамом Санджаром» дирхемов из Термеза. Между тем из лакабов Санджара б. Малик-шаха на монетах чаще всего встречается почетное прозвище Муиз ад-Дунйа ва-д-Дин, причем вплоть до последних лет жизни, лакаб же Рукн ад-Дин (не Рукн ад-Дунйа ва-д-Дин, как на дирхемах из Лягмана) зафиксирован на единственном динаре неизвестного года (Ходжаниязов, 1979, с. 96, № 324), причем в позиции, которая допускает атрибуцию этого лакаба не самому Санджару, а его вассалу, наконец, если видеть в государе, упомянутом на лягманских монетах, этого Сельджукида, то данная

эмиссия, окажется целиком «заупокойной», т. к. никакой здравствующий правитель на них не назван.

Все это заставляет рассмотреть иную возможность: на дирхемах из Термеза упомянуто не два, а одно лицо — Караханид Кадыр (?) Тафгач-хан по имени Санджар. По словам поэта XII в. Анвари, имя Санджар было в то время нередким среди тюрок (Бертельс, 1960, с. 509). Из современников Кадыр (?) Тафгач-хана может быть назван нишапурский владетель Санджар-шах (1185—1198), внук Муаййида Ай-Аба, одного из эмиров Сельджукида Санджара. Такое же имя мог носить, конечно, и караханидский правитель. Но мог ли он титуловаться султаном? Как установила Е. А. Давидович, во второй половине XII — начале XIII вв. в Западно-караханидском каганате, распавшемся на ряд очень самостоятельных уделов, сохранился приоритет важнейшего из них, Мавераннахрского, со столицей в Самарканде, а «субординация» удельных правителей выражалась в их титулатуре: все они были ханами, но только самаркандский владетель в конце XII в. титуловался султаном; позже, в начале XII—XIII вв. султаном стал и правитель Узгенда, но его самаркандский современник был «султаном султанов» (Давидович, 1957, с. 93, сл.). Если же считать Кадыр (?) Тафгач-хана Санджаром и, следовательно, «султаном высочайшим» (ас-Султан ал-Азам), то окажется, что именно он первым из поздних Караханидов стал титуловаться султаном в монетных надписях. Его предшественник, завоеватель Балха, Масуд на монетах назван только хаканом, но в рукописных источниках, посвященных ему, именуется также султаном (Мухаммад аз-Захири ас-Самарканди, 1960, с. 19). Значит, последний титул, так же как и Балх с областью, Кадыр (?) Тафгач-хан мог унаследовать от Масуда, который, возможно, приходился ему отцом. Если же предположить, что он был старшим сыном Масуда б. ал-Хасана, то станет ясно, почему другой сын Масуда, Мухаммад, даже будучи самаркандским владетелем, на монетах титуловался только ханом. При таком допущении двоюродным братом Санджара оказывается преемник Мухаммада б., Масуда, Ибрахим б. ал-Хусайн б. ал-Хасан, который не позже 586/1190 г. стал султаном, а до 583/1187—88 г. был только ханом. Быть может, менее «высокое» происхождение Ибрахима (доводившегося сыном Тогрылхану, правителю Узгенда, тогда как Санджар был, возможно, сыном Тафгач-хана, самаркандского владе-

теля), не позволяло ему принять султанский титул при жизни Санджара. Если это так, то последний скончался между 583/1187—88 и 586/1190 г. и не идентичен умершему в 594/1198 караханидскому (?) правителю Балха, занятого после того Гуридами. Предложенное объяснение наличия у Санджара султанского титула лишь одно из возможных; причина могла быть в ином — скажем, в удаленности Балха, позволившей тамошнему владельцу пойти на нарушение «субординации»; в тесных связях с халифом, утвердившим за ним наиболее высокий в мусульманском мире титул, и т. д. Но каковы бы ни были действительные причины, едва ли можно сомневаться, что правитель Балха Кадыр (?) Тафгач-хан носил имя Санджар, титул «султан» и лакаб «Руки ад-Дунья ва-д-Дин». Как показывают находки его монет, которые, будучи медными посеребренными дирхемами, должны были обращаться почти исключительно в пределах его владений, в состав последних входили Термез и Вахш.

Безусловно другому правителю принадлежат монеты № 25—26. Лакаб его, Насир ад-Дунья (ва-д-Дин) разобран М. Е. Массоном правильно, чтение же последней строки, требует уточнения. После первого слова Малик, следует слово عار или عان, которое первопубликатор понял как «тагар» — мешок», «сума», что для титулатуры не очень подходит; скорее это тюркское «йаган» (слон) или «тоган» (сокол); и то, и другое обычно для караханидской титулатуры, в том числе монетной, но «тоган» передается как طعان, почему предпочтительнее «йаган» يغان.

Строка завершается плохо сохранившимся словом — хан. В целом титулатура правителя восстанавливается как Насир ад-Дунья ва-д-Дин Малик Йаган-хан.

Наименование монетного двора на его дирхемах не сохранилось, но вполне правдоподобным представляется предположение М. Е. Массона, что это мелкий удельный владетель юго-восточной части Мавераннахра (Массон М. Е., 1966, с. 104), т. е., судя по месту находки клада, одной из приамударьинских областей. Возможно, он владел соседним с Термезом Саганианом, который определенно принадлежал Тафгач-хану Масуду и после его смерти мог, подобно Балху, обособиться в самостоятельный удел. На существование в Саганиане отдельного позднекараханидского владения намекает находка на

территории этой области небольшого клада монет с упоминанием халифа Насира и хакана Хусрау-шаха (Ртвеладзе, 1985, с. 42—43). Дирхемы эти значительно крупнее монет № 25—26 (соответственно 3,2—3,4 см и 2,5—2,6 см), а поскольку во всех позднекараханидских уделах имела место тенденция к увеличению размеров и веса медных посеребренных дирхемов, Йаган-хан правил раньше Хусрау-шаха. Судя по размерам монет № 25—26, дата их, от которой уцелело только начало («три»), должна быть восстановлена как 573/1177—78 или 583/1187—88 г.; другие реконструкции отпадают; в 563/1167—68 г. приамударьинские области принадлежали Тафгач-хану Масуду б. ал-Хасану, в 590-х годах дирхемы были значительно крупнее¹.

Независимо от того, подтвердится ли в дальнейшем предположение о саганианском происхождении монет № 25—26, описанный клад, открывая, в частности, совершенно неизвестный прежде факт существования еще одного позднекараханидского удела, Балхского, являет собой первоклассный исторический источник.

¹ По этой причине дата монеты № 10 (...3) с именем халифа Насира (575—622) может быть восстановлена только как «583 г. х.»

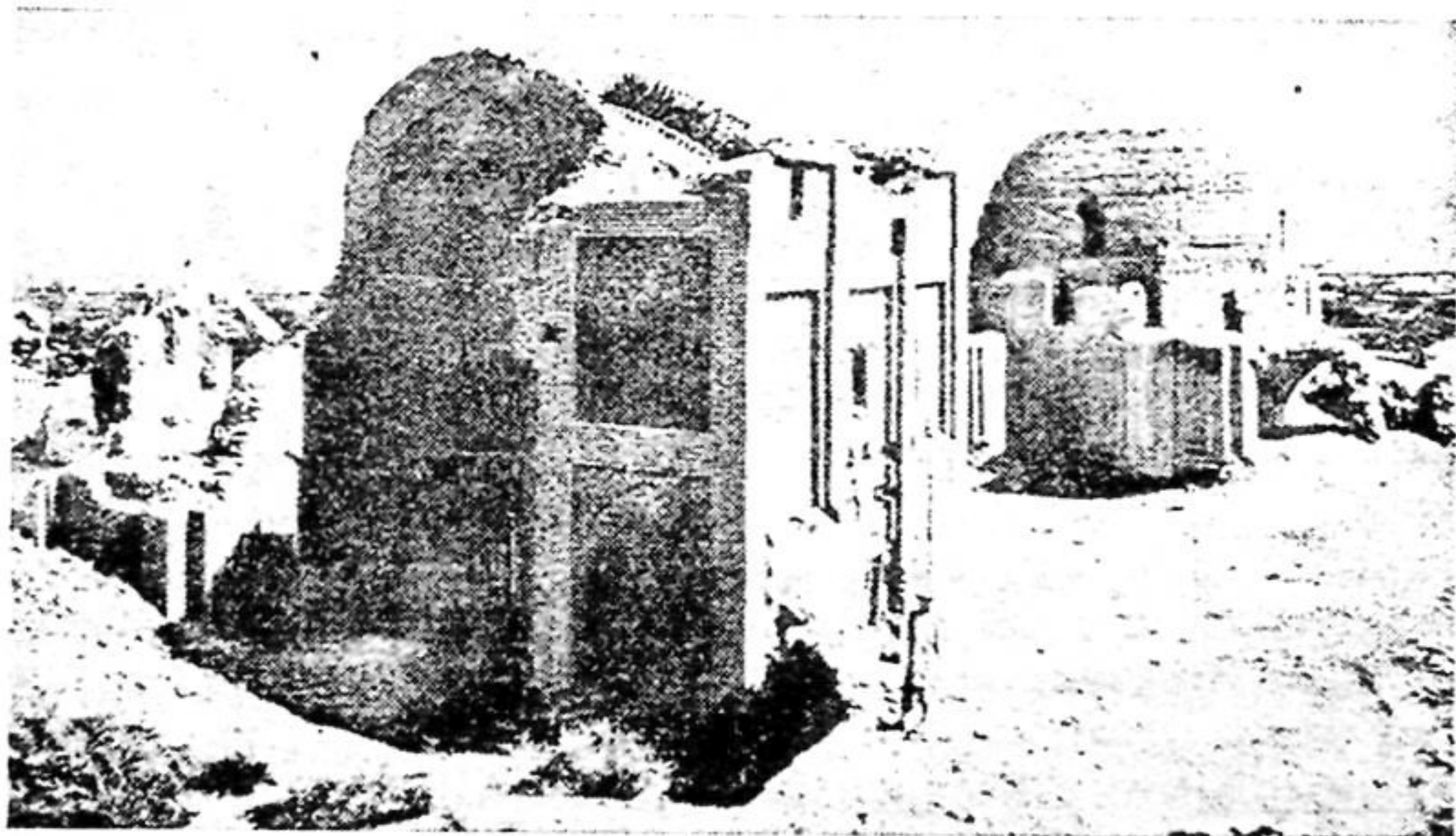
Е. Г. НЕКРАСОВА, В. М. ФИЛИМОНОВ

ХОНАКО В АНСАМБЛЕ СУЛТАН-САОДАТ

Осенью 1978 г. по заданию ГлавНПУ памятников культуры Министерства культуры УзССР производились археологические исследования хонако и дарвазаханы в ансамбле Султан Саодат, расположенном на землях колхоза Намуна близ Термеза.

К началу археологических работ на месте дарвазаханы были расположены рывины без каких-либо признаков архитектуры, а на месте хонако над окружающей поверхностью возвышались остатки северной и южной стен центрального зала.

На фотографии 1911 года дарвазахана, расположенная на переднем плане, представляет собой большое

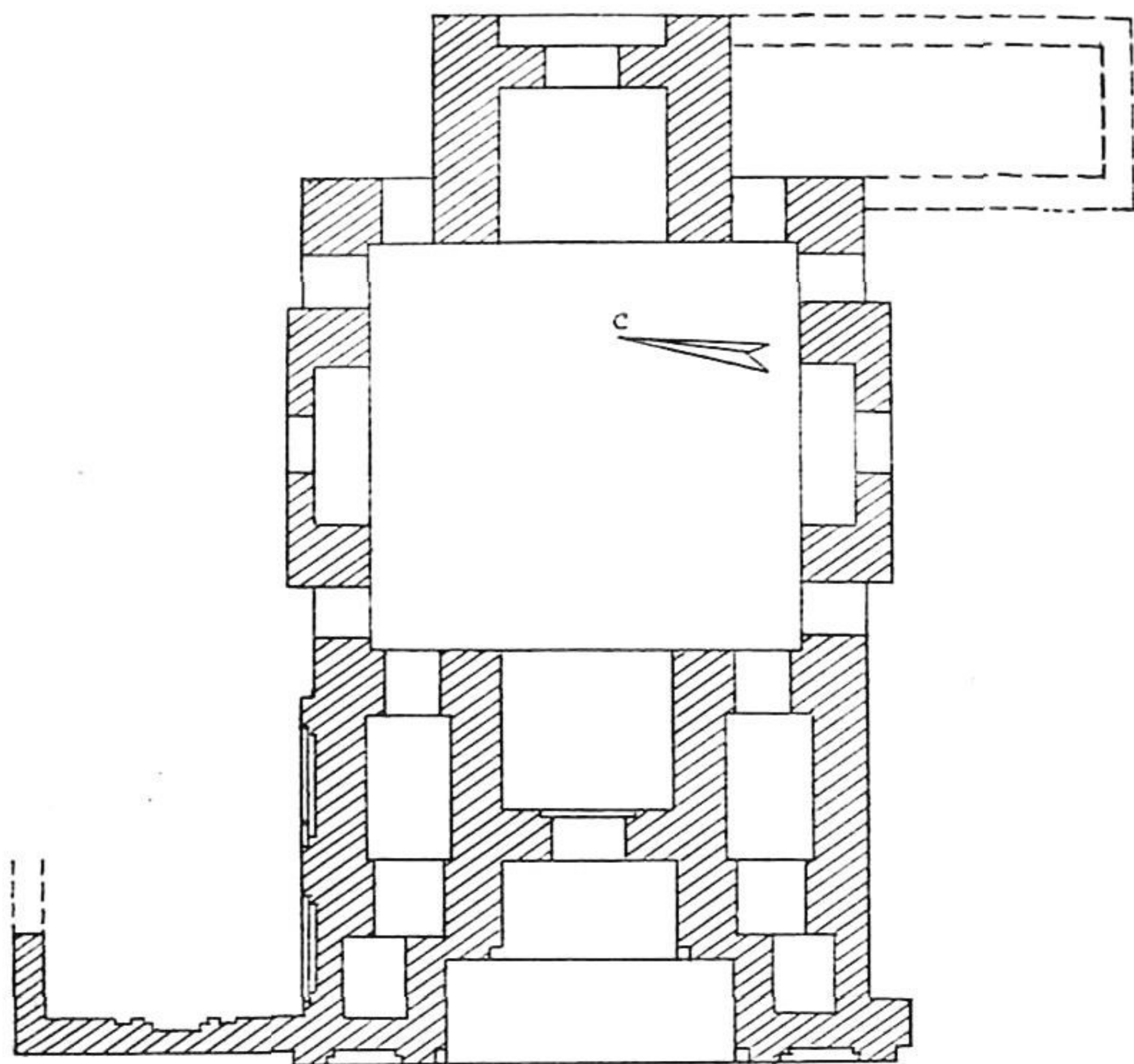

Хонако в ансамбле Султан Саодат.

сводчатое здание, возведенное из жженого кирпича: слева от него видны руины какого-то крупного сырцового сооружения. На втором плане справа заметно хонако, которое имеет купол и нижние части далеко выступающего портала. С южной стороны у хонако прослеживаются разрушенные стены и арки, а с северной стороны в направлении север-юг идет глухая стена. Как выяснилось в процессе работ, дарвазахана хищнически, полностью, а хонако на 90% разобраны на кирпич. На месте сырцового здания, примыкающего с севера к дарвазе, образовался холм.

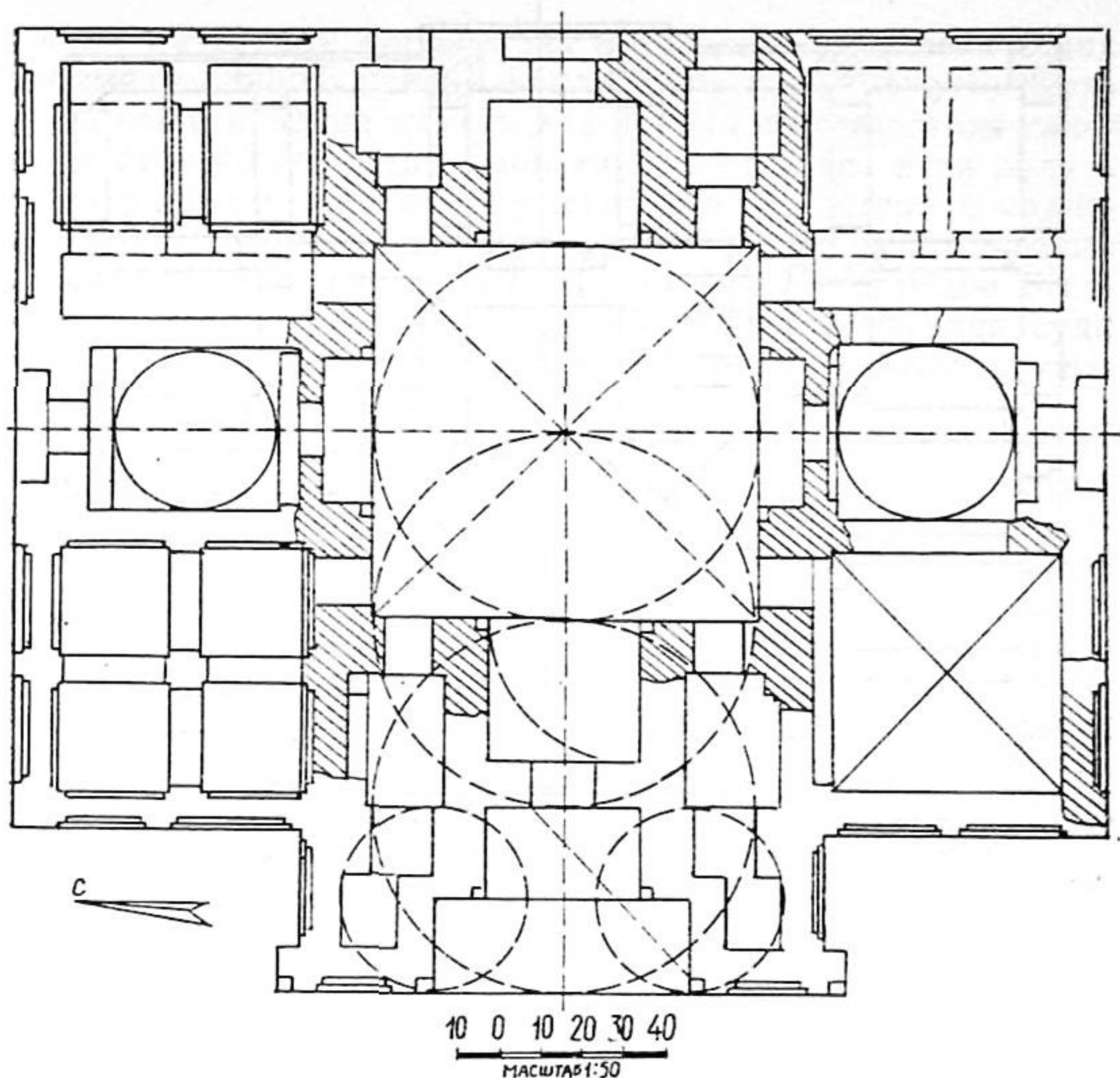
В 1927 году исследование памятников производилось архитектором Б. Н. Засыпкиным в составе экспедиции Музея восточных культур (Засыпкин, 1928, с. 32; 1928, с. 77—78). Им оставлено первое и единственное описание зданий. Б. Н. Засыпкин пишет, что дарвазахана оформляла вход к мавзолеям с востока, в состав ее плана входили ниши с двух сторон и четыре небольшие подсобные помещения. Напротив дарвазаханы через небольшую площадь на той же оси запад-восток располагалось здание хонаки с порталом, обращенным на запад. Автор отмечает, что центральное место занимает большой зал-трапезная, кроме него — мечеть (северо-западный угол) и подсобные помещения. Портал, фасадные части и центральное купольное помещение (трапезная) были сложены из жженого кирпича. Остальные помещения, в том числе шесть коридоров, имели стены из сырца. В статье приводятся основные габариты обмерянных частей помещения. Б. Н. Засыпкин отмечает аналогию центрального помещения хонако с центральным залом Кырк Кыза и относит строительство его к XI в. (Засыпкин, архив, с. 1—2). История сохранила документ, свидетельствующий о процессе превращения памятника архитектуры в памятник археологии. Г. В. Парфенов, бывший в сороковых годах уполномоченным УзКомстариса по Теремезскому округу, докладывал на одном из заседаний, что Теремезский Райагролес продал весь Султан Саодат на слом организациям по договорам. Пока шли переговоры о запрещении вся дарвазахана и портал хонако были разобраны (Стенографический отчет..., 27. 06. 35 г., с. 13). Все хонако не успели разобрать, как сообщает отчет, из-за того, что верхняя часть его была сложена из сырцового кирпича.

Археологическими исследованиями выявлены два периода строительства хонако.

План Хонако, 1927 г. по Б. П. Засыпкину.

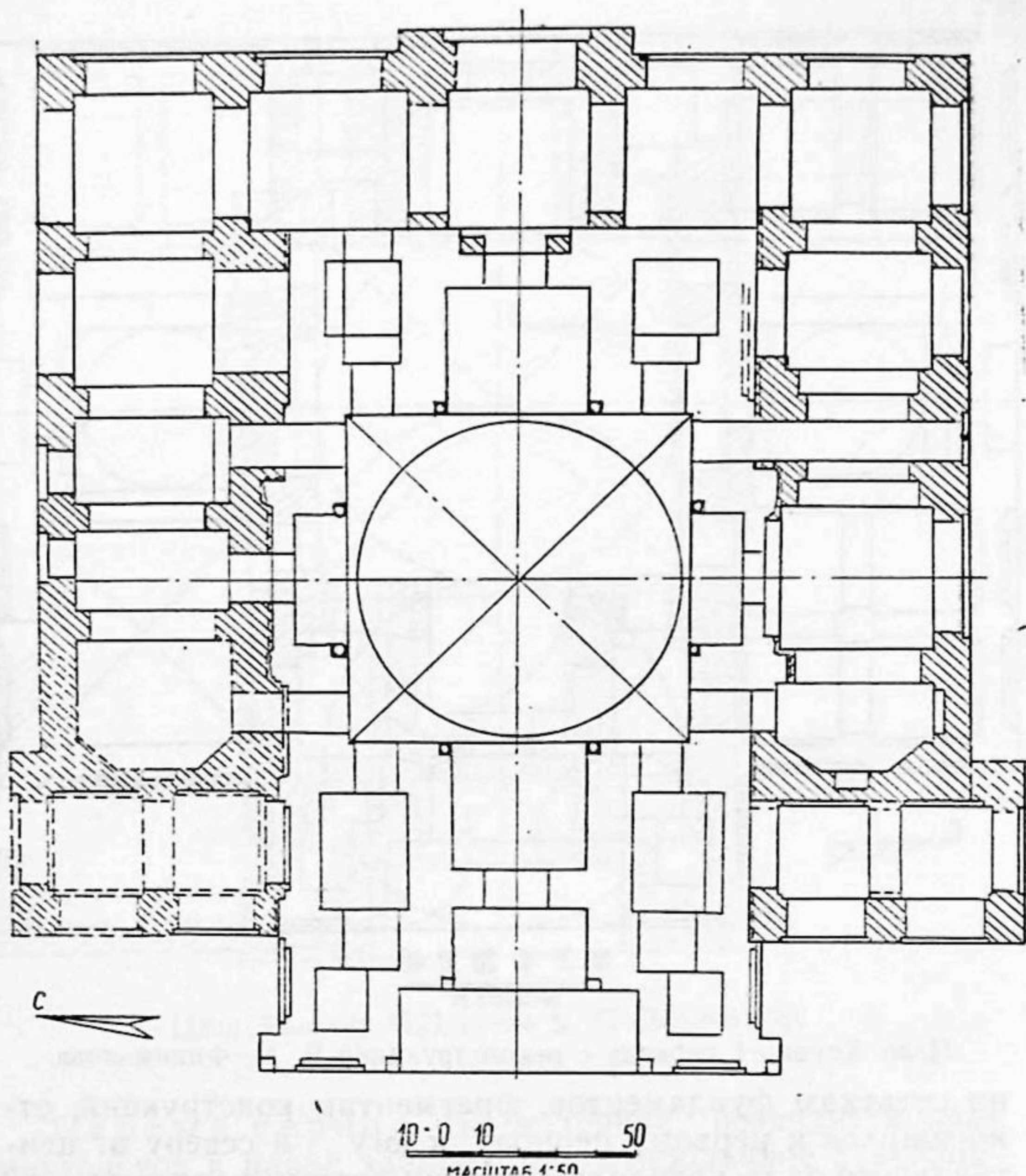
Первый период. На материке возводится прямоугольное в плане здание, ориентированное с небольшими отклонениями по странам света. Композиционным центром его является зал с четырьмя главными проходами по осям и восемью по углам. Зал квадратный в плане, размером $9,38 \times 9,38$ м. Проемы по оси север—юг оформлены нишами, приподнятыми относительно пола здания на 25—30 см, шириной 3,75 м, глубиной 1,25. Проемы на основной оси запад—восток подчеркнуты нишами глубиной 3,6 м, шириной 3,7 м, пол приподнят относительно пола зала на 20 см. Ширина дверных проемов 1,25—1,4 м. Фундамент под стенами зала, толщиной 13 см, заглублен в материк на два кирпича. Строительный материал, из которого возведено хонако — квадратный жженный кирпич размером от 25 до 28 см в стороне, толщиной 5 см, на плотном глиняном растворе. Соглас-

План Хонако I периода с реконструкцией В. М. Филимонова.

но остаткам фундаментов, фрагментам конструкций, относящихся к первому периоду, к югу и северу от центрального зала находились по три взаимосвязанных помещения. На оси запад—восток расположены основные входы, выделенные в интерьере глубокими и широкими нишами, по их сторонам находились сквозные удлиненные помещения. Возможно, что в сторону мавзолеев — на запад — хонако имело выступающий портал.

Второй период. Происходит полная реконструкция хонако. Изменения не коснулись лишь центрального зала, в котором, судя по стратиграфии напластований, даже не повысился уровень пола. До фундаментов разбираются помещения к северу и югу от центрального зала, на их месте возводится галерея, охватывающая зал с трех сторон. С юго-западной стороны пристраивается помещение мечети, западная ее стена с

План Хонако II периода с реконструкцией В. М. Филимонова.

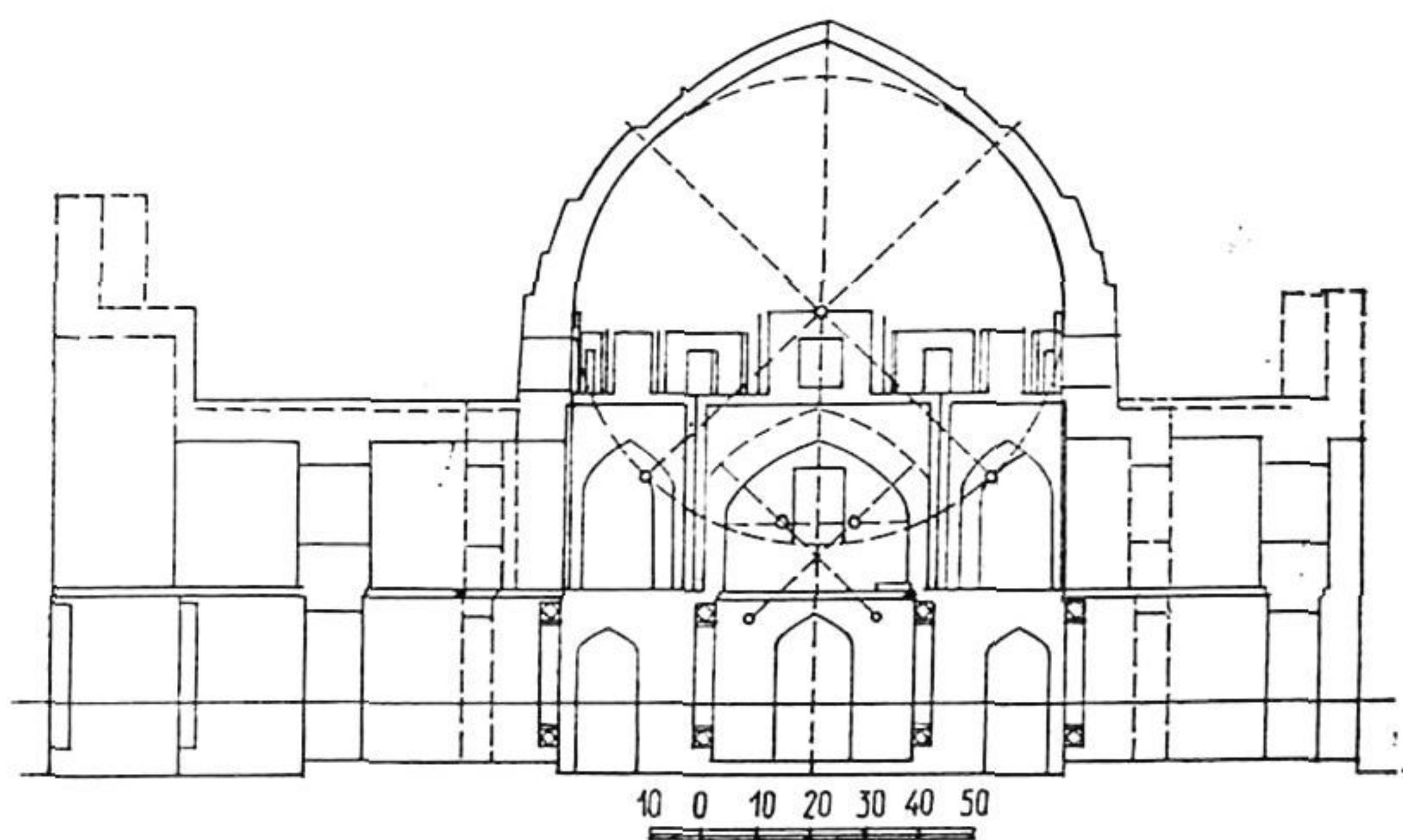
михрабной нишей перпендикулярна к стене центрального зала. Мечеть продолжается галерей, устои которой имеют единый ленточный фундамент, сохранившийся с южной стороны и отчасти с восточной. Строительный материал — квадратный жженный кирпич $24-26 \times 5$ см.

Со временем хонако приходит в упадок. В галерее и помещении мечети устраивается кухня (здесь обнаружено большое количество очагов), а мечеть пристраивается к portalу с северной стороны.

Время возведения и функционирования хонако устанавливается согласно нумизматическому и эпиграфичес-

кому материалу, собранному в процессе археологических исследований. В уровне фундамента стены первого периода была найдена монета XIV в., под фундаментом галереи второго периода — монета XIV—XV вв., а на полу в центральном зале обнаружена монета Тимура с надчеканом Шахруха первой половины XV в. Керамический материал из слоя между полами I и II периодов относится к концу XIV— началу XV вв. Реконструкция, судя по архитектурно-конструктивным приемам, была осуществлена в середине XVI—XVII вв.

Ансамбль Султан Саодат расположен на территории города, возникшего после разгрома Термеза монголами. К сожалению, от города осталось около десятка сырцовых развалин, мавзолеев-хонако Кокиль-Дора и Кырк Кыз, возвышающиеся среди полей и жилых построек. Поэтому сейчас невозможно представить ни расположения древних городских магистралей, ни градостроительной структуры города. Проследить историческую канву жизни города на протяжении сотни лет удастся благодаря сведениям письменных источников. Согласно им, Термез быстрее других городов оправился после монгольского завоевания. В тридцатых годах XIV века через Термез проехал знаменитый арабский путешественник Ибн Баттута, который в описании своего странствия упомянул, что город после разрушения монголами был

Реконструкция Хонако В. М. Филимонова. Разрез по линии Запад—Восток.

восстановлен не на прежнем месте, а в двух арабских милях от реки. Это был большой и красивый, утопающий в садах город с многолюдными базарами и арычной сетью. (Бартольд, 1965, с. 506; Массон, 1941, с. 10) В 1404 году в Термезе останавливалось посольство испанского короля Генриха III. Один из членов посольства Рюи Гонзалес де Клавихо оставил короткое, но очень эмоциональное описание города: «Этот город Термит, куда в этот день приехали посланники, был город большой и очень населенный; он не был окружен никакой оградой, и вокруг него было много садов и воды. Больше ничего не могу сказать вам об этом городе кроме того, что вошедши в него мы ехали так долго, что приехали в свое помещение совсем раздасадованные, и все время ехали по площадям и многолюдным улицам, где продавались разные разности». (Рюи Гонзалес де Клавихо, 1881, с. 228). Владетели Термеза — сейиды Худавенд-заде часто упоминаются в исторической литературе. Большой вес они имели во время правления Тимура, активно участвуя в завоевательных походах. Так, во второй половине XIV — начале XV века в числе подвижников Тимура упоминаются два брата-сейида — Абу-л-Маали и Али Акбар, владевшие Термезом. (Бартольд, 1964, с. 31) Сам Тимур неоднократно бывал в Термезе, где останавливался в домах сейидов. (Бартольд, 1965, с. 506). Возможно, возведение хонако — одно из богоугодных дел Тимура.

История возникновения, типология и архитектурный генезис хонако довольно тщательно освещены в научной литературе. (Например: Бартольд, 1965, с. 216—217; Пугаченкова, 1976, с. 75—79; Бартольд, 1966, с. 116—120; Маньковская, 1980, с. 125—130).

Появление на Востоке хонака-странноприимных домов для дервишей было связано с распространением суфизма. Как известно, пристанищем первых дервишей часто были заброшенные буддийские и манихейские монастыри. (Бартольд, 1966, с. 117; Маньковская, 1980, с. 128) Очевидно, у монастырей была заимствована и планировочная структура первых хонака. Особенно наглядно это видно на примере буддийского комплекса Аджинатепы в Южном Таджикистане. Двор монастырской половины памятника аналогичен центральному залу хонако в ансамбле Султан Саодат: он квадратен в плане и имеет четыре главных прохода на осях и восемь в углах (Литвинский, Зеймаль, 1971, с. 15).

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

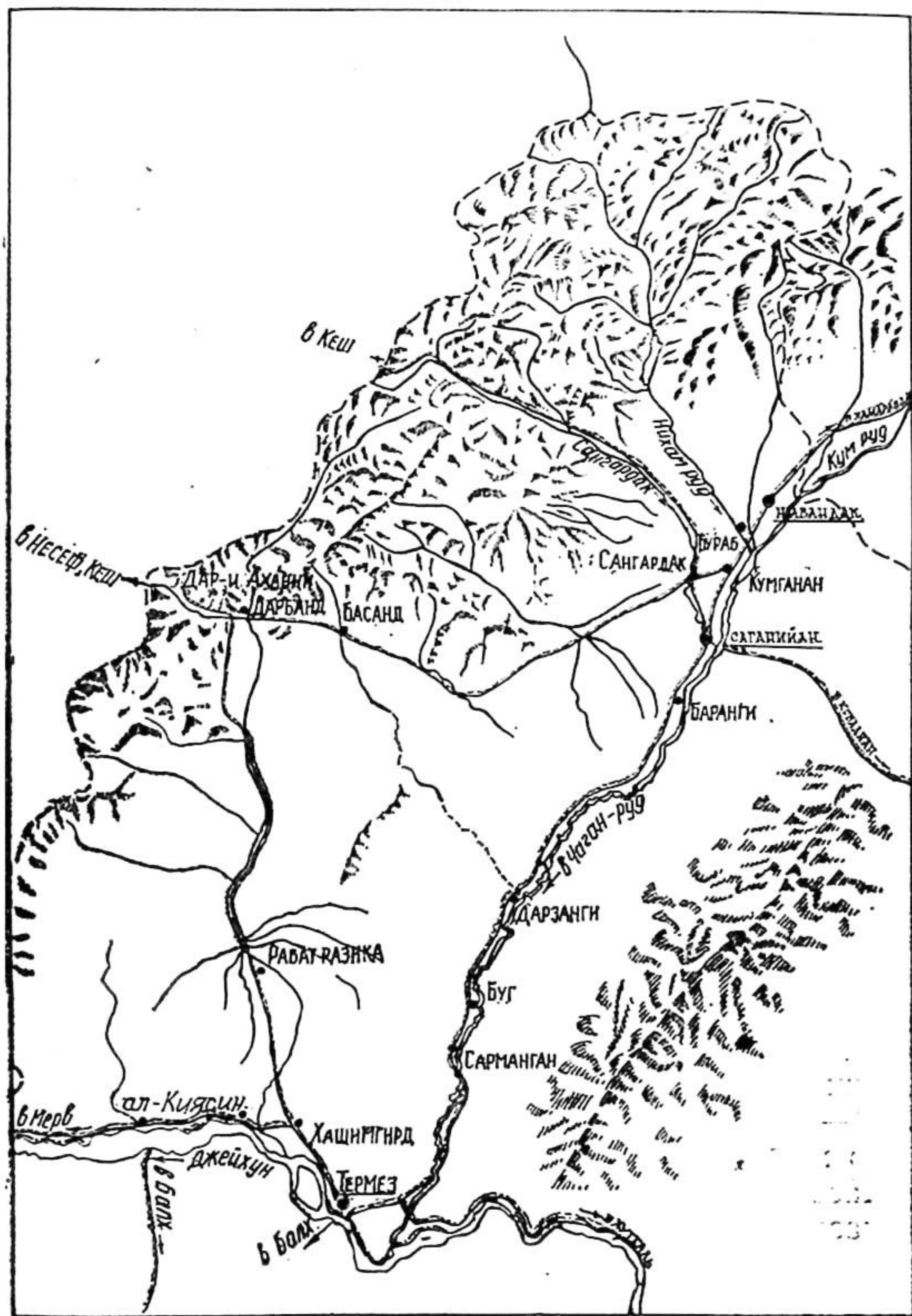
К ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО ТОХАРИСТАНА В IX — НАЧАЛЕ XIII В.В.

В IX в. усиливается роль местной феодальной знати в управлении историко-культурными провинциями Средней Азии.

В 806—810 гг. население Саганийана принимало активное участие в антиабассидском движении Рафи б. Лейса, охватившем большую часть Мавераннахра (Гафуров, 1962, с. 332). С 821 г. Саганийан и Термез — составная часть владений Тахиридов, а с конца IX в. — государства Саманидов.

Эта династия происходила, якобы, из селения Саман вблизи Термеза или из Балха (Семенов, 1954, с. 4). К этому же времени относится и возвышение рода термезских сейидов, основателем которого был Хасан ал-Амир. В их родословной («Саадийе») говорится, что Хасан ал-Амир после 865 г. переселяется из Балха в Термез, где большую помощь оказал ему Аркак — потомок сасанидского полководца Бахрама Чубина. В основанном Аркак-ом селении Саман у него родился сын Асад-Самани, ставший родоначальником династии (Семенов, 1914, с. 13—14). Согласно «Саадийе», Исмаил Самани, памятуя о месте своего происхождения и поддержке его предку Хасаном ал-Амиром, ежегодно, якобы, посещал Термез и оказывал сейидам всяческую помощь. Эти связи были впоследствии закреплены женитьбой сеида Амира-Абдуллы на дочери Исмаила Самани — Махи Сима, что дало основание их потомкам носить почетный титул худованд-заде (Семенов, 1914, с. 14—15; Хакимов, Шваб, 1969, с. 40; Хакимов, 1983, с. 153).

А. А. Семенов и М. Е. Массон отмечали наличие большого числа неточностей в данной рукописи (Семенов,

Северо-Западный Тохаристан. IX—XII вв.

1914, с. 8; М. Е. Массон, 1960, с. 66), но некоторые исследователи пытаются видеть в ней отражение реальных событий. Предполагается, что Кырк-Кыз вблизи Термеза является родовым замком Саманидов (Хакимов, Шваб, 1969, с. 43; Хакимов, 1983, с. 153), что не подтверждается археологическими данными, так как обживание Кырк-Кыза датируется XIII—XV вв. (Ртвеладзе, Некрасова, 1979, с. 4).

Термез и Саганийан в составе феодальных владений Абу-Давудидов и Мухтаджидов. Термез стал принадлежать Абу Давуду Мухаммаду б. Ахмаду из хуттальской ветви Баниджуридов около 279/892—93 гг. (Fasmer R. 1925, p. 53). Представитель другой ветви этой династии Хашим б. Баниджур владел областью Шуман, расположенной на северо-восточной границе Саганийана (Беленицкий, 1950, с. 126—127). Еще в 293/905—06 и 300/912—13 гг. Термез являлся владением Абу-Давудидов, судя по монетам Ахмада б. Мухаммада (Fasmer R., 1925, p. 57; Zambauer, 1925, p. 88). Недавно найден фельс амира Мухаммада (так же из Абу-Давудидов), чеканенный в Термезе в 303/915—16 гг. Впоследствии Термез стал непосредственно принадлежать Саманидам, а затем при Насре б. Ахмаде (914—943) был пожалован во владение амиров Саганийана из династии Мухтаджидов.

В Саганийане в конце IX в. начинается возвышение династии Мухтаджидов, которая в первой половине X в. владела большей частью Северного Тохаристана, являясь, наряду с правителями Хорезма и Исфиджаба, наиболее могущественными вассалами Саманидов (Бартольд, 1963, с. 293). Мухтаджидские амиры Абу Бакр Мухаммад б. Музаффар и Абу Али Чагани занимали в Саманидском государстве важнейшие административные и военные должности, а Ахмад б. Мухаммад прославился на Востоке как покровитель поэтов Дакики, Фаррухи и Манджуки Термези (Brown, 1929, p. 461; Бертельс, 1960, с. 165; Ртвеладзе, 1982, с. 177—181).

В 930 г. Абу Бакр Мухаммад был назначен на пост наместника Хорасана, который после его смерти в 939 г. занял Абу Али Чагани, ставший фактическим правителем южных областей Саманидского государства. Опасаясь возросшего могущества Абу Али, саманид Нух б. Наср сменил его с данного поста, в ответ на что Абу Али в январе 947 г. захватил Бухару и передал саманидский престол Ибрахиму б. Ахмаду. Вскоре Абу Али

был вынужден оставить Бухару и уйти в Саганийан. В битве при Хардженге он потерпел поражение, после чего Нух б. Наср в 948 г. захватил столицу Мухтаджидов — Саганийан.

Тем не менее, войска Нуха б. Насра оказались в трудном положении, поскольку Абу Али объединил армию союзных ему амиров Рашта, Хутталя, Гузгана, Балха и кумеджиев, и перекрыл все дороги на Бухару.

В конце 948 г. обе стороны заключили мир на достаточно почетных для Мухтаджидов условиях: сыну Абу Али при приезде в Бухару в качестве заложника была устроена торжественная встреча. В 955 г. Абу Али Чагани, будучи вновь наместником Хорасана, опять поднимает мятеж против Саманидов, повелевая читать хутбу на свое и халифа ал-Мути имя. После смерти Абу Али в конце 344/ноябрь 955 г. его тело было перевезено в Саганийан и погребено в родовой усыпальнице (Бартольд, 1963, с. 307—309; Bosworts С. Е., 1981, р. 6—7).

В надписях на фельсах Саганийана 365/975—76 упоминаются некий Абу Мансур Наср б. Ахмад и саманид Мансур б. Нух (350/961—365/976) — (Ртвеладзе, 1979, с. 177—181). Имя Насра б. Ахмада с титулом «Амир превосходный» стоит в круговой легенде, после вводной формулы «Из того, что приказал...», а имя главы саманидов без всякой титулатуры помещено в поле об. ст. На саманидских медных монетах строго определено местоположение каждого имени. Так, в круговой легенде об. ст. обычно проставляется имя главы саманидской державы «появление изредка там другого имени находит объяснение в сепаратистских стремлениях или особом политическом положении данного лица» (Давидович, 1956, с. 10). Аналогичная картина на саганианском фельсе, поэтому можно считать, что этот Абу Мансур Наср б. Ахмад являлся владельцем монетной регалии и именно ему принадлежала фактическая власть в Саганийане. Однако он не был сепаратистом и признавал Мансура б. Нуха как почетного и верховного главу, своего сюзерена, власть которого в Саганийане была, очевидно, номинальной.

Абу Али Чагани после отъезда в Хорасан оставил Саганийан в управление своему сыну Абу Мансуру Насру б. Ахмаду (Бартольд, 1963, с. 307—309; Bosworts, 1981, р. 8). В круговой легенде на данных фельсах — это же имя. Следовательно, упомянутый в письменных источниках и на монетах Абу Мансур Наср б. Ахмад — одно и

то же лицо. Получив в 952 г. в свое владение Саганийан, Наср б. Ахмад продолжал управлять им и в 975/76 гг.

На монетах первого типа его имя с титулом «Амир превосходный» и куньей Абу Мансур расположено в круговой легенде об. ст. после формулы «Из того, что приказал...», показывающей, что именно он обладал всей полнотой экономической и политической власти в Саганийане. На монетах второго типа имя Насра б. Ахмада без какой-либо титулатуры стоит в поле л. ст. после символа веры, где обычно проставлялось имя наместника или чиновника, посредством которого осуществлялась власть саманидских амиров в той или иной области (Давидович, 1956, с. 28). Имя Мансура б. Нуха на обеих монетах помещено в одном и том же месте, в поле об. ст., причем на монете второго типа оно приведено с почетным титулом **الجليل**. Представляется, что различия в содержании и расположении надписей обусловлены изменением политического положения саганианского амира Насра б. Ахмада.

Для понимания существа этих перемен интересны некоторые аналоги, приведенные Е. А. Давидович, которая выделила четыре категории феодального владения на основе пожалования при Саманидах (Давидович, 1954, с. 108—110); четвертая категория соответствует наибольшей и фактической, и формальной независимости: на медных фельсах имя главы династии вовсе не представлено, как в чекане первых владельцев Ахсикета 264—299 года хиджры (Давидович, 1977, табл. 5—6, с. 122). Саганианский фельс первого типа соответствует третьей категории, представленной фельсами Ахсикета 303 г. х., Насрабада 336—344 г. х., Ахсикета и Ферганы 355—367 г. х., Кубы 349 и 356 г. х. (Давидович, 1954, с. 108—110; 1972, с. 128; 1960, с. 254—256). На них имя главы династии в качестве сюзерена помещено в поле об. ст., имя же местного владельца после формулы «Из того, что приказал...»:— в круговой надписи об. ст. Можно полагать, что политическое положение этих владельцев; характер их взаимоотношений с центральной властью, степень вассальной зависимости были одинаковыми или близкими. Столь широкий круг нумизматических аналогий при наличии известий письменных источников о большинстве владельцев перечисленных городов и областей открывает возможность конкретного рассмотрения содержания и существа пожалований третьей катего-

Саганианские монеты второго типа лишены ведущего признака — имени в круговой надписи об. ст. после формулы «Из того, что приказал...» Поэтому они занимают как бы промежуточное положение между фельсами третьей категории (на этом месте имя местного амира) и второй категории (на этом месте — имя главы династии). Соотношение же местоположения имени местного владельца в поле л. ст. и имени главы династии в поле об. ст. зафиксировано как для второй, так и для третьей категорий. Существенно, что во второй категории — чекан Исфиджаба, наследственные правители которого признавали себя вассалами Саманидов, но фактически были самостоятельными (Давидович, 1954, с. 108—110).

Сравнение саганианских монет с фельсами второй и третьей категорий позволяет предположить следующее: две рассматриваемые нами монеты свидетельствуют о том, что в 365 г. х. политическое положение саганианского владельца Абу Мансура Насра б. Ахмада, его отношение к центральной саманидской власти изменилось, но изменение это было не принципиальным, ибо фактическая самостоятельность сохранялась в обоих случаях. Изменение касалось в первую очередь внешней стороны взаимоотношений вассала и сюзерена.

Новые материалы для воссоздания истории Саганий-ана последней четверти X в. дают фельсы 369 г. х. и 377 г. х. с именами саманида Нуха б. Мансура и амира Абу-л Касима ал-Хасана б. Ахмада, который не упомянут в составленной М. Казвини и К. Э. Босвортом генеалогии Мухтаджидов (Chahar Magala 1910, p. 140, Bosworth, 1981, p. 16). Представляется, что он был сыном Ахмада б. Мухаммада (Абу'Али Чагани) и родным братом Насра б. Ахмада (341/952—53—365/975—76). Об этом свидетельствует одинаковое имя отца (Ахмад), место владения и хронологическая близость. Амир Наср б. Ахмад правил в Саганийане, во всяком случае, до 365/975—76 гг., ему наследовал Хасан б. Ахмад, время правления которого устанавливается пока в промежутке между 369—377/979—987—88 гг. (Ртвеладзе, 1985, с. 41).

Содержание легенд и местоположение имен главы Саманидов Нуха б. Мансура и саганийанского владельца Хасана б. Ахмада аналогично первому и второму типу фельсов Абу Мансура Насра б. Ахмада.

Следовательно, политическое положение правителей Саганийана и их взаимоотношения с саманидскими ами-

рами не изменились, но их самостоятельность, возможно, еще более укрепилась в связи с ослаблением саманидов при Нухе б. Мансуре. Примечательно, что саганийанский владетель Тахир б. Фазл стоял во главе саманидских войск, посланных на подавление мятежа Фаика. После поражения при Бухаре в июне 990 г. Фаик бежал на юг и, овладев Балхом, двинулся на Термез. По приказу Нуха б. Мансура против него выступил гузганский амир Абу-л-Харис Мухаммад б. Ахмад б. Феригун. Потерпев поражение, Абу-л-Харис, объединился с Фаиком против Тахира б. Фазла, погибшего при осаде Балха в 381/991 г. По словам Утби, перед этим событием Саганийан входил в состав владений Абу-л-Хариса Мухаммада б. Ахмада (Бартольд, 1963, с. 314).

В конце X в. правителем Саганийана стал Фахр ад-Даула Абу-л-Музаффар Ахмад б. Мухаммад (Bosworts С. Е., р. 11; *Chahar Magala* р. 140); в 989 г. (Бертельс, 1960, с. 336) или вскоре после 380—381/990—92 (Сафа, 1953, с. 541).

Саганийанские правители второй половины X в.:

Абу Наср б. Ахмад (341/952—53—365/975—76 гг.)

Абу-л-Касим ал-Хасан б. Ахмад (369/979—377/987—88 гг.)

Абу-л-Харис Мухаммад б. Ахмад — правитель Гузгана и Саганийана до 380/990 г.

Абу Али ал-Музаффар Тахир б. Фазл (380/990—381/991 гг.)

Фахр ад-Даула Абу-л-Музаффар Ахмад б. Мухаммад — после 990—991 гг.

Владения Мухтаджидов во второй половине X в. были ограничены Саганийаном, тогда как Термез они потеряли, вероятно, после смерти Абу Али Чагани в 955 г. Об этом свидетельствуют фельсы Термеза 346/957—58 гг., чеканенные от имени амира Кут-Тегина при саманиде Абд ал-Малике.

Первая половина XI в. На монетах Саганийана упомянуты три категории правителей: аббасидский халиф Кадир-биллах (381/991—422/1031); караханидские сюзерены Саганийана; местные амиры. Местоположение имен Караханидов на серебрянных дирхемах 395—403 гг. х. и на фельсах — одно и то же — поле об. ст. (за исключением лакаба Рукн ад-Даула на дирхеме 402 г. х., помещенного в поле л. ст.), имя Ахмада б. Мухаммада (вероятно, саганийанского правителя) обнаружено только

на фельсах в круговой легенде об. ст. На дирхемах и фельсах 395—406 г. х. слово «Музаффар» является, очевидно, собственным именем. На дирхеме местоположение его различно: на дирхемах 395—397 гг. х. оно исполнено «петитом» на л. ст.; на дирхемах 398, 402—403 гг. х. — в поле об. ст. (также вверху, над символом веры). На фельсах 401—402, 405—408 гг. х. слово «Музаффар» занимает центр лицевой стороны.

По мнению М. Н. Федорова, на дирхемах Саганийана 395—398 гг. х. имеется имя «Музаффар Кийа» (Федоров, 1968, с. 194—195). Однако подобное написание встречается лишь на дирхемах 395/396 гг. х., причем «Кийа» помещено отдельно от «Музаффара» (под символом веры), а на прочих монетах имеется только «Музаффар». Слово «Кийа» имеет несколько значений: господин, владыка, правитель пограничной области, витязь, герой, богатырь. В рассматриваемую эпоху это слово как составная часть имени было широко распространено, причем зачастую в первой позиции (Низами, 1963, с. 57, 119). На караханидских монетах короткие верхние и нижние строки надписей читаются в разном порядке: сначала нижняя, потом верхняя, наоборот и изолированно. Следовательно, сама монета, на которой в верхней строке «Музаффар», а в нижней — «Кийа» не открывает порядка чтения и связи этих двух слов. Это может быть одно лицо «Кийа Музаффар» или «Музаффар Кийа», но и два лица: «Музаффар» и «Кийа». Первые две версии правдоподобнее. Но отсутствие «Кийа» на других монетах Саганийана не позволяет полностью исключить и последнюю версию о двух лицах. Упоминание «Музаффара» в поле л. ст. на дирхемах 395—397 гг. х. указывает, что он был непосредственным правителем области или города Саганийана. Начиная с дирхемов 398 г. х. «Музаффар» оказывается в поле об. ст. в верхней строке (над символом веры), однако, вряд ли это означает перемену политического положения данного лица, так как здесь оно проставлено петитом (в отличие от других имен и лакабов, исполненных крупными буквами).

На дирхемах 395—398 гг. х. в поле об. ст., после имени халифа упоминается Насир ал-Хакк хан ал-Муаййид ал-Адл Илек/Наср. М. Н. Федоров считал, что это одно лицо — караханидский правитель Наср б. Али (Федоров, 1972, с. 137—138). Однако аргументированно доказано, что лакаб Насир ал-Хакк и титул «хан» принадлежали брату Насра, Ахмаду б. Али (Кочнев, 1978, с. 22—

23). Следовательно, на этих дирхемах упомянуты караханиды Ахмад б. Али (Насир ал-Хакк хан) и Наср б. Али (Муаййид ал-Адл Илек): первый был верховным сюзереном, второй — его вассалом и одновременно непосредственным сюзереном правителей Саганийана. Неясно, кому из трех лиц принадлежал титул «падишах» на дирхемах 395 г. х. (верхняя строка поля л. ст.).

Дирхемы Саганийана 395—398 гг. х. указывают, что саганийанский правитель Музаффар в это время признавал свою зависимость не от Газневидов, а от Караханидов. Мы не можем утверждать, что Музаффар признал себя вассалом Насра лишь после смерти последнего саманида Мунтасира, что следует, по мнению М. Н. Федорова, из даты первого выпуска саганийанских монет — 395/1004—05 г., совпадающей якобы с годом гибели Мунтасира в начале 1005 г. (Федоров, 1968, с. 195). Во-первых, 395 г. х. — это не только 1005, но и 1004 г. Во-вторых, Мунтасир, разбитый Караханидами, не мог рассматриваться в Саганийане как реальная сила. Еще меньше оснований считать, что после 398 г. х. Саганийан вышел из сферы караханидского влияния, как полагает М. Н. Федоров, связывая последнюю дату известных ему саганийанских монет — 398 г. х. с битвой 1008 г. под Балхом, в которой Караханиды потерпели поражение от Газневидов. Монеты Саганийана 399 и 400 гг. х. пока не обнаружены, но фельс 401/1010—11 гг. убедительно свидетельствуют, что саганийанские правители по-прежнему признавали караханида Насра б. Али своим сюзереном.

На этом фельсе, помимо саганийанского правителя Музаффара и караханида Насра б. Али, на об. ст. упомянуты титул, лакаб и имя «ал-Амир ал-Джалил Фахр ад-Даула Ахмад б. Мухаммад». Его место в сложной иерархической лестнице правителей Саганийана не совсем ясно. Титул «Амир ал-Джалил» употребляли многие караханидские правители Мавераннахра начала XI в. Однако, среди них, судя по многочисленным монетам, отсутствуют лица, имевшие одновременно лакаб «Фахр ад-Даула» и имя «Ахмад б. Мухаммад». Это препятствует отнесению Ахмада б. Мухаммада к числу Караханидов. Если же исходить из норм, установленных для саманидских фельсов, где в круговой легенде после слов «Из того, что приказал...» упоминается обычно непосредственный владетель города или области (Давидович, 1968, с. 73), то Фахр ад-Даула Ахмада б. Мухаммада следует считать правителем Саганийана.

В раннекараханидское время, вводная формула «Из того, что приказал...» частично сохраняет свое прежнее значение, хотя при ее помощи не всегда возможно установить, кто из упомянутых на монете лиц был сюзереном, а кто — вассалом, и кому из них принадлежит монетная регалия (Кочнев, 1984, с. 11). Нам представляется, что в Саганийане еще сохранялись саманидские традиции. Так, на всех известных нам фельсах первого десятилетия XI в., являющих собой «вариант трехступенчатой иерархии», как и на саманидских фельсах (Давидович, 1968, с. 92), имя сюзерена (Насра б. Али, Мухаммада б. Али, Ахмада б. Али) проставлено в поле об. ст., их непосредственного вассала (Ахмада б. Мухаммада) — в круговой легенде об. ст., а еще одного вассала (Музаффар) — в поле л. ст.

Музаффар, кроме того, упоминается в поле л. и об. ст. дирхемов, на которых нет имени Ахмада б. Мухаммада, который всегда упоминается с достаточно высоким титулом, тогда как Музаффар — без какой-либо титулатуры. Поэтому логичней предположить, что Ахмад б. Мухаммад занимал в Саганийане более высокое иерархическое положение, чем Музаффар. Не лишним представляется привлечение сведений «Чахар Макала» об амире Саганийана, покровителе поэта Фаррухи (Низами, 1963, с. 67—70). Согласно М. Казвини, полное имя его было Фахр ад-Даула Абу-л Музаффар Ахмад б. Мухаммад (Chahar Magala, p. 140). З. Сафа относил расцвет деятельности Фаррухи при дворе амира Абу-л Музаффара к последнему десятилетию X в. (Сафа, 1953, с. 451). Е. Э. Бертельс считал, что Фаррухи попал к нему после 1003 года (Бертельс, 1966, с. 336). Мы связывали амира Абу-л Музаффара с Музаффаром Кийа, полагая, что последний был предшественником Ахмада б. Мухаммада на саганийанском престоле (Ртвеладзе, 1983, с. 177—182). Новые нумизматические данные показывают, что по крайней мере с 401/1010—11 по 406/1015—16 гг. время их правления совпадает. Идентичность лакаба и имени саганийанского амира в «Чахар Макала» и саганийанского амира на монетах позволяет предполагать, что это одно и то же лицо. Однако в круговой легенде об. ст., где проставлен лакаб Фахр ад-Даул и имя Ахмад б. Мухаммад отсутствует куния Абу-л Музаффар, каковая имелась у амира Саганийана в «Чахар Макала». Если считать эту кунью патронимической, то можно допустить, что у амира Ахмада б. Мухаммада был сын по имени

Музаффар, и предположить, что на монетах проставлено имя именно этого сына амира Абу-л Музаффара Ахмада б. Мухаммада.

В 402 и 403 гг. х., судя по монетам, среди сюзеренов Саганийана появляются новые лица. На фельсе 402 г. х. в поле об. ст. вместо имени Насра б. Али упомянуто другое, сохранившееся неполностью, которое возможно читать как «Мухаммад». Если такая реконструкция правильна, то на фельсе 402 г. х. — имя Мухаммада б. Насра одного из сыновей Насра б. Али. Однако до сих пор наиболее ранними его монетами считались фельсы Узгенда 411/1020—21—414/1023—24 гг. (Давидович, 1968, с. 72—74).

В отличие от фельса, на дирхеме 402 г. х. этого имени нет, а в поле об. ст., кроме халифа, упомянуты Музаффар, Насир ал-Хакк хан и ал-Му'аййид ал-Адл Илек Наср. Однако в поле л. ст. проставлен дотолем не встречавшийся на монетах Саганийана лакаб Рукн-ад-Даула («Опора державы»). На близких по времени монетах караханидских правителей Средней Азии этот лакаб не был еще отмечен, поэтому сопоставить его с кем-либо из них пока не представляется возможным. Не исключено, однако, что он мог принадлежать лицу, упомянутому на фельсе Саганийана того же года, т. е. Мухаммаду (?) б. Насру, которому позднее принадлежали лакабы Айн ад-Даула и Му'аййид ал-Адл (Литвинский, 1956 с. 115—118; Кочнев, 1979, с. 122—123).

Местоположение лакаба Рукн-ад-Даула в поле л. ст. говорит о том, что носившее его лицо являлось вассалом караханидов Ахмада б. Али и Насра б. Али. Однако, в 403 г. х. положение изменяется: в надписях на об. ст. дирхемов этого года имя Насра б. Али больше не упоминается. На этом месте уже проставлен лакаб Рукн ад-Даула, который, следовательно, становится непосредственным сюзереном правителей Саганийана, что связано, вероятно, со смертью Насра б. Али в том же 403 г. х.

Если лакаб Рукн-ад-Даула принадлежал Мухаммаду б. Насру, то перемещение этого лакаба из поля л. ст. в поле об. ст. понятно — сын наследует отцу в получении прав и доходов в Саганийане. Не случайно, по-видимому, и то, что в 430/1038—39 г. по 434/1042—43 г. Саганийан принадлежал другому сыну Насра — Ибрахиму (Бури-Тегину) — (Давидович, 1968, с. 96). Возможно, что потомки Насра рассматривали Саганийан как свою вассальную область.

Монет 404/1013—14 г. пока не найдено. Фельс 405/1014—15 г. показывает некоторое изменение политической ситуации в Саганийане, так как на нем упомянут лишь Музаффар и Фахр ад-Даула Ахмад б. Мухаммад. Имен Караханидов нет... Означает ли это, что Караханиды на время теряют права на Саганийан? Этот вопрос прояснили бы дирхемы, но они еще не обнаружены. Фельсы 406/1015—16 г. демонстрируют совсем иную картину. Существенно, в частности, изменяется л. ст.: вместо замысловатого орнаментального рисунка появляется двойной круг — внутренний линейный и внешний из крупных кружков, в котором помещено одно слово. Ранее его читали как имя «Мансур» (Федоров, 1968, с. 194—195). Однако внимательный анализ особенностей начертания этого слова показывает, что здесь (как и на более ранних фельсах) — слово «Музаффар». В круговой легенде об. ст., как и прежде, — Фахр ад-Даула Ахмад б. Мухаммад с титулом «Амир ал-джалил». Следовательно, его иерархическое положение непосредственного правителя Саганийана не изменилось.

В поле л. ст. фельса 406 г. х. упомянуты иные титулы и лакабы: Хан/Шамс ад-Даула/Илек. М. Н. Федоров считает, что это — одно лицо — Мухаммад б. Али (Федоров, 1968, с. 194—195), но это невозможно, так как одно лицо не могло одновременно носить титулы «хан» и «илек». Другие исследователи полагают, что титул «Илек» принадлежал Мухаммаду б. Али, а лакаб «Шамс ад-Даула» и титул «хан» — Ахмаду б. Али (Кочнев, 1978, с. 222—223). По мнению Б. Д. Кочнева, сообщенному нам устно, данный лакаб принадлежал Мансуру б. Али. В любом случае, фельс 406 г. х. свидетельствует о том, что семья Насра б. Али в это время теряет свои права на Саганийан и непосредственным сюзереном области становится Мухаммад б. Али.

О политическом положении Саганийана с 407 по 413 г. х. пока ничего не известно из-за отсутствия монет и свидетельств рукописных источников. Более ясна ситуация в последние годы первой четверти XI в., благодаря неизданным дирхемам 414—415 гг. х., имеющихся в составе Кокташского и Салаватского кладов.

На дирхемах 414 г. х. упомянут только халиф Кадир-биллах с титулом «Амир ал-муминин». На дирхеме 414 г. х. появляется лакаб и титул Насир ал-Хакк хан. Согласно О. Прицаку, этот лакаб после смерти Ахмада б. Али принял Йусуф б. Хасан (Кадыр-хан), считавшийся

главой Караханидов. Как установили Е. А. Давидович и М. Н. Федоров, данный лакаб присутствует и на дирхемах Саганийана 416 и 417 г. х.

Нумизматические материалы показывают, что в первой четверти XI в. Саганийан представлял собой достаточно независимое владение, находящееся, особенно в первой половине этого периода, в определенной вассальной зависимости от Караханидов, хотя непосредственный владелец Саганийана этого времени Амир ал-Джалил Фахр ад-Даула Ахмад б. Мухаммад происходил, вероятнее всего, из династии Мухтаджидов, правившей здесь в конце X — начале XI вв., что говорит о наследственном характере власти в этой области.

В отличие от других областей Мавераннахра, где местные династии были, видимо, вскоре после караханидского завоевания упразднены, власть Караханидов в Саганийане не была столь прочной. Саганийан играл роль своего рода «буферного» владения между государством Караханидов и Газневидов (Бейхаки, 1969, с. 570). Е. А. Давидович, основываясь на монетных данных, считает, что в этот период Саганийан представляет собой суверенное государство, независимое ни от Караханидов, ни от Газневидов (Давидович, 1968, с. 95—96). Причем, отношения саганийанского амира с газневидским султаном строились на основе союзничества, а не подчинения.

Легенды на саганийанских дирхемах из Ширабадского клада позволили Е. А. Давидович уточнить дату конца правления амира Абу-л Касима между сафаром и раджабом 430 г. х. После этого Саганийан теряет свою политическую независимость. Во второй половине 430/1038—39 г. караханид Бури-Тегин с помощью кумеджиев захватывает Саганийан (Бейхаки, 1969, с. 695). В 430/1038—39 — 434/1042—43 гг. Саганийан — владение Караханидов. В эти годы здесь выпускаются дирхемы от имени Ибрахима б. Насра (Бури-Тегина). На дирхемах 430—433 гг. х. помимо титулов и лакаба Ибрахима б. Насра, в поле проставлено имя Али, в котором Е. А. Давидович предлагает видеть местного вассального правителя или наместника Караханидов в Саганийане (Давидович, 1968, с. 94).

Иным было положение в приамударьинских районах в конце X — первой половине XI вв. Наместником Термеза в 382/992 г. стал мятежный полководец Саманидов Фаик, назначенный на эту должность Богра-ханом Хару-

ном. После завоевания Мавераннахра Караханидами, между ними и Газневидами был заключен договор, по которому границей двух государств была определена Амударья. Тем не менее, Караханиды неоднократно нарушали этот договор. Так, в 1006 г. отряд караханидских войск под началом Сюбаши-тегина (по другим данным — Джафар-тегина) разгромил Термез и Балх (Бартольд, 1963, с. 334—335). В первой половине XI в. вплоть до захвата сельджуками, Термез — важнейший стратегический пункт, с крепостью и постоянным военным гарнизоном, охранявший северные рубежи газневидского государства от посягательств Караханидов. Начальником крепости Термеза при султанах Масуде в 422/1022 г. был некий Кутлуг, а в 1034 г. исполняющим обязанности кутвала назначается хаджиб Бек-Тегин, погибший при отражении туркмен (Бейхаки, 1969, с. 541—570). Помимо кутвала, Бейхаки упоминает также раиса — правителя города. Следовательно, можно предположить, что Термез в это время управлялся двумя лицами: гражданская и административная власть были сосредоточены в руках раиса, а военная являлась прерогативой кутвала.

В правление султана Масуда, Караханиды в союзе с хорезмшахом Алтунташем и его сыном Харуном предпринимали неоднократные попытки захвата Термеза. В 426/1035 г. сыновья Али-тегина, разграбив Саганийан, через Дарзенги прорвались к Термезу и подвергли его осаде, но не смогли овладеть им и были вынуждены через Железные ворота вернуться в Самарканд (Бейхаки, 1969, с. 570). Несмотря на то, что караханидам при Бури-Тегине удалось захватить Саганийан, а поход против них, совершенный султаном Масудом, окончился неудачей, на положение Термеза эти события никак не отразились. Термез по-прежнему оставался в руках Масуда, а затем его сына Маудуда.

Вторая половина XI — начало XIII вв. Первые вторжения сельджуков в Северный Тохаристан начались в конце 20-х — начале 30-х гг. XI в. В 435/1034 г. отряд туркменов проник в пределы Термеза и в Кобадийан (Бейхаки, 1969, с. 326).

В 430/1038—39 г. Чагры бек Дауд захватил Балх, Бадгиз, Джузджан и Хутталан (Садр ад-Дин Хусайни, 1980, с. 42). Затем сельджукидские войска осадили и взяли Термез (Бейхаки, 1969, с. 43), после чего Чагрыбек назначил своего сына Алп-Арслана правителем Термеза, Тохаристана, Балха, Кобадийана, Вахша и Валва-

лиджа. Так как сразу же после этого в Ахбар ад-Даулат приводятся сведения о захвате Хорезма сельджуками в 435/1043—44 г. (Садр ад-Дин Хусайни, 1980, с. 43, 188), то можно полагать, что Алп-Арслан стал правителем областей верховьев Амударьи, по-видимому, около 434/1042 г. (Кочнев, 1985, с. 61).

Саганийан, как владение Алп-Арслана в нем не упоминается, однако, новые нумизматические данные позволяют считать, что уже в конце сороковых годов XI в. Саганийан подчинялся его власти. На городище Будрач найдены посеребряные дирхемы с двумя типами легенд:

Алп-Арслан бек Мухаммад б. Чагры-бек, Саганийан, 449/1048—58 гг.;

Абу-Шуджа Алп Арслан бек, Саганийан, год?

Различия в этих легендах касаются, в основном, куньи и имени Алп-Арслана. В первой из них передано его тюркское и мусульманское имя с титулом, а также имя и титул отца: Алп-Арслан бек Мухаммад б. Чагры бек; во второй — только кунья и тюркское имя, без имени отца: Абу Шуджа Алп-Арслан бек. Выпускные сведения на первом типе монет сохранились фрагментально — 449/1048—59 гг., а на втором — отсутствуют полностью. Однако, их датировку уточняет титулатура Алп-Арслана. На всех монетах Алп-Арслана со времени восшествия его на престол в Зу-л-хиджже 455 г. х./25.XI—24. XII. 1063 проставлена титулатура: «царь царей», «великий султан», «царь ислама», «царь Запада и Востока» (Ходжаниязов, 1977, с. 110—111).

Следовательно, и второй тип монет Алп-Арслана выпущен в Саганийане до 1063 г.

Примечательно, что последние по времени караханидские дирхемы, выпущенные в Саганийане от имени Бури-Тегина, датируются 434/1042—43 г. (Давидович, 1968 с. 96). В то же время в Шерабадском кладе выявлены дирхемы 434 г. х. со стертыми местами чеканки, выпущенные от имени газневидского султана Шихаб ад-Даула Маудуда 432/1041/440/1048 гг. (Давидович, 1968, с. 81). М. Н. Федоров, предположив, что данные дирхемы чеканились в Саганийане, считал, что в 434 г. х. эта область снова попала в сферу влияния Газневидов (Федоров, 1969, с. 199). Это предположение не подтверждается сведениями письменных источников. Так, в августе 1043 г. султан Маудуд пытался отвоевать у Алп-Арслана Балх и Термез, но потерпел поражение (Садр ад-Дин Хусайни, 1980, сс. 43, 187—188). Неудачей оканчивались все

последующие попытки Маудуда захватить эти области.

Более успешными были военные действия газневида Фаррухзада (1053—1059 гг.), в двух сражениях разбившего сельджукские армии (Садр ад-Дин Хусайни, 1980, с. 43, 44). Однако затем Алп-Арслан победил Газневидов, после чего между обоими султанами было установлено соглашение, по которому «каждый из них будет самостоятелен в своих владениях и оставит попытки овладеть чужим» (Садр ад-Дин Хусайни, 1980, с. 44). Окончательно Балх подчинился сельджукидам в 1059 г. по договору между Чагры-беком Даудом и султаном Ибрахимом (Бартольд, 1980, с. 366—367).

Иной была обстановка к северу от Амударьи. На эту территорию, помимо Сельджукидов и Газневидов, продолжали претендовать и Караханиды. Между 441/1049—50 и 444/1052—53 гг. «хакан тюрок», по предположению Б. Д. Кочнева, Табгач-хан Ибрахим б. Наср захватил Термез и разрушил его, но позднее Алп-Арслан вновь вернул город во владение Сельджукидов (Кочнев, 1985, с. 61). Саганийан в это время продолжал оставаться также сельджукидским владением.

Примечательно отсутствие на указанных монетах Алп-Арслана имени верховного правителя Сельджукидов Тогрул-бека, что говорит об определенном суверенитете власти Алп-Арслана в Саганийане. После смерти Тогрул-бека в 1063 г. Саганийан, также как и другие области верховьев Амударьи, вышел из подчинения Сельджукидам. Алп-Арслан, став султаном, совершил военный поход в Саганийан, где подавил восстание местного амира Мусы (Ибн-ал-Асир, МИТТ, 1939, с. 374), который при приближении сельджукидских войск к городу с большим числом воинов ушел в крепость на вершине горы, сопоставляемую с Кыз-Курганом у кишлака Сина (Аршавская, Ртвеладзе, Хакимов, 1983, сс. 23, 123). После взятия крепости и казни Мусы Алп-Арслан захватил всю область и вернулся в Мерв. В 458/1065 г. по распоряжению Алп-Арслана области Саганийан и Тохаристан были переданы в удел его брату Ильясу б. Дауду (Ибн ал-Асир, МИТТ, 1939, с. 375).

Последующая история Саганийана и Термеза характеризуется укреплением здесь власти сельджукидских султанов, хотя Караханиды не отказались от своих притязаний на эти области. В письме хакана тюрок султану Маликшаху утверждается, что округа Термеза и его кре-

пость принадлежат стране Мавераннахра и там должен распоряжаться вали, назначенный хаканом (Садр ад-Дин Хусайни, 1980, с. 65). Зимой 465/1072—73 г., воспользовавшись смертью Алп-Арслана, караханид Шамс ал-Мулк (Наср б. Ибрахим) захватил Термез и два года владел им, назначив наместником города своего брата Буга-тегина (Ибн ал-Асир, VIII, с. 119; Садр ад-Дин Хусайни, 1980, с. 196). В мухарраме 466 г. х. или позднее месяца сафар 466 г. х./6.X—5.XI. 1073 (Ибн ал-Асир, VIII, с. 118—119; Садр ад-Дин Хусайни, 1980, с. 197) Маликшах вместе с Низам ал-Мулком возглавили поход сельджукидских войск на Термез, после завоевания которого он приказал амиру Сау-тегину восстановить крепость Термеза и укрепления (Садр ад-Дин Хусайни, 1980, с. 69). Стены цитадели с башнями были облицованы жженым кирпичом, расчищен ров и усилены стены города (М. Е. Массон, 1960, с. 60).

Нестабильность политической обстановки в государстве Сельджукидов, мятежи сепаратистски настроенных представителей феодальной знати пагубно отражались на судьбах многих городов и областей. Не избежал этого и Термез, подчинявшийся то сельджукидским султанам и их вассалам, то караханидским ханам. Согласно Садр ад-Дину Хусайни, в 467/1074—75 г. Шамс ал-Мулк, якобы, опять захватывает Термез и казнит правителя области испахада Кабуд Джама, но вскоре Маликшах вновь разбивает войска хакана и овладевает Термезом (Садр ад-Дин Хусайни, 1980, с. 70). В 473/1080—81 гг. брат Маликшаха Текеш б. Алп-Арслан поднимает мятеж и захватывает Термез, в том же году Маликшах вынужден снова штурмовать город, после чего Текеш сдался и покинул Термез (Ибн ал-Асир, МИТТ, 1939, с. 377).

В 488/1095 г. в правление султана Беркиярुка мятежный полководец Арслан-Аргу захватывает в плен сельджукида Бурибарса б. Алп-Арслана и заключает в тюрьму Термеза, где после годичного заключения он был удушен (Ибн ал-Асир, МИТТ, 1939, с. 382—383). Только в джумади 1 490 г. х./апрель 1097 г. Беркиярук возвращает Термез в свое владение (Ибн ал-Асир, МИТТ, 1939, с. 383).

Анализ шутовых надписей из мавзолея Хаким-и Термези, где упомянут султан Востока Абу-л Музаффар Ахмад Тига-тегин, привел М. Е. Массона к выводу, что Термез в конце XI в. подчинялся караханидскому хану Ахмаду б. Хызру (Массон, 1960, с. 63). Напротив,

Б. Д. Кочнев считает, что эта надпись не может принадлежать Ахмаду б. Хызру, поскольку последний был ханом и не мог носить княжеский титул «Тоган-тегин» (Кочнев, 1985, с. 61). В 495/1102 г. восточнокараханидский правитель Кадыр-хан Джабраил захватил Термез, но после разгрома караханидской армии в сражении с сельджукидскими войсками 22 июля того же года город вновь переходит во владение сельджукидов (Бартольд, 1963, с. 381).

О Саганийане этого времени нет столь подробных сведений в письменных источниках, но надо полагать, что эта область со времени правления Алп-Арслана также принадлежала Сельджукам, что подтверждают многочисленные находки монет и надпись 1110 г. на минарете в Джар-Кургане с именем Санджара (Шишкин, 1950, с. 58—70; М. Е. Массон, 1975, с. 66—67).

Согласно мнению М. Е. Массона в двадцатые и тридцатые годы XII в. Термез был передан султаном Санджаром сыну своей сестры газнеvidу Бахрам-хану (Массон, 1960, с. 69), что оспорено Б. Д. Кочневым, который считает, что распространение власти Газневидов на Термез в эти годы практически исключено (Кочнев, 1985, с. 62). Вообще же письменные источники и нумизматические данные не содержат каких-либо данных о принадлежности Северо-Западного Тохаристана в это время Газневидам, либо Караханидам. Предположение, что после Бахрам-шаха Термез мог быть передан вассалу сельджукидов караханиду Хасану б. Али (М. Е. Массон, 1960, с. 69) новыми данными не подтверждается (Кочнев, 1985, с. 62).

Термез вплоть до конца правления султана Санджара оставался владением Сельджукидов, являясь важным стратегическим пунктом в восточных областях этой обширной империи. Примечательно, что после поражения от гузов Санджар бежал в Термез, откуда начал восстановление своей власти в Хорасане (Бартольд, 1963, с. 393). В 551/1156 г., бежав из гузского плена, он снова укрывается в Термезе, начальником крепости которого был Ахмад б. Абу-Бакр б. Кумач, предположительно отождествленный с упомянутым в надписи мавзолея Хаким-и Термези Ахмадом Тоган-Тегином (Кочнев, 1985, с. 62), что не представляется нам вероятным.

В 551/1156 г. возникают какие-то беспорядки в Саганийане, куда султан Санджар направляет амиров Ай Аба ал-Му'айади и Кай Аба ал-Кумачи. Во время пре-

бывания в Саганийане сторонники амира Ай Аба убивают амира Кай Аба (Садр ад-Дин Хусайни, 1980, с. 113). Этим коротким известием ограничиваются сведения о положении Саганийана при султанах Санджаре.

Политическая обстановка, сложившаяся в Северо-Западном Тохаристане после падения власти Сельджукидов в 552/1157 г. была крайне неустойчивой. За обладание этой областью боролись гуриды, гузы, караханиды, карлуки, кара-китай и представители местной знати.

Еще в правление султана Санджара 40000 гузских семей перешли на территорию Саганийана и Хутталя (Raverty, 1881, p. 21). Миграция гузов в области Тохаристана особенно усиливается после поражения сельджукидских войск в Катванской степи. В начале шестидесятых годов XII в. гузы владели Мервом, Серахсом и Балхом (Бартольд, 1963, с. 399; Raverty, 1881). Вслед за ними сюда двинулись кара-хитай, в 560/1165 г. они разграбили Балх и Андхуд (Бартольд, 1963, с. 399). По мнению В. В. Бартольда, кара-хитай спровоцировали закончившийся неудачей поход в 1158 г. хуттальского владельца Абу Шуджа Фарух-шаха на Термез, находившийся в это время в руках карлуков (Бартольд, 1963, с. 398). Более успешными были военные действия, предпринятые в середине 60-х годов караханидским правителем Самарканда Масудом б. Хасаном, закончившиеся победой над карлуками и присоединением к своим владениям Термеза и Саганийана, но, вероятно, ненадолго (Бартольд, 1963, с. 399—400).

Согласно Джузджани в 1178 г. Саганийан и Вахш были захвачены Шамс ад-Дином Мухаммадом из бамианской ветви Гуридов (Тавакат—i—Nasiri, 1881, pp. 421, 423). В последней четверти XII — начале XIII вв. Саганийан, возможно, вновь попадает в орбиту караханидского влияния. Здесь выявлены монеты хакана Рукиад-Дунийа уа-д-Дина, титул и лакаб которого, взятые изолированно от имени, указывают как-будто на принадлежность его к Караханидам, тогда как имя «Хусрау» и другой титул «шах» говорит о происхождении из южных, приамударьинских областей (Ртвеладзе, 1985, с. 42—43).

Судя по динару Термеза со стертым годом чеканки, одно время этот город принадлежал Махмуду б. Ил-Арслану (1181—1193 гг.) из династии Ануштегинидов (Марков, 1985, с. 294, № 4), который также владел Мервом, Серахсом и Тусом (Бартольд, 1963, с. 593). Затем в конце XII — начале XIII вв. здесь правили карлуки или Ка-

раханиды (Бартольд, 1963, с. 400; Кочнев, 1985, с. 62), а в 601/1205 г. Термез был захвачен наместником Балха гуридом Имад ад-Дином, после чего его правителем стал Бахрам-шах (ан-Насави, 1973, с. 84). Владычество Гуридов в Термезе продолжалось всего лишь один год. В 602 г. х./1206 г. в союзе с карахитами и караханидом Усманом б. Ибрахимом хорезмшах Мухаммад взял Термез (ан-Насави, 1973, с. 84). С этого же года и вплоть до 1220 г. как Термез, так и Саганийан входят в состав ануштегинского государства, занимая в нем достаточно значительное положение. В Термезе в этот период чеканятся золотые динары и, также как в Саганийане, посеребряные дирхемы (Давидович, 1953, с. 43—55; 1968, с. 277—284; 1979, с. 225—227, 232).

Ш. С. КАМАЛИДДИНОВ

САМ'АНИ И ЕГО СВЕДЕНИЯ О ТЕРМЕЗЕ

Знаменитый среднеазиатский ученый, историк, филолог и правовед XII в. Абу Са'д Абдалкарим Сам'ани (1113—1167) принадлежал к древнему и прославленному роду ученых из Мерва, представители которого насчитывали несколько поколений и были известны во многих странах. Этот род владел двумя из десяти знаменитых мервских библиотек, которые не имели себе равных по богатству книг во всем мусульманском мире того времени. По семейным традициям Абу Са'д Сам'ани долгие годы путешествовал с научными целями по городам Средней Азии, а также Среднего и Ближнего Востока. В частности, он восемь лет жил в Багдаде и написал труд «Продолжение истории Багдада», созданный известным историком XI в. Абу Бакром ал-Хатибом. Вернувшись из продолжительного путешествия в родной город Мерв, Сам'ани занимается обработкой собранных материалов и написанием трудов. Из источников известно, что ему принадлежат более 50 сочинений, охвативших по тематике такие области науки, как история, законоведение, филология, география и др. К сожалению, большинство его трудов до нас не дошло и известны нам только по названиям. Среди дошедших до нас сочинений Сам'ани особую ценность представляет его «Китаб ал-ансаб» (Книга генеалогических имен)¹, которая представ-

¹ До нас дошло шесть рукописей этого труда, одна из которых хранится в Ленинграде, а остальные — в Лондоне, Стамбуле, Хайрабаде и Дамаске. В 1981—82 гг. в Бейруте арабские ученые осуществили издание критического текста памятника, при подготовке которого они использовали все дошедшие до нас экземпляры сочинения.

ляет из себя словарь нисб, т. е. относительных имен, выражающих происхождение того или иного лица из города, селения, местности или улицы, а также рода или племени и др. Объясняя этимологию происхождения каждой нисбы, автор приводит биографии более или менее известных лиц, прославившихся с этой нисбой, а также приводит точное произношение географических названий путем огласовки букв, что является одним из основных достоинств труда.

Материалы «Китаб ан-ансаб» охватывают огромную территорию от мусульманской Испании на западе до Китая на востоке, а по хронологии охватывают период с древнейших времен до современного автору времени. Труд содержит в себе богатый материал по истории, истории культуры и исторической географии Востока, особенно Средней Азии.

За время своего путешествия по Мавераннахру, которое Сам'ани совершил в 1155—1156 гг., он посетил его основные культурные центры, в частности, он долгое время занимался у местных ученых в Бухаре и Самарканде, два месяца провел в Насафе, 14 дней в Хорезме и 12 дней в Термезе. Путешествуя по дорогам Мавераннахра, Сам'ани посетил также множество менее значительных городов и селений, расположенных у караванных путей или недалеко от них. При этом он в большинстве случаев указывает точное местоположение того или иного населенного пункта, его достопримечательности, исторические события, связанные с ним и сколько времени он останавливался в каждом из них. Всего Сам'ани в своем труде приводит данные о 526 населенных пунктах Мавераннахра. Из них 192 связаны с областью Бухары, 178 — с областью Самарканда, 20 — с областью Хорезма, 18 — с областью Шаша и Илака, 18 — с областью Ферганы, 82 — с областью Насафа и Каша и 18 — с областями Термеза, Саганийана, Хутталана и Усрушаны.

Говоря о Термезе, Сам'ани отмечает, что это древний город у реки Балха-Джайхуна. До приезда в Термез Сам'ани считал, что название города произносят в форме «Тирмиз». Такое же чтение приводят ал-Истахри (Ал-Истахри, 1961, с. 168) и Йакут (Йакут ал-Хамави, 1906, т. II, с. 382). Однако, приехав в Термез, Сам'ани узнает, что местные жители произносят название своего города в форме «Тармиз». Кроме этого, он отмечает, что в литературе встречается также форма «Турмуз», но сравнительно редко (Сам'ани, 1981, т. III, с. 44). Таким об-

разом, из слов Сам'ани мы узнаем точное произношение названия города, которое было в обиходе у местных жителей в XII в.

О самом городе Сам'ани больше ничего не сообщает. Однако, представляют ценность его данные о некоторых селениях, существовавших в XII в. в области Термеза, через которые он, вероятно, проезжал во время своего путешествия по Мавераннахру. Так, в 6 фарсах от Термеза Сам'ани упоминает селение Буг (Сам'ани, т. II, с. 334). Эти же данные приводит и Йакут ал-Хамави — известный ученый-путешественник XIII в. (Йакут, т. II, с. 307). Известно, что Йакут сам не был в Мавераннахре. Следовательно, он заимствовал эти сведения у Сам'ани, поскольку в других средневековых источниках это селение не упоминается. Следует также отметить, что как уроженцев этого селения Йакут упоминает тех же лиц, что и Сам'ани. Таким образом, данные Сам'ани об этом селении следует признать уникальными. Э. В. Ртвеладзе считает возможным локализовать данное селение к северу от Джар-Кургана (Ртвеладзе, Хакимов, 1973, с. 23—24).

Недалеко от Термеза на берегу Джайхуна Сам'ани упоминает крепость Батикар или Батакар (Сам'ани, т. III, с. 102). Йакут приводит его в форме «Батикру» или «Батакру» и ничего к данным Сам'ани не добавляет (Йакут, т. II, с. 3). В других источниках эта крепость не упоминается. Ее точное местоположение еще не установлено.

Без указания точного местоположения в области Термеза Сам'ани упоминает еще два селения — Рухшабуз (Сам'ани, т. VI, с. 98) и Шайшак (Там же, т. VII, с. 470). Первое из них упоминается только у Йакута, который дает чтение «Рухшайуз» и ничего больше не добавляет (Йакут, т. IV, с. 242). Что касается второго, то это селение не упоминается ни в одном из других средневековых источников. Оно было неизвестно также В. В. Бартольд, М. Е. Массону и другим ученым, использовавшим данные Сам'ани об области Термеза. Следует отметить, что данные о нем мы извлекли из нового критического издания «Китаб ал-ансаб», осуществленного в Бейруте в 1981—82 гг. При подготовке этого издания были использованы все шесть дошедших до нас списков этого сочинения, в то время как В. В. Бартольд и другие исследователи пользовались только двумя его экземплярами.

Таким образом, следует признать, что сведения Сам'ани о всех вышеупомянутых населенных пунктах, находившихся в области Термеза, являются уникальными, поскольку в других средневековых источниках они не упоминаются, а Йакут лишь повторяет их и ничего к ним не добавляет, а одно селение не упоминает вообще. При этом он называет уроженцами этих селений тех же лиц, что и Сам'ани.

Кроме этого, в области Термеза Сам'ани упоминает округ (нахийя) Сарминджан, который на фарси произносили Джарминкан. Этот округ, по его словам, был смежным с округами Балха (Сам'ани, т. VIII, с. 57). Йакут называет его селением и отмечает, что оно причислялось к Термезу, но было расположено недалеко от Балха. При этом его название на фарси он приводит в форме «Саминкан» (Йакут, т. V, с. 351). Его упоминает также ал-Истахри в форме — Сарманджан (Ал-Истахри, с. 167). По мнению В. В. Бартольда, который принимал чтение Сарманган или Чарманган, этот город находился в южной части долины Сурхана между Термезом и Саганийаном (Денау) на расстоянии одного дня пути или 6 фарсахов (Бартольд, 1963, с. 123) от первого. Ему, возможно, соответствуют развалины средневекового городища, расположенные, примерно, в 5 км к югу от города Джаркургона — районного центра Сурхандарьинской области УзССР. По В. В. Бартольду, город имел доисламское происхождение и входил в состав отдельной области, столицей которого был Термез (Бартольд, 1963, с. 123).

К. А. ШЕЙКО

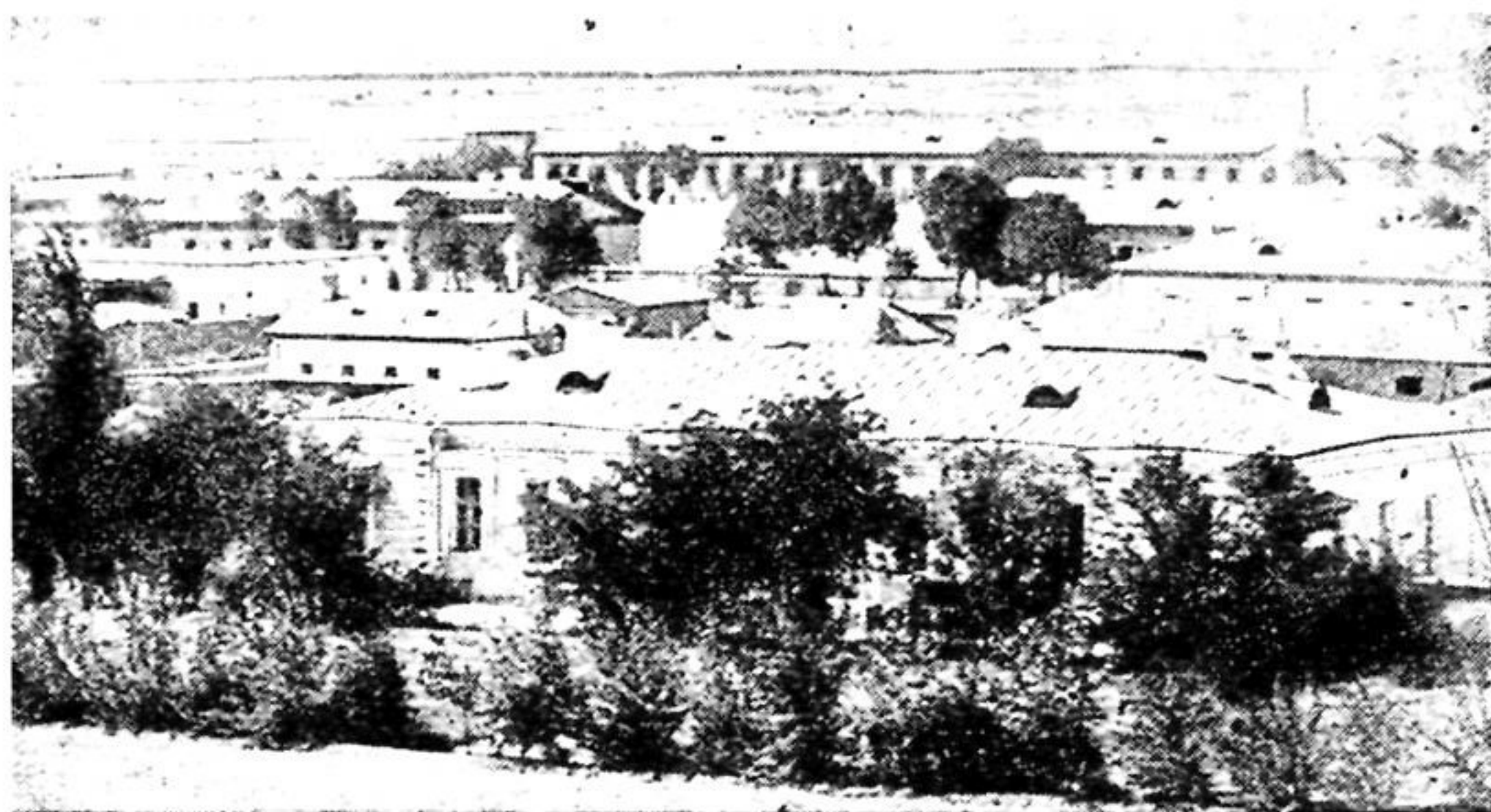
ИЗ ИСТОРИИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ТЕРМЕЗА К РОССИИ

Шел 1894 год. У небольшого кишлака Патта-Киссар, на афгано-бухарской границе началось строительство пограничного укрепления Термез, вызванное намерением царского правительства полностью изолировать Бухарское ханство от влияния Афганистана. Немаловажную роль в этом решении сыграли и взаимоотношения России с Англией, стремившейся к захвату Средней Азии. Уже в 20-х и 30-х годах XIX в. английские разведчики под видом путешественников, коммерсантов и послов проникали в среднеазиатские ханства.

Англо-русские отношения в Средней Азии порой приобретали весьма острые противоречия. Были моменты, когда «Россия была на волоске от войны с Англией из-за дележа добычи в Средней Азии» (Ленин, ПСС, т. 30, с. 186).

Чрезвычайно сложной была и социально-политическая ситуация в Средней Азии накануне присоединения ее к России. К этому времени вся ее территория была расчленена на несколько феодальных государств — Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства. Территория нынешней Сурхандарьинской области входила в состав Бухарского ханства и состояла из трех бекств: Денауского, Шерабадского и Байсунского.

Экономической основой Бухарского эмирата был феодальный способ производства и феодальная собственность на воду и землю. Значительная часть земель принадлежала землевладельцам-боям, в экономической зависимости от которых находилась подавляющая масса совершенно безземельных крестьян и владельцев незначительных участков. Так, в Денауском бекстве, бай-

Общий вид города.

ские хозяйства составляли 7—10% и имели в своем владении 70% всех поливных земель, тогда как на долю 70% дехканских хозяйств приходилось всего 2% всех поливных земель. Положение ремесленников было не лучше положения сельской бедноты. Существовало также рабство, купля и продажа невольников, использовавшихся феодалами, главным образом, для домашних работ. Своих поданных продавали в рабство денауские и шурчинские феодалы. «Базаром работоторговцев издревле Бухара была с большими, приспособленными для такой торговли караван-сараями» (Айни, 1956, с. 38).

Острые противоречия между феодалами и дехканами приводили к отдельным крупным крестьянским выступлениям. В научном архиве Сурхандарьинского облмузея имеются многочисленные архивные документы о недовольствии крестьян налоговым произволом, о выступлениях и восстаниях крестьян в 1884—1890 гг. в Шерабадском и Денауском бекствах.

Для Туркестана в сложившихся условиях второй половины XIX в. единственным выходом из состояния вековой отсталости являлось более тесное сближение с Россией, с которой в течение многих веков существовали тесные экономические и культурные связи. Во второй половине XIX в. было завершено присоединение Казахстана к России, начатое в 30-х годах XIX века. В 1865 г. был взят Ташкент, в 1866 г.—Ходжикент и Уратюбе.

Необходимо отметить, что присоединение Средней Азии к России происходило по-разному: одни районы были завоеваны, другие — присоединились мирным путем. Народные массы, страдавшие от жестокого произвола феодалов и бесконечных поборов, не прекращающихся феодальных междоусобиц, были заинтересованы в присоединении к России, от которой они ждали изменения своего бесправного положения; они видели в приходе русских войск избавление от ненавистного ханского гнета.

Только отдельные группы местных ханов, беков и мусульманского реакционного духовенства, заинтересованные в сохранении старых феодальных порядков, оказывали сопротивление, поднимая отдельные антирусские восстания. Однако их попытки вовлечь народные массы в широкое восстание против России не удалась, т. к. простой народ стремился к подданству России.

Большинство простого народа смотрело на русских как на своих спасителей от постоянных грабежей, насилий, от бедствий, от постоянного страха за свою жизнь в междоусобных войнах. Так, в результате этих войн город Денау только в XVIII и в середине XIX вв. был три раза совершенно уничтожен и вновь отстроен. Простой народ говорил: «Урус омад — дуруст омад» (Русский пришел — благо пришло).

В 1867 г. из присоединенных к России земель было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, с центром в Ташкенте. Положение Бухарского эмирата, в том числе Денауского, Байсунского и Шерабадского бекств, разрешилось договором 1868 г., как зависимого от русской империи государства. Договорами 1868 и 1873 гг. Бухара признавалась протекторатом России и ей запрещалось вести самостоятельные сношения с иностранными государствами. Русским купцам предоставлялась свобода торговых сношений во всем ханстве, а также предоставлялось право учреждать торговые агентства во всех пунктах, обеспечивался свободный проезд через территорию ханства. Предусматривалось также свободное плавание русских судов по реке Амударье с правом устраивать пристани и склады для товаров на бухарском берегу.

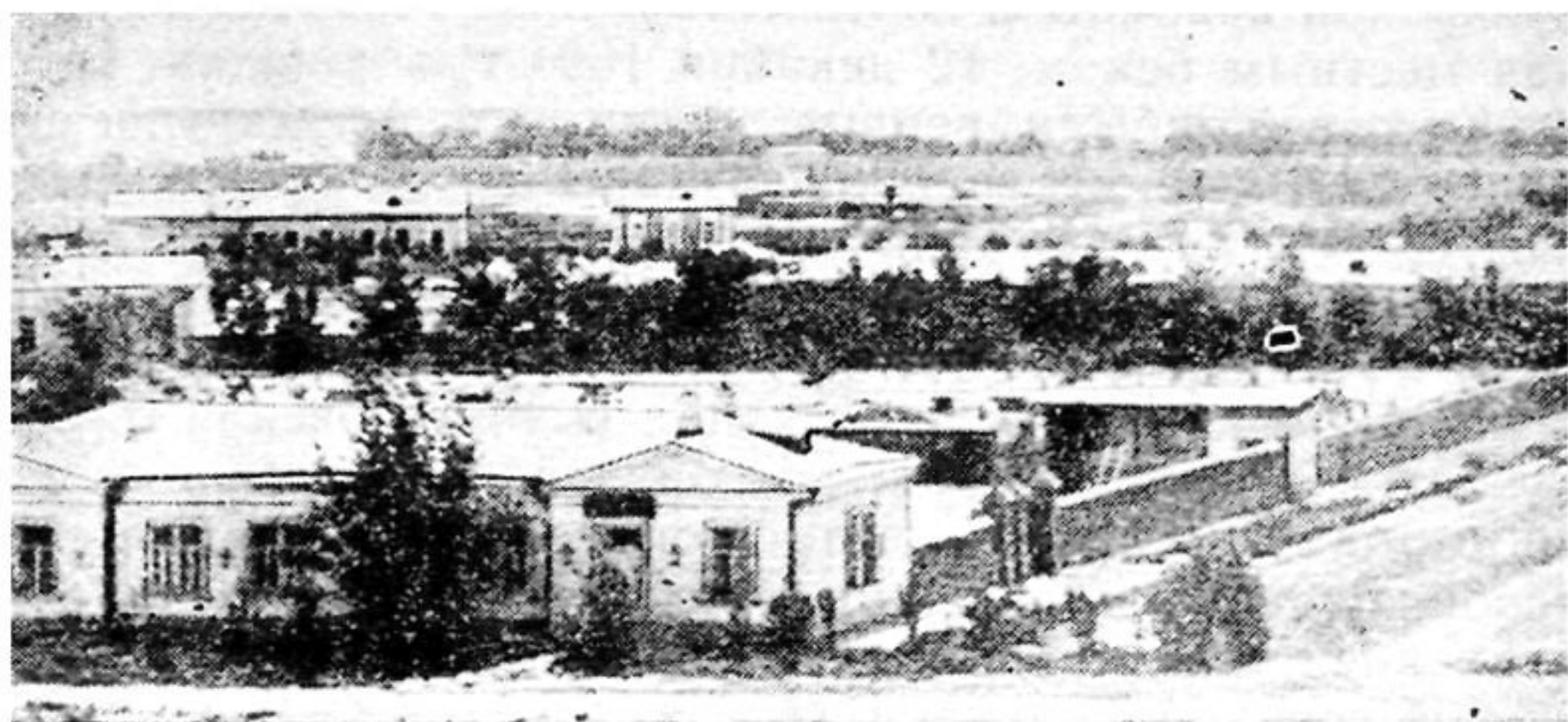
На основании статьи 16 Договора 1873 г., царское правительство с января 1886 г. учреждает «Российское императорское политическое агентство» в Бухаре. Политический агент являлся в ханстве официальным пред-

Гарнизонная церковь.

ставителем царского правительства; через него происходили все связи с бухарским правительством по самым разнообразным вопросам (Фомченко, 1958, с. 7).

Более прочному подчинению Бухарского ханства царизму способствовало проникновение в эту отсталую страну русского капитала после постройки Закаспий-

Общий вид лазарета.

ской железной дороги, которая, по словам В. И. Ленина, стала «открывать» для капитала Среднюю Азию»¹.

Для упрочения своего положения на юге Средней Азии Россия усиленно укрепляет пограничные города по Амударье. В телеграмме начальника Главного штаба на имя командующего войсками округа от 28/X—1886 г. говорится: «Для ограждения Бухары от всякой угрозы и враждебных попыток со стороны Маймена и Балха, укрепленных англичанами, снабженных сильными гарнизонами, представляется крайне необходимым занять Чарджуй и Керки каждый примерно одним батальоном пехоты с добавлением в Керки, что явится серьезной угрозой для английских происков и, надо думать, значительно парализует их не только в Азии, но и вообще на Востоке»².

Керки и Чарджоу, ставшие опорными пунктами России, дали возможность царскому правительству впоследствии овладеть маленьким кишлаком Патта-Киссар с намерением превратить его в пограничное укрепление, а затем — в торговый порт с Востоком.

7 августа 1892 г. царское правительство России официально приняло решение занять афгано-бухарскую границу русской пограничной стражей и включить Бухару в русскую таможенную черту.

15 января 1893 г. бухарский эмир Абдулахадхан дал свое согласие на занятие русскими войсками афгано-

¹ Ленин В. И. ПСС, т. 5, с. 82.

² ЦГА УзССР, фонд 3, 02, дело № 19, лист. 45.

бухарской границы и соответствующий письменный приказ местным бекам. 12 декабря 1894 г. к кишлаку Патта-Киссар прибыли первые части 3-й Амударьинской бригады. Внешняя граница Бухары по Амударье была занята постами пограничной стражи, а кишлак Патта-Киссар был назначен местом пребывания штаба бригады (Фомченко, 1958).

В нынешнем квадрате улиц: Наримановская, Голованова, Первомайская и Таджикская — спешно начали строиться казармы, штаб, околоток, квартиры офицеров, церковь и таможня. В середине декабря 1894 г. к древней пристани прибыл первый пароход Амударьинской военной флотилии.

В течение нескольких лет русская администрация создала возле кишлака Патта-Киссар «..довольно значительный русский городок... От площади идут по всем направлениям широкие улицы, обсаженные деревьями, и по ним расположены казенные дома офицеров бригады, мастерские и лазареты. Много было положено труда на создание этого городка пограничной бригады. С южной стороны города тянутся улицы с домами торговцев и магазинами, с северной стороны позднее была устроена крепостная стена «Урочище Термеза» (Логофет, 1909, с. 200).

В 1897 г. русское правительство, учитывая стратегическое положение Термеза, решило здесь прочно обосноваться: начинается трассировка Самаркандско-Термезского почтового тракта, приобретается 40 десятин земли севернее Патта-Киссара под строительство казарм. В конце этого же года на отпущенные 57 тыс. рублей начинается строительство. Так было положено основание военному укреплению в «Урочище Термеза».

В январе 1898 г. часть казарм была уже построена. Одновременно покупается еще участок в 1200 десятин для строительства военной крепости, здания офицерского собрания (ДОСа), госпиталя.

Урочище Термез начинает развиваться, однако для этого требовалось большое количество воды и земли. Вопрос о земле разрешается в 1900 г. подписанием эмиром бухарским владетельного акта, по которому русскому правительству был безвозмездно передан треугольник земли, ограниченный Амударьей и Сурханом, а с севера — полосой песков Каттакумов, общей площадью 10514 десятин.

На орошение урочища Термез потребовалось 280 тыс.

Военное Собрание.

рублей. Оросительная система была построена по проекту военного инженера Бориса Николаевича Кастальского. Строительство осуществлялось силами местных дехкан и русских — солдат и пришлого гражданского населения. В 1906 г. работы были закончены. В 1901 г. открывается казначейство и метеорологическая станция, а в 1902 г. — почтовое отделение и телеграф.

В 1906 г. Термез посетил Р. Ю. Рожевиц, который так описал город: «Урочище Термез возникло в последнее десятилетие и обязано своим существованием небольшой крепости того же названия, сооруженной почти рядом с туркменским селением Патта-Киссар. Все урочище окружено кирпичной стеной, имеет несколько ворот. На восток от крепости стены нет, а взамен нее устроены провололочные заграждения. Улицы в нем широкие. Главная — Куропаткинская — шоссирована. Дома одноэтажные, кирпичные и почти все казенные» (Рожевиц, 1908, с. 598). Это описание значительно дополняет Д. Н. Логофет: «За высокой стеной укрепления Термез виднелись ряды казарм казенного типа, дома офицеров, службы, расположенные по сторонам широких улиц, обсаженных деревьями. Военный город кипел особенной жизнью. Солдаты в белых рубахах и красных кожаных шароварах, встречающиеся на каждом шагу, и полное отсутствие всякого невоенного элемента лишь указывало нам, что мы находимся в районе укрепления, стоящего на стороне России против Афганистана» (Логофет, 1909, с. 203).

Термез, ул. Куропаткинская, ныне Советская.

До прихода русских, в крае не было ни одного медицинского учреждения для населения. С открытием двух аптекарских магазинов Когана и Малик-Карамянца население городка получило возможность покупать лекарство для лечения различных заболеваний, тогда как со стороны эмира бухарского в этом отношении ничего не предпринималось.

Так, начальник гарнизона генерал-майор Барановский в своем рапорте на имя политагента в г. Кагане писал: «...нет санитарного надзора, нет санитарных учреждений и нет лечебных заведений... недавно у нас на рогатом скоте была чума, военно-медицинский инспектор еще от 12 июня 1902 г. сообщил о командировании в Термез трех ветеринаров, но несмотря на то, что уже конец августа, ни один из ветеринаров до Термеза еще не доехал. Чума, между прочим, не стала ждать и прекратилась сама собой, когда все, что должно было передохнуть — передохло... Граждане болеют и мрут вовсе не на законном основании»¹.

В 1902 г. открывается приемный покой для местного населения и с первых же дней своего существования это учреждение приобрело большую популярность у местного населения, но средств на его содержание отпускалось крайне мало — 300 рублей в год. В 1909 г. в Термезе состоялся первый выпуск фельдшеров. Но несмотря на

¹ ЦГА УзССР, дело № 259, лист 161.

все эти мероприятия в крае, медицинской помощью не была охвачена большая часть населения.

В 1910 г. в кишлаках Шерабадского и Байсунского бекств вспыхнула эпидемия оспы. Врачи Термезского гарнизона с целью профилактики сделали прививки всему населению Термеза. Благодаря этой мере в Термезе оспа распространения не получила, в то время как в других местах люди болели и умирали.

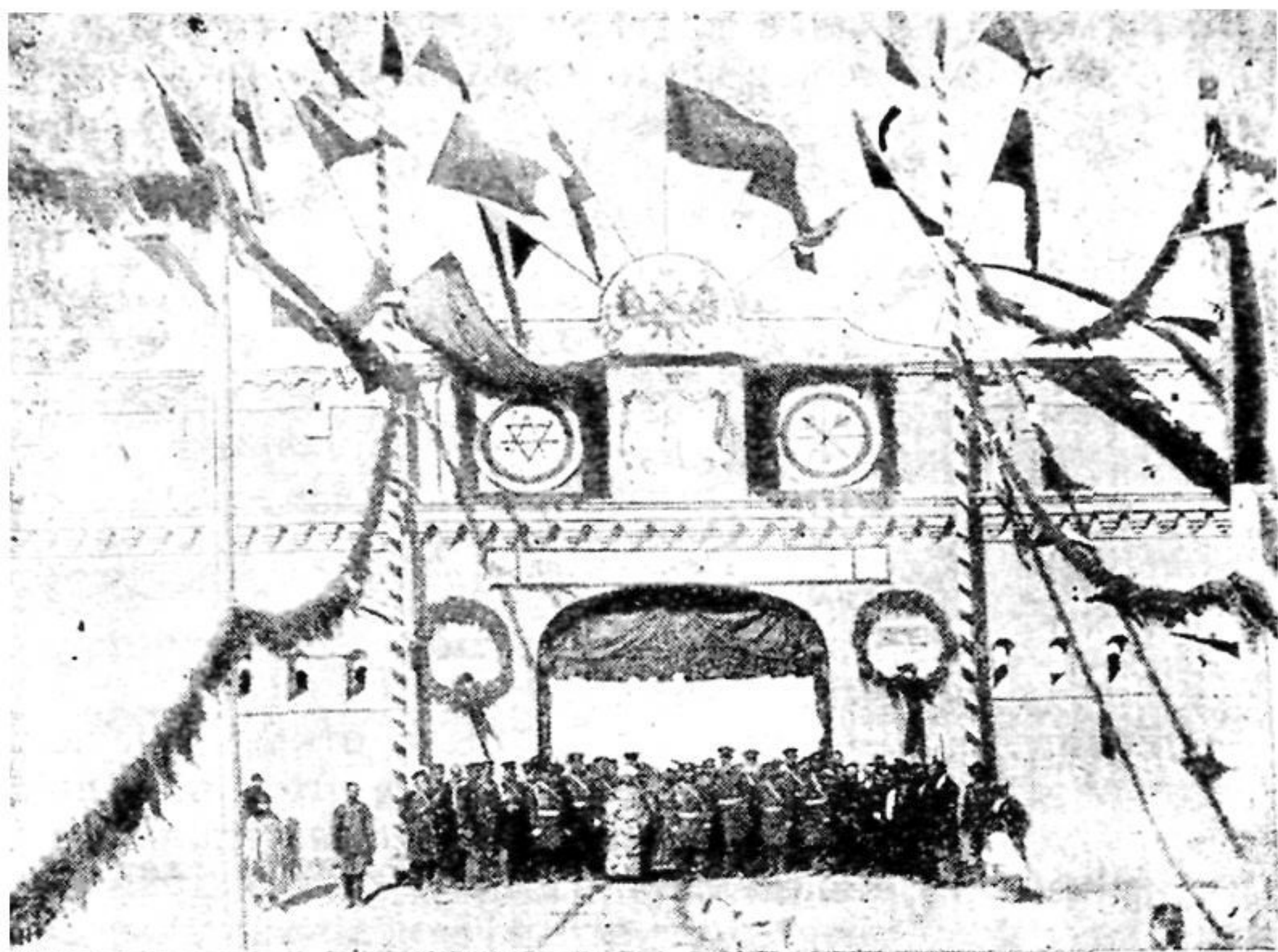
Позицию в области здравоохранения Бухарского эмира характеризует его ответ русскому таможенному представителю: «Умирать от болезней должны все те, которым назначено и выздороветь всем тем, которым суждено поправиться. Знать об этой воле заранее, равно как и помочь этому никакими способами невозможно...» (Лагофет, 1911, с. 152).

В 1906 г. при военной церкви была открыта церковно-приходская школа на 35 детей (ныне это здание школы им. Луначарского). Одной школы было мало, и поэтому встал вопрос о создании гимназии для детей. Эмир бухарский пообещал выделить Термезской гимназии 10 тыс. рублей, но вместо денег, как шеф будущей гимназии, прислал свою фотографию с собственноручной подписью.

Царское правительство, а затем и временное правительство Керенского, считали большой роскошью для Термеза открытие гимназии.

Реакционной была и национальная политика Бухарского ханства. По отношению к национальным меньшинствам — таджикам, туркменам, евреям и другим народностям, проживающим в бекстве, осуществлялась политика национального угнетения. Между узбеками и таджиками поддерживалась национальная рознь и вражда. Проживающие в ханстве евреи были поставлены в унижительное положение, — им запрещалось одеваться в нарядные платья и ездить в городе верхом, вместо пояса они носили веревку — отличительный знак их бесправного положения.

Коренное население видело, что трудовой русский народ также испытывает гнет со стороны царских властей и поэтому дехкане, чайрикеры были солидарны с русскими рабочими и солдатами. Русские крестьяне, поселившиеся в Термезе, познакомили местное население с разнообразными способами обработки земли, с новыми сельскохозяйственными культурами и овощами: помидорами, капустой, картофелем.

Входные ворота крепости. 22 октября, 1901 г.

Из года в год Термез расширялся, отстраивался. Оживленная торговля с Афганистаном начала оправдывать существование таможни. Пошлина с товаров приносила немалый доход. Из России в Афганистан шли изделия из железа, хлопчатобумажные ткани и другие изделия. Из Афганистана вывозили кожсырье, хлопок, кунжут, кишмиш, сухофрукты. Так, в 1910 г. через Пата-Киссарскую таможню в Афганистан было вывезено товаров на 37 тыс. рублей и привезено из Афганистана на сумму 32 700 рублей.

После присоединения Термеза к России, несмотря на сохранение в Бухарском эмирате в целом феодально-патриархального уклада, в нем начинают развиваться капиталистические отношения. Русские капиталисты с погоне за прибылью строят промышленные предприятия, предназначенные для обработки местного сырья. Ростки капиталистических отношений постепенно начинают пробивать себе дорогу. К этому времени относится и появление капиталистов-предпринимателей из местных национальностей. Так, в 1910 г. вводятся в строй хлопкоочистительные заводы, принадлежавшие Матчанбаеву и Шамсутдинову. Это были первые капиталисти-

ческие предприятия в Термезе. Большинство рабочих на обеих заводах состояло из местного населения. Работать приходилось по 12—14 часов в сутки. Никаких мер по охране труда не существовало.

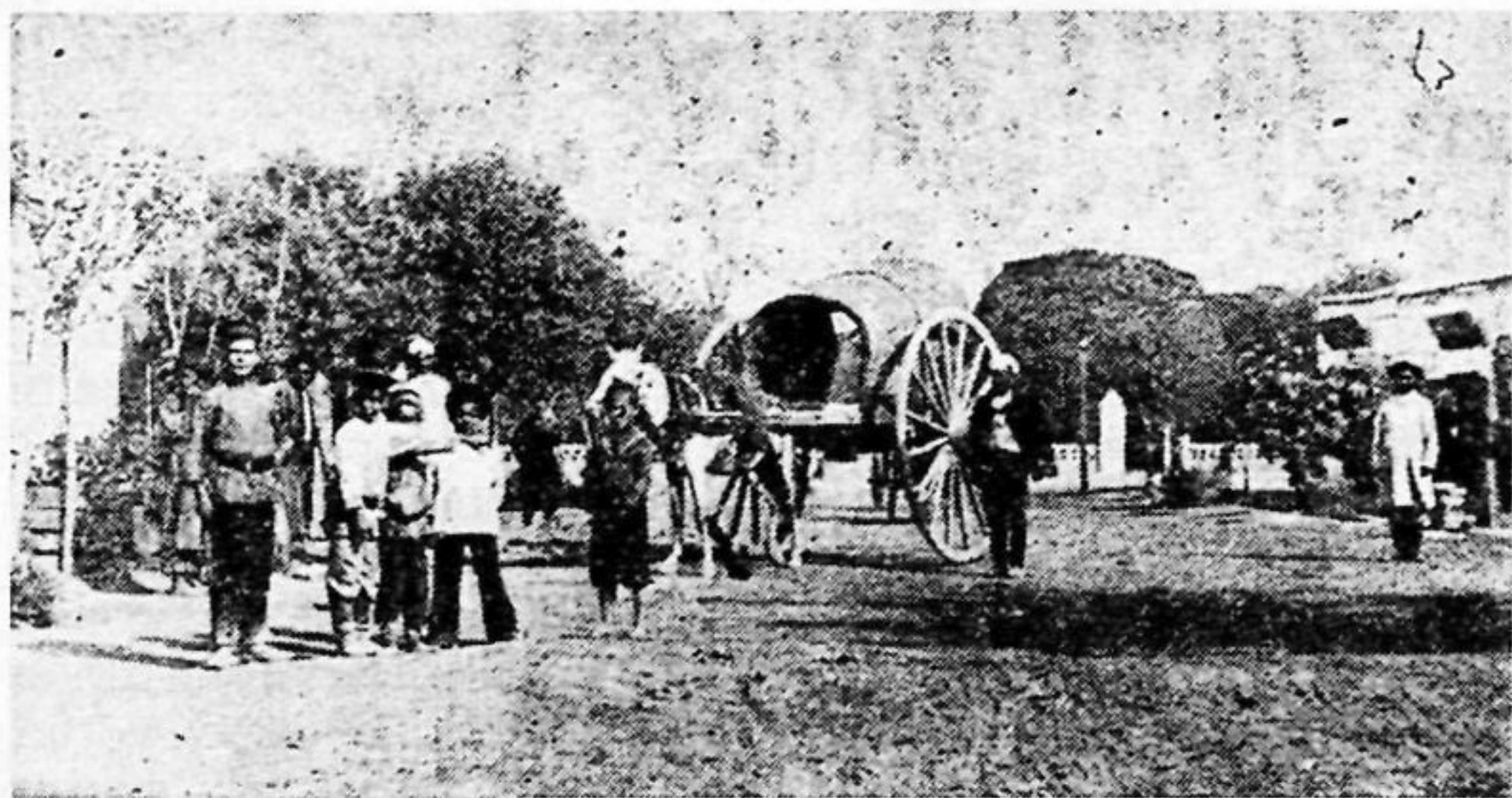
Капиталистические отношения пробивают себе дорогу и в сельском хозяйстве, разрушая патриархально-феодальные отношения, преобразуя мелкое дехканское хозяйство в товарно-денежное и делая его зависящим от рынка (Аминов, 1959, с. 74, сл.).

Как известно, культура хлопка была издавна распространена в Средней Азии, но здесь, в основном, культивировался лишь один сорт хлопка — гуза. С приходом русских хлопок гуза был заменен американским сортом — упленд, более урожайным и качественным по сравнению с гузой, но требующим большого ухода. Культура американского хлопка быстро развивалась и вскоре вытеснила местную гузу. Вывоз хлопка через Термез, начиная с 1907 г., когда здесь была введена культура американских сортов, усиливается с каждым годом. Так, в 1903 г. было вывезено 17 тыс. пудов, в 1908—22100 пудов, в 1910—34 тыс. пудов, в 1911 г.— 60 тыс. пудов.

В окрестностях Термеза в 1910 г. появляются плантации Шамсутдинова площадью около 2 тыс. десятин. Одновременно происходило переустройство ирригационной сети и агротехники.

Включение Термеза в орбиту капиталистических отношений дало толчок развитию местных производительных сил, однако коренных изменений в способе производства и общественных отношениях так и не произошло, поскольку русский капитализм не смог устранить полностью патриархально-феодальные формы эксплуатации. Феодальные отношения оставались господствующей формой производственных отношений. Особенно сильными они были в сельском хозяйстве. Несмотря на специализацию сельского хозяйства края по производству товарного продукта и вовлечение дехканских хозяйств в товарно-денежные отношения, докапиталистические формы эксплуатации в сельском хозяйстве оставались господствующими (Аминов, Бабаходжаев, 1966, с. 56).

В 1910 г. военный инженер А. Г. Ананьев решил освоить пустующие земли Шерабадской степи. В результате предварительных обследований им была издана небольшая брошюра «Орошение Шерабадской долины

Базар в Термезе.

водами Сурхана». В 1912 г. он получил от эмира бухарского 72 500 десятин земли в Шерабадском районе. Срок аренды определялся в 99 лет. 13 ноября 1913 г. создается русско-английское акционерное общество «Ширабад», основателем которого был А. Г. Ананьев.

В 1915 г. в Шерабадском бекстве произошло восстание крестьян, выступивших против передачи земли этому акционерному Обществу. Крестьяне разгромили контору Общества и уничтожили все оборудование, привезенное из-за границы. В 1917 г. грянула Великая

Октябрьская революция и планам общества «Ширабад» не пришлось сбыться.

В 1912 г. был поднят вопрос о проведении железной дороги к городу Термезу. Осознавая большие выгоды от строительства железной дороги, царское правительство обратилось к эмиру Бухарскому с предложением начать эти работы.

Эмир Бухарский принял на себя гарантии в размере 1/4 по облигационному материалу и выдал концессию русскому инженеру А. И. Ковалевскому, во главе строительства дороги стоял главный инженер Г. С. Киходзе. Условия строительства были тяжелые. Отсутствие питьевой воды, правильного отдыха, медицинской помощи, а также низкая оплата труда часто служили поводом для выступлений и бунтов рабочих. Не оправдал себя и наем рабочих-персов из Мешхеда. Через месяц первая группа из ста человек отказалась работать, а другая группа рабочих не приехала вообще. Тогда на строительство дороги были направлены арестанты из всех тюрем Туркестана. Наряду с русскими рабочими в строительстве железной дороги приняли участие дехкане Шерабадского и Денауского бекств, мобилизованные беком по распоряжению эмира. В период первой мировой войны на некоторых участках дороги работали австро-венгерские военнопленные, которые принимали участие в пробивке туннелей и сооружений вокзалов.

Постройка железной дороги была закончена летом 1916 года. 14 июля этого же года назначенная Министерством путей сообщения комиссия под председательством старшего инспектора при Министерстве Путей Сообщения Лангоды освидетельствовала дорогу и признала возможным открыть на всем ее протяжении в 573 версты правильное эксплуатационное движение поездов с перевозкой пассажиров и грузов. С 14 сентября 1916 г. дорога была включена в прямое сообщение со всеми дорогами нормальной колеи Империи.

Разоблачая оборотную сторону сооружения железных дорог в колониях и полуколониях европейских государств, В. И. Ленин писал: «Постройка железных дорог кажется простым, естественным, демократическим, культурным, цивилизаторским предприятием: такова она в глазах буржуазных профессоров, которым платят за подкрашивание капиталистического рабства, и в глазах мелкобуржуазных филистеров. На деле капиталистические нити, тысячами сетей связывающие эти пред-

приятия с частной собственностью на средства производства вообще, превратили эту постройку в орудие угнетения миллиарда людей (колония плюс полуколония), то есть больше половины населения земли в зависимых странах и наемных рабов капитала в «цивилизованных странах»¹.

Постройка железной дороги сыграла огромную роль в проникновении русского капитализма в глубь Средней Азии, усилила проникновение товаров из промышленных районов Империи, увеличила торговлю с Россией. Железная дорога впоследствии, когда Туркестан был превращен в монокультурный хлопковый район, имела большое значение и для обеспечения края продовольственными и промышленными товарами (Аминов, Бабаходжаев, 1966, с. 55).

Подъем революционного движения в России в 1901—1904 гг. оказал влияние и на такой глухой район Бухарского эмирата, каким был Термез. Накануне революции 1905—1907 гг. положение трудящихся Средней Азии, особенно в ее хлопковых районах, стало невыносимым. В результате экономического кризиса, вызвавшего закрытие многих промышленных предприятий, уменьшился спрос на хлопок и сократились посевные площади. Дехкане разорялись. Чтобы вернуть деньги, взятые в долг в счет будущего урожая у торговых фирм, они продавали землю и имущество за бесценок и уходили на отхожие промыслы. Еще более тяжелым оказалось положение рабочих. Закрытие во время кризиса ряда предприятий привело к увеличению количества безработных. Положение тех, кто еще не потерял работу, было не намного лучше.

К этому времени в Среднюю Азию начинают проникать идеи марксизма-ленинизма. Их пропагандистами являлись ссыльные и добровольно приехавшие в Край социал-демократы. Термез являлся местом негласной ссылки политически неблагонадежных солдат и офицеров, которые и здесь продолжали революционную деятельность.

Революция 1905—1907 гг. потерпела поражение, но она, по выражению В. И. Ленина, была «генеральной репетицией». И хотя размах борьбы в Средней Азии нельзя было сравнить с революцией в самой России, тем не менее, отдельные волнения, беспорядки и другие формы

¹ Ленин В. И. ПСС, т. 27, с. 305.

выступлений происходили во многих местах Средней Азии.

В архиве Сурхандарьинского музея имеются документы, свидетельствующие о волнениях среди солдат Термезского гарнизона. Вот выдержки из обвинительного акта, по которому солдата 13-го Туркестанского стрелкового батальона Колюжного предали суду. В нем говорится: «...Колюжный рассказывал о забастовках, неодобрительно отзывался о государе Императоре,.. призывал солдат бастовать, что-то требовать...»

Вооруженного выступления в Термезе не произошло, как в других районах Туркестана, где появлялись отдельные вооруженные отряды, но революционные события находили живой отклик в сердцах тружеников Термеза. Революционные газеты и прокламации, распространяемые среди рабочих и солдат, в какой-то степени влияли и на другие слои населения, рассказывали о событиях, происходящих в России и за рубежом, звали на борьбу с самодержавием.

Передовые люди Туркестана с радостью встретили известие о свержении самодержавия. По примеру России в больших городах Средней Азии были созданы Советы рабочих и солдатских депутатов. Кроме Советов, в Туркестане функционировали также исполкомы — органы Временного правительства. Так в Туркестане сложилось двоевластие. В это время оживилось и движение национальной буржуазии, которая в союзе с реакционным духовенством образовало так называемые «мусульманские комитеты». Были созданы такие контрреволюционные организации, как «Областной Туркестанский исполнительный комитет», «Киргизский комитет», «Шурои ислами», «Шурои улема». Эти организации стремились возглавить народное движение и сохранить в Средней Азии патриархально-феодальные основы жизни. В то же время большевики проводили большую работу среди трудящихся местной национальности, что способствовало повышению их революционной сознательности. На местах стали создаваться мусульманские советы рабочих депутатов, которые повели активную подготовку к предстоящей пролетарской революции. Активную пропагандистскую работу среди населения города Термеза вели солдаты Термезского гарнизона. В Термезе, наряду с исполнительным комитетом, являвшимся органом Временного правительства, был создан Совет солдатских и рабочих депутатов. Совет был фактическим органом

власти в Термезе, т. к. исполком Временного правительства не имел реальной силы для проведения своих решений в действие. По всем вопросам население города обращалось в Совет, т. к. видело в нем орган народной власти.

О победе Великой Октябрьской социалистической революции в Петрограде жители Термеза узнали по сообщению телеграфа, и ровно через неделю, 14 ноября по новому стилю, в городе была установлена Советская власть. Термезский Совет рабочих и солдатских депутатов стал законным органом власти, пользующимся уважением и поддержкой населения города.

Минуло более 90 лет с того времени, как на берегу Амударьи стал отстраиваться город, получивший название древнего городища — Термез. Современный Термез — благоустроенный, озелененный город с широкими, прямыми улицами, организационно-хозяйственный, культурно-просветительный и административный центр Сурхандарьинской области.

С. М. МЕЙЛИБАЕВА

**РОЖДЕНИЕ И МУЖАНИЕ КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
В СУРХАНДАРЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ
СУРХАНДАРЬИНСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО
МУЗЕЯ)**

Войска Термезского гарнизона, как и вся царская армия, вышедшая из подчинения своему командованию после Великой Октябрьской социалистической революции, стремились к родным местам, к своим семьям. В течение января и февраля 1918 г. они покинули Термез, не дожидаясь демобилизации в плановом порядке. Гарнизон Термеза быстро таял. Главной причиной ухода граждан, уезжавших из города вслед за войсками, были февральские события в Бухаре в 1918 г., где революционные элементы подняли восстание в целях свержения эмирата, но было жестоко подавлено. Эмир объявил «священную войну против неверных» — газават, которая, по сути дела, была направлена против молодой Советской власти. Все пограничные заставы вдоль границы с Афганистаном были вырезаны.

В марте 1918 г. была разрушена железная дорога на всем протяжении от Кагана до Термеза и, чтобы русские снова ее не восстановили, большое количество железнодорожных рельсов на каюках было переправлено через Амударью в Афганистан. Термез оказался отрезанным от других городов Туркестана. Большая угроза создалась для жизни городского населения, и жители стали покидать Термез любыми путями. К середине лета 1918 г. здесь осталось каких-нибудь 300—400 семейств (1000—1500 человек). Оставшееся население в панике ушло в крепость, где находилось в течение 7—10 дней.

Городской Совет (Совдеп) обратился к оставшемуся в Термезе населению с призывом любой ценой защищать город от эмирских банд. В спешном порядке создавались красногвардейские отряды по обороне Термеза.

Красногвардейские подразделения несли оборонную службу до середины 1918 г., а затем в июле этого же года они были формально распущены, а на их базе были сформированы красногвардейские части Термезского гарнизона.

В то время все мужчины Термеза комсомольского возраста служили в войсковых частях Красной Армии. Много парней 16—17-летнего возраста служили вместе с отцами и многие из них уже были коммунистами. Осенью 1919 г. Горком партии дал задание молодым коммунистам организоваться отдельно в Коммунистический союз молодежи. В течение короткого времени в комсомол была вовлечена почти вся передовая молодежь города. Был образован городской комитет комсомола, который помещался в здании нынешнего Облсуда на Наримановской улице. Может показаться странным: молодые коммунисты шли из партии в комсомол, а не из комсомола в партию. В руководящий состав комсомола — Горком входили коммунисты. К началу 1920 г. в городской комсомольской организации насчитывалось более 100 человек. Это был успех в работе, если учесть малочисленность населения города. Горком партии приобрел в лице Горкома комсомола надежного помощника (Копии протоколов заседаний комитетов РКСМ Термезской комсомольской организации.— Фонды Сурхандарьинского областного краеведческого музея, 1919—1924 гг., с. 1—2).

Комсомол сыграл большую роль во время обороны Термеза. Из 102 комсомольцев 53 были красноармейцами полевой батареи, крепостной роты конно-разведочного отряда, особого отдела ГАУ, пулеметного взвода, учебной роты (Рис. 1) (9, с. 1—4). Конечно, в живых из первых комсомольцев сейчас почти никого не осталось. Я знаю только одного Исмаила Мухамеджановича Табеева, которому в этом году исполняется 87 лет. Он был в гуще революционных событий в Термезе того времени. В марте 1918 г. в 18-летнем возрасте Табеев пошел служить в конно-разведочную команду по обороне города по призыву Термезского Совдепа, а после роспуска красногвардейских подразделений поступил добровольцем («волонтером», как тогда говорили) в пулеметную команду Термезского гарнизона Красной Армии. В этой команде Табеев служил до весны 1920 г. командиром отделения. Затем их команда была передана в Отряд особого назначения, где он служил до конца 1921 г.

1-ая Ширабадская райконференция ЛКСМ Уз, состоявшаяся
3 февраля 1927 г.

В это время в Термез возвращается из Восточной Бухары (из Куляба) 4-й кавалерийский полк Лопатина, изрядно потрепанный в боях с басмачами, половина личного состава была больна малярией. После смерти командира полка Лопатина, полк был расформирован и сведен в 34-й пограничный кавалерийский эскадрон. В порядке усиления партийной прослойки (а Табеев был тогда молодым коммунистом) его назначили на должность командира пулеметного взвода в этот эскадрон. Здесь он прослужил до увольнения из Красной Армии (8 мая 1923 года). Табеев принимал самое активное участие в создании комсомольской организации в Термезе, был членом Горкома комсомола I созыва (Климов Н. А. Автобиография.— Фонды Сурхандарьинского областного краеведческого музея, 1967 г., с. 2—3). Его фотография экспонируется в Музее в разделе «Оборона города Термеза».

На фотографиях в Музее можно увидеть Василия Титара, Андрея Жидких, Ибрагима Ганеева, Константина Кульбацкого, Николая Климова и других членов Горкома комсомола первого созыва. У Жидких два брата — Андрей и Константин и сестра Мария были комсомольцами. Защищая революцию с оружием в руках, комсомольцы поднимали хозяйство края, благоустраивали свой город. На общем собрании членов РКСМ Термез-

ской организации 22 августа 1920 г. после доклада Василия Титара о субботниках, комсомольцы постановили: проводить ежемесячно, кроме субботников, еще два воскресника. На общем собрании 3 сентября 1920 г. после заслушивания информации о положении на фронтах и красном движении в империалистических государствах, а также о положении в Бухарском ханстве, комсомольцы постановили: учитывая важное значение Термеза на Востоке как «Красного города», повести широкую агитацию среди мусульман путем устройства концертов и митингов.

В протоколе № 7 от 11 февраля 1921 г. записано Постановление — войти в соглашение с Бухарской компартией по организации Бухарской молодежи в союз, для чего послать в Мусбюро Исмаила Табеева.

11 февраля 1921 г. был организован Бухарский союз молодежи. С этих пор в комитете и организации работало две секции: русская и мусульманская. Велась активная и разносторонняя комсомольская работа: неделя профдвижения, устройство мусульманского клуба, налаживание контакта между двумя комсомольскими союзами. В мае 1921 г. Владимира Головащенко избрали представителем в мусульманский союз молодежи.

Некоторые заседания были посвящены работе редколлегии газеты «Юный пролетарий». Перед Днем Красной Армии 18 февраля 1923 г. (5 годовщина) на общем собрании комсомольцы заслушали доклад Когтина об истории образования Красной Армии.

Когда партия позвала комсомол штурмовать моря, 5 декабря 1923 г. изъявили желание добровольно поехать Картунев, Саблин, Емельянов, Шорин, Корчагин, Коктурышников, Медведчук, Шамшеев, Рыбаков. Вскоре Термезский комсомол получил благодарственное письмо командования Каспийского флота.

Комсомольцы всегда были на переднем крае борьбы за претворение в жизнь любых начинаний партии и государства: установление и упрочение Советской власти в крае, проведение земельно-водной реформы, коллективизация, осуществление хлопковой независимости, культурная революция и другие реформы молодой Узбекской республики.

Интересны воспоминания участника «рабочей бригады» из Калужского округа по оказанию помощи Сурхандарьинскому округу в борьбе за коллективизацию и хлопковую независимость страны в 1930—1931 гг. Вик-

тора Федоровича Толстова. Эта бригада оказала большое влияние на укрепление комсомольской организации в Сурхандарье.

Решение проблемы обеспечения хлопковой независимости нашей страны в первой пятилетке было одной из важнейших задач того времени. В Постановлении ЦК ВКП(б) от 18 июня 1929 года «О работе Главхлопкопрома» были определены практические меры, направленные на расширение посева и увеличение сбора хлопка, обеспечивающие полную потребность текстильной промышленности и создание резервов этого сырья без импорта. Предусматривалось в течение 1929—1932 гг. завезти в хлопкосеющие районы не менее 15 тыс. тракторов и 1,5 млн. различных сельскохозяйственных орудий; выделить крупные финансовые средства для проведения ирригационного строительства, строительство новых и реконструкция действующих хлопкоочистительных заводов, электростанций, железных дорог, заводов химических удобрений; организация подготовки кадров высшего и среднего звена хлопкоробов путем переквалификации студентов различных вузов, а также специализация средних школ для подготовки низшего звена агрономов и других специалистов-хлопкоробов.

Кроме материального и технического обеспечения хлопкосеющих республик, партия оказывала им большую помощь в подборе рабочих кадров.

Ноябрьский 1929 г. Пленум ЦК ВКП(б) принял решение о направлении на работу в деревню 25 тыс. трудовых рабочих, часть из которых направлялась в хлопкосеющие районы страны.

Одна из «рабочих бригад» — молодые коммунисты-калужане — приехала 27 января 1930 г. в Термез. Решением Окружкома партии и Окрисполкома всю бригаду прикрепили к основному хлопкосеющему району округа — Шерабадскому.

Шерабад в то время представлял собой небольшой кишлак из саманных кибиток с плоскими крышами. Только два здания были построены по европейскому образцу — почта и электростанция мощностью 50 кВт, работавшая на нефти или мазуте.

В Шерабадском районе было 93% неграмотных, причем из 28 председателей сельсовета — 26 неграмотных. Неграмотной была и заведующая техотделом Райкома партии. Клуб был разделен на мужскую и женскую половины, а комсомольская ячейка подразделялась по

тому же принципу, и каждая вела работу по своему отдельному плану.

Бригада встретила скрытое, но яростное сопротивление местных баев и мусульманского духовенства. По их наущению дехкане побросали в колодцы прибывший из России сельхозинвентарь (плуги, упряжь), бороны были использованы на запруду для арыков. Один из мулл сказал, что весь инвентарь проклят Аллахом и никакого урожая не будет, если колхозники воспользуются им. Посеянный на вспаханной плугом площади хлопок, после ухода калужан, дехкане перепахивали омачем и снова засевали хлопком, но чаще другими злаками, которые могут произрастать на неполивных землях.

Муллы, обозленные за конфискацию у них земель и ирригационной системы, говорили, что если хлопком засеют все поливные поля, то у дехкан не будет хлеба для семьи и корма для скота, так как Советская власть, якобы, хлебом их не обеспечит, а хлопок отберет. Дехкан, которые не слушали их, избивали подкулачники или басмачи.

При Райколхозсоюзе действовали курсы, на которых дехкан обучали пользоваться плугом и управлять лошадьми. Многие дехкане, которые учились на этих курсах, могли самостоятельно пользоваться новыми средствами обработки земель, но под влиянием мулл отказывались от этого. Они соглашались пахать плугом, если кто-нибудь из калужан ходил рядом с ними. Как только калужане уходили и пахарь оставался один, плуг немедленно оказывался в арыке, а вспашка поля снова производилась омачем.

Занимались 25-тысячники и политико-воспитательной работой, особенно с молодежью и женщинами, проводили собрания комсомольцев и несоюзной молодежи.

Некоторые из калужан по окончании хлопкопосевной кампании были оставлены на партийную и комсомольскую работу в Сурхандарье. Так, Виктор Федорович Толстов стал впоследствии секретарем Термезского горкома комсомола, участвовал в V съезде комсомола Узбекистана (Толстов В. Ф. Воспоминания.— Фонды Сурхандарьинского областного краеведческого музея, 1982 г., с. 7, 8, 10).

Разными путями попадали в Термез молодые люди. Но их объединило одно: рабочая биография. И это потом свело их в первые организации молодых коммунистов Термеза. В первом именном списке всех членов РКСМ

Термеза стоит девятой фамилия Климова Николая, красногвардейца батареи. Николай Климов приехал в Термез из Воронежской губернии вместе с отцом — наемным рабочим по заготовке кожевенного сырья.

В 1918 г. Николай добровольно вступил в Термезскую полевую батарею строевым красногвардейцем. После усиленной подготовки и освоения артиллерийского дела, прохождения практических боевых стрельб, он командовал гарнизоном и Советом обороны Термеза. Позже был назначен командиром огневого взвода, принимал активное участие в обороне города. Н. Климов участвовал в свержении власти Бухарского эмира в Патта-Киссаре и его наместника в Шерабаде — Тохтамышбека, в обороне Шерабада, до 1928 г. — в ликвидации басмаческих банд и их пособников (Климов Н. А. Автобиография. — Фонды Сурхандарьинского областного краеведческого музея, 1967 г., с. 1—2). В первом списке комсомольцев Термезской организации отсутствует фамилия Даниярова Усмана, вступившего в комсомол несколько позже. Он родился и вырос в одном из кишлаков Шурчинского района. В 1929 г. был назначен секретарем кишлачной комсомольской ячейки и активно участвовал в создании колхоза в родном кишлаке. В 1931 г. У. Данияров был направлен на ликвидацию басмаческой шайки Ибрагимбека (Данияров У. Автобиография. — Фонды Сурхандарьинского областного краеведческого музея, 3, с. 1).

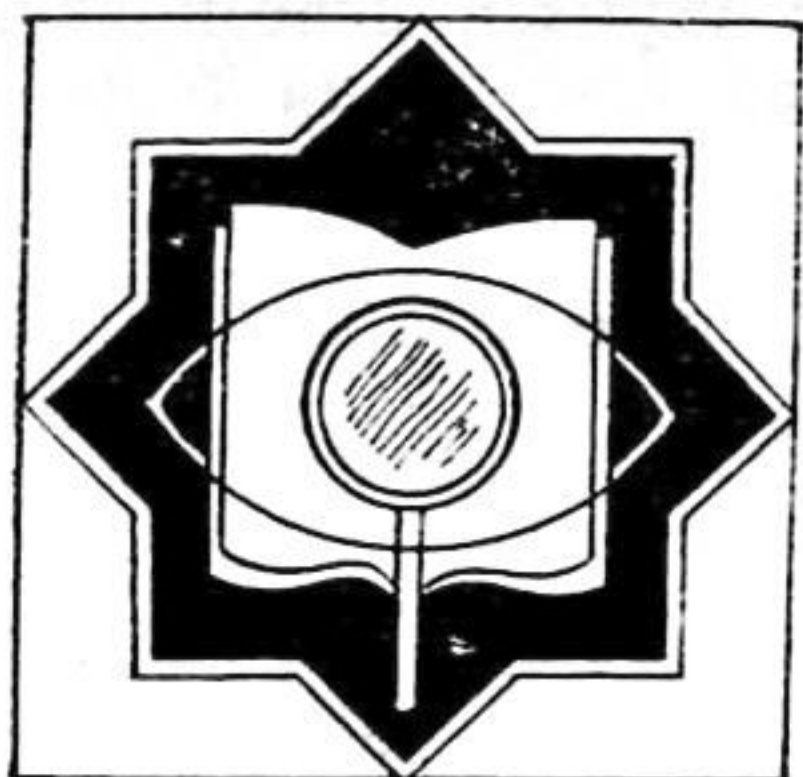
По крупицам были собраны сведения о первом секретаре Окружного комитета комсомола Сурхандарьи — Хасане Астанкулове. Отец его, Астанкул Абдуллаев, рабочий железной дороги, был активным участником установления Советской власти в Крае. Впоследствии — председатель ревкома. Работал вместе с русскими рабочими-железнодорожниками, приобщился к русской культуре. Своего сына он послал учиться сначала в педучилище в Чарджоу, затем в Москву на рабфак. В Москве, на Красной Пресне, Хасана приняли в ряды РКСМ. Ему посчастливилось видеть и слышать Ленина. После окончания учебы по направлению Средазоргкомитета он вернулся в Сурхандарью. В 1924 г. его избрали первым секретарем Сурхандарьинского окружного комитета комсомола. В начале 1925 г. окружком партии направил Х. Астанкулова уполномоченным в Байсунский добровольный отряд, который вел борьбу против басмачей. К нему в Байсун ехал, но не доехал сраженный вражес-

кой пулей инструктор ЦК ЛКСМ Узбекистана Абдулла Набиев. В научном архиве Музея хранится газета, где Хасан Астанкулов склонил голову у гроба погибшего товарища. В 1926 г. Хасана Астанкулова переводят инструктором ЦК ЛКСМ Узбекистана в Ташкент (Биография Астанкулова Х.—Фонды Сурхандарьинского областного краеведческого музея, 1957 г., с. 1—2).

Скупые строки сохранившихся документов не хранят развернутых описаний событий тех бурных и пламенных лет. И если Худайназар Бабаназаров пишет в автобиографии, что в 1923 г. приехал в Термез из кишлака Хошман «в поисках работы в связи с тяжелым семейным положением», то за этими словами кроется невыносимая нищета и голод семьи дехканина-бедняка, чье хозяйство было разорено налогами шерабадского бека и потом ограблено набегами басмаческих шаек.

До 1925 г. Худайназар работал на временных и случайных работах. В августе 1925 г., видя его неопределенное положение, комсомольская организация решила помочь парню и направила его на учебу в советскую партийную школу в Бухару, где в 1926 г. он вступил в комсомол. В 1927 г., по окончании учебы, по рекомендации Сурхандарьинского окружкома комсомола, работал первым секретарем Патта-Киссарского райкома комсомола. В 1928 г. его приняли кандидатом в члены КПСС и направили на учебу в Среднеазиатский коммунистический университет в Ташкент, где он учился до 1931 г. (Бабаназаров Х. Автобиография.—Фонды Сурхандарьинского областного краеведческого музея, с. 2—3).

Эти люди строили новую жизнь в Сурхандарье. В свое время им было некогда писать мемуары. В годы установления Советской власти в крае с саблями в руках они сражались с басмаческими бандами. В 30-е годы стальными когтями плугов бороздили хлопковые поля. В годы Великой Отечественной войны мемуары их были короткими: «Если погибну, считайте меня коммунистом». Говорить красиво о себе они не умеют. Мы, научные сотрудники музеев, имеем возможность собрать факты их героических биографий и рассказать о них людям. Они достойны этого.

Т. В. МИНУЛЛИНА

**ОБ ОПЫТЕ ПОСТРОЕНИЯ ЭКСПОЗИЦИИ ВЫСТАВКИ
«РАСТЕНИЯ И ЖИВОТНЫЙ МИР СУРХАНДАРЬИ,
ЗАНЕСЕННЫЕ В КРАСНУЮ КНИГУ»**

Еще несколько веков назад животный и растительный мир Земли был богаче и многообразнее. С начала современного летоисчисления полностью уничтожено, стерто с лица земли около 350 видов животных; из них 220 видов уничтожено за последние 200 лет (такие, как морские коровы Стеллера, зебры-квагги, туранские тигры). Но на Земле в настоящее время живет несколько сот видов млекопитающих, птиц, произрастает несколько сот видов растений, находящихся на грани исчезновения. Этих животных и растительность будущие поколения людей смогут увидеть лишь на фотографиях или в кино, если не будут приняты срочные меры. Именно эти виды и внесены в Красную книгу (4, с. 5).

Значение Красной книги выходит за рамки обычной сводки. В ней приводятся важные сведения о редких и находящихся под угрозой исчезновения видах флоры и фауны. Красный цвет переплета книги как бы предупреждает об опасности, нависшей над ними. «Красная книга — это сигнал тревоги, в то же время и надежды, программа спасения видов» (1; 2; 3, с. 7).

Создавая свою выставку, мы, сотрудники Отдела природы, ставили перед собой задачу: привлечь внимание жителей Сурхандарьи к проблемам охраны живой природы, сбережения и сохранения генофонда.

Тематический план выставки состоял из следующих разделов (подтем):

1. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных, обитающих в Сурхандарье.

2. Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды деревьев и растений, произрастающие на территории Сурхандарьинской области.

3. Мир насекомых.

4. Антропогенные факторы, ведущие к гибели животных и растений:

а) браконьерство;

б) загрязнение воды;

в) использование ядохимикатов.

Экспозиционная площадь выставки составила 30 м². По форме показа экспонируемые материалы разнообразны. Здесь и чучела, и мокрые препараты, и плакаты, витрины с коллекциями насекомых, объемно-высушенная растительность, цветные открытки и фотографии. На специальной витрине постановления Совета Министров УзССР по вопросам охраны природы; Красные книги СССР, УзССР, Сурхандарьинской области (музейная, Отдела природы), «Твоя Красная книга».

Экспозиция выставки начинается с символической Красной книги с новой эмблемой охраны природы (в ладони человеческой руки оберегаемое животное — лань). Напротив — плакат «Охрана природы — долг каждого!» и два щита с цветными фотографиями, выпущенными Обществом охраны природы Узбекистана «Дикие животные Узбекистана», знакомили посетителей с животными, обитающими в нашей области. Центральное место в экспозиции отведено показу редких и исчезающих животных и растений, имеющих на территории Сурхандарьинской области. Из чучел здесь представлены: винторогий козел *Capra Falconeri*, джейран *Gazella subgutturosa Yuldensaedi*, серый варан *Varanus griscus*, среднеазиатская выдра *Zutra lutra seistanica* *Rigula*, змееяд *Circaetus Lalliens*; дрофа-красотка *Chlamydotis undulata Macgnaenii*, беркут *Aquila chrysaetos*, лебедь-шипун *Cygnus olor Ymelin*, аисты *Ciconia* — черный *nigra* *L* и белый (в гнезде) *asiatica Yevertsov*, мраморный чирок *Anas angustirostris Menetries*. Из мокрых препаратов: агама руинная *Agama ruiderata*, волкозуб поперечнополосатый *Licodon striatus* *scow*, большой амударьинский лжеопатонос *Pseudosephirhynchus Kaufmanni*, кобра среднеазиатская *Naja oxiana Eich*. Кстати, ядовитые змеи нуждаются в защите наряду с редкими и ценными представителями фауны. И наша страна одной из первых стала охранять ядовитых змей. И вот результат! В новом издании Красной книги, вышед-

шей в 1985 г., среднеазиатская кобра числится как восстановленный вид (5).

Для общего ознакомления, обозрению посетителей в двух витринах выставлены ядовитые насекомые (тарантул, фаланга, каракурт, скорпионы — белые и черные).

На стендах вывешены красочные фотографии животных, выпущенные Обществом охраны природы Узбекистана: белобана *Falco heugug* Y, скопы *Pandion haliaetus*, бородача *Lypaetos borbatus* L, тьяньшаньского бурого медведя *Ursus arctos isabellinus* Horsfieldi, туркестанской рыси *Felis lynx isabellina* Bluth, снежного барса *Uncia Schreb*, сурка Мензбера *Marmota menzbiri* Kasehk, перевязки *Vormera peridusma* Yuld, бухарского оленя *Cerinus Bactrianus* Lydekker.

Для желающих подробно ознакомиться с образом жизни животных здесь же даны сведения о распространении, питании, размножении, поведении, местах обитания, также мы даем и сведения о практическом значении распространенных в нашей области рыб, пресмыкающихся, птиц и зверей (1, 2, 6).

Из растительного мира, к примеру, из реликтовых и эндемичных видов представлены: натуральный куст граната обыкновенного с плодами на ветках *Punica granatum*, произрастающий в юго-западных отрогах Гиссарского хребта, виноград дикий (*vitis vinifera*) с сухими плодами, распространенный в бассейнах рек Сангардак и Туполанг (большая виноградная лоза подвешена на стене); в углу зала — чинара с шарами-соплодиями; платан восточный (*platanus orientalis*). Произрастают они у родников, на наносных легких галечниковых почвах.

Как известно, наши чинары — долгожители, некоторым из них по 700—800, тысяче и более тысячи лет. Знаменита чинара в селении Сайроб в Байсунском районе. В дупле этого дерева до революции размещался мактаб (в нем помещались 10—12 детей и учитель), где обучали детей молитвам и чтению Корана (9, с. 64—65). В дупле этого дерева впоследствии находились чайхана, сельсовет (1924—27 гг.), позже, с 1932 года — библиотека, а в 1954 г. — продуктовый магазин. И только в наши дни знаменитая чинара взята под охрану государства. Но чинара не только долго живет, она еще быстро растет, хорошо укореняется и надежно укрывает от жары, и к тому же красива, особенно осенью.

В закрытых витринах, выстланных красным матери-

алом, выставлены натуральные ветки инжира дикого *Ficus carica* L, хурмы *Diospyris* L, унаби обыкновенного *Zizyphus jujuba*, а также объемно высушенный ширач байсунский *Eremurus Baissunensis*.

На стенах экспозиционного зала в застекленных рамах вывешены плакаты безвременника Кессельринга *Colchicum Keselringii*, шалфея замечательного *Yalviq ensignus* Kudr, тюльпана Королькова т. *Korolkovii* Regel, лука стебельчатого — анзура *Allium stepitatum* Regel, лука змеелистного *Allium ophiophyllum* Vved, ветреницы бухарской *Anemone bucharica* Regel, юноны великолепной *Juona magnifica* Weld.

Природные запасы их сильно сократились в результате усиленной промышленной заготовки и находятся на грани исчезновения. Значительный ущерб дикорастущей флоре причиняет бесконтрольный сбор частными лицами редких лекарственных и пищевых растений.

В наше время, в период быстрого сокращения неосвоенных территорий и применения отравляющих химических веществ, необходимо особенно заботливо оберегать живую природу, в том числе и насекомых. Насекомые составляют неотъемлемую часть живой природы, они «нужны» природе и уже поэтому не могут формально рассматриваться как полезные или вредные.

Многие виды насекомых находятся под угрозой полного исчезновения.

В Красную книгу СССР вошли следующие насекомые (1, 7), обитающие в нашей области и представленные в экспозиции Музея:

Из отряда богомоловых (эмпуза, богомол).

Из отряда палочников (палочник двубугорчатый).

Из отряда жесткокрылых (жужелица Антиа, усачи).

Из отряда перепончатокрылых (шмели, ксилокопа фиолетовая, сколия-гигант, сколия степная).

Из отряда чешуекрылых (браженики; бабочки — апполон черный, феб, желтушка Аврорина, желтушка зеленоватая).

Здесь же, на витрине представлены коллекции насекомых, обитающих в Сурхандарье, отловленных для выставки сотрудниками отдела, а также переданными нам в дар сотрудниками археологической экспедиции Б. Я. Ставиского (в этот сезон экспедиция проживала на территории Учкизила Термезского района).

Эти насекомые — представители местной фауны, были выставлены для обозрения посетителями с целью

ознакомления, так как многие жители области, особенно городские, не имеют представления о богатстве и многообразии видов насекомых, обитающих на территории нашей области. Если бы еще лет двадцать назад кто-нибудь предложил охранять насекомых, все бы удивились. Так их было много! Но сейчас с тревогой замечаем, что насекомых становится все меньше и меньше. И если мы не примем участия в деле охраны, то насекомые очень скоро могут исчезнуть с лица Земли, даже не успев попасть в число редких и исчезающих.

Проводя экскурсию по выставочному залу, мы, сотрудники отдела природы, стремимся к тому, чтобы посетители поняли, что именно жители Земли виноваты в том, что многим животным и растениям грозит исчезновение. Ведь наступление человека на природу еще никогда не достигало такого масштаба как в наши дни. В результате чего, диких животных и растений становится меньше и меньше, и перейдя крайний предел численности, они вымирают. И такая потеря ничем не восполнима. Особенно тревожит зоологов положение с хищными птицами. Очень редкими стали балобан *Falco cherrug*, орлан-белохвост *Haliaeetus albicilla* L, орел-карлик *Niegaetus repatus* Ymelin, которые прилетают к нам на зимовку. Цветные фотографии этих птиц представлены на щитах.

А беркут *Aquila chrysaetos* L — наша оседлая птица, просто зимой перекочевывает с гор на равнины. На лето прилетает такая хищная птица, как змееяд *Circus ferox* Ymelin. Беркут и змееяд представлены в виде парящих птиц (чучела с развернутыми крыльями, подвешенные на леске к потолку).

Оставшиеся в живых перечисленные хищные птицы требуют особого внимания. Многие жители еще по старинке истребляют их, думая, что раз они хищные птицы, то вредные. Но ведь человечество уже осознало, что потеря каждого биологического вида приводит к невосполнимым утратам.

Антропогенные факторы, ведущие к гибели животных и растений, показаны плакатами.

В заключении посетителям рассказывается о роли заповедников в деле сохранения генофондов и показываются цветные фотографии животных и растений, обитающих в заповедных территориях нашего края (остров Арал-Пайгамбар и лесные массивы Кугитанга в заповеднике Сурхан (8, с. 35—38).

ДНИ НЕДЕЛИ В ПОВЕРЬЯХ НАРОДОВ ЮЖНОГО УЗБЕКИСТАНА

У населения Южного Узбекистана до недавнего времени бытовали поверья о мифических покровителях дней недели и чествовании их в семейных обрядовых ритуалах, зафиксированные нами в конце 60-х годов.

В основе недельного времени лежит день, имеющий два значения: 1. Период времени от восхода до захода солнца; 2. Период времени от одного восхода до следующего восхода солнца (Бикерман, 1978, с. 10). Для горных таджиков Байсуна (кишлаки Дербент, Луччак, Дугоба, Сайроб, Авлод, Сарыассия, Кучкак, Пасурхи) и таджиков Кугитанга (кишлаки Вандоб, Пашкурт, Зарабаг, Шерджон) «руз» — день начинался от восхода солнца и заканчивался после его захода. К этому времени добавили еще два периода естественной освещенности дня, которые зависели от движения солнца: «сахар» — утро, начинавшееся с появления Утренней звезды на небе до восхода солнца, и «шом» — сумерки, длившиеся от захода солнца до наступления ночной темноты, после чего начиналась «шаб» — ночь. Время с момента появления первых лучей солнца до захода его последних лучей разделили на две части, которые называли «ним рӯз» — половина дня.

Среди таджиков упомянутых кишлаков бытует много легенд и былей, связанных с лунным и солнечным календарями. Вот одна из них, записанная в 1959 г. со слов Алимардановой Туман (73 года) из кишлака Дербент. В ту пору, когда она была ребенком, дед говорил ей, что его родители, поднявшись с постели, прежде всего умывались, а затем ожидали появления солнца. Когда оно полностью всходило, читая молитву, трижды

кланялись в его сторону. Так они поступали утром, в полдень и вечером. Когда же солнце пряталось на закате, то люди начинали плакать и причитать: «Умурамо ба боз як руз гузашт» — «из нашей жизни еще один день ушел».

Узбеки Байсуна (кишлаки Кофирун, Ходжабулган, Рабат, Инкобат, Пулхаким, Газ, Туда и др.), Шерабада (кишлаки Акташ, Гоз, Талашкан, Лайлаган), Ангора (кишлаки Бешкутан, Талимаран, Шураб) (Кармышева, 1976, с. 66—111) «бир куну тун» — «один день и ночь» — считали период времени от одного восхода солнца до следующего восхода, сутки же делили на несколько условных частей: «биринчи хуроз кичкириги» — первый петушиный крик; «иккинчи хуроз кичкириши» — второй петушиный крик; «учунчи хуроз кичкириши» — третий крик петуха; «эрта сахар» — раннее утро; «на-хор» — утро; «чошгох — первые два часа после восхода солнца; «туш» — полдень; «пешин» — два часа после полудня; «намоз дигар» — время между 16 и 18 часами; «хуфтон» — время захода солнца; «шои» — время от захода солнца до наступления сумерек; «коронги тушган вакт» — время сумерек; «тун» — ночь. Жители районов, о которых идет речь, похоронные обряды проводили в полуденное время. Если же покойник в день смерти по каким-то причинам не был похоронен в полуденное время, то похороны переносились на другой день. Этот обычай после 70-х годов стал изменяться. Нами было замечено, что в кишлаке Шуроб умершего от болезни хоронят с наступлением ночи.

В других кишлаках (Катари Гузар) утверждали, что днем надо считать период от третьего петушиного крика до следующего третьего петушиного крика, так как, по мнению их жителей, именно с этого времени появляется на небе Утренняя звезда, горы снова закрывают путь Харитаджалу, который хотел бы выйти на белый свет, чтобы уничтожить людской род. Харитаджал — злой дух, загнанный Али внутрь горы. Харитаджал, якобы, день и ночь своими страшными зубами непрерывно грызет скалистую гору, чтобы выйти на свободу. Но каждый раз, когда толщина горы доходит до толщины «бир пиёз пўчоғидай» — одного слоя луковицы, свет Утренней звезды попадает в глаз петуха и тот начинает кукарекать, после чего гора вновь принимает свой прежний вид. Так, Утренняя звезда и петух спасают род людской от гибели.

При исчислении дней недели население Южного Узбекистана пользовалось персидской «хафта» — семерницей. При этом дни обозначались так: «душанба» — понедельник; «сешанба» — вторник; «чоршанба» — среда; «панчшанба» — четверг; «жумъа» — пятница; «шанба» — суббота; «якшанба» — воскресенье. Счет недели велся от субботы, но воскресенье считалось первым от субботы днем, понедельник — вторым и т. д., кроме пятницы — дня «собраний» в мечети (Бертельс, 1932, с. 133). Этот счет дней недели применяется и в настоящее время, но дни недели начинаются с понедельника. Кроме официального недельного счета, в народе (кишлаки Бандыхан, Кофирун, Пулхоким, Газа и др.) сохранились еще недели «базарного цикла», при котором счет дней велся от базарного дня. Этот счет применялся даже при составлении учебного расписания в школах: «биринчи кун» — первый день — понедельник; «иккинчи кун» — второй день — вторник; «учунчи кун» — третий день — среда; «туртинчи кун» — четвертый день — четверг; «бешинчи кун» — пятый день — пятница; «олтинчи кун» — шестой день — суббота; «бозор» — базар — воскресенье. Следы такого счета мы находим в древних названиях месяцев года тюрков. Так, например, первый месяц года назывался «Улуғ ой» — Великий месяц, второй месяц — «кичик ой» — малый месяц, третий месяц — «биринчи ой» — первый месяц, четвертый месяц — «иккинчи ой» — второй месяц и т. д. до «унинчи ой» — десятого месяца, бывшего на самом деле двенадцатым (Беруни, 1957, с. 88). При таком «базарном цикле» недель учащиеся, рабочие и служащие отдыхали в воскресенье — базарный день. Покупатели и торговцы «как во многих местах Средней Азии» съезжались в те села, где должны были быть базары (Андреев, 1929, с. 127). Так, в Байсуне базар проходил в воскресенье, в Богчорбоге — в среду, в Дехканабаде — по четвергам. У бывших полукочевых узбеков-кунградов (кишлаки Ходжабулган, Туда, Кофирун, Шуроб) существовало деление дней недели еще на «соатли» и «соатсиз кунлар» — позволяющие и не позволяющие дни. Соответственно этому календарю, перед началом какого-либо семейного обряда: перегона овец с одного места на другое, до начала строительства жилья — кунграды обязательно узнавали у «кун санар» — специальных лиц, ведущих счет дням — о том, благоприятен ли тот или иной день для начина-

ния дела. Если день не сопутствовал начинанию дел, то ждали наступления следующего дня.

О возникновении семидневной недели существует такая легенда, связанная с мифическими персонажами (кишлаки Дербент, Сарыассия): когда «шутр» — верблюд — вместо круглого помета еще нес «чормагз» — орехи, на земле жила женщина, у которой было три дочери и три сына. Люди очень уважали эту женщину за ее мудрость и сердечное отношение к ним. Она, кроме того, была искусным табибом — лекарем — и поэтому к ее имени добавляли слово «биби» — «святая». Состарившись, она уже не могла ходить по домам и лечить людей. Тогда, призвав к себе своих детей, она обучила их профессии лекаря и послала к людям для оказания помощи при лечении различных болезней. Дабы между детьми не возникли споры, она каждому выделила по одному дню. Так, старшим близнецам (дочери и сыну) достался первый — суббота и второй — воскресенье. Средним близнецам были выделены понедельник и вторник, а младшим — среда и четверг. Себе же старушка оставила пятницу, поэтому люди стали звать ее «Святая Пятница». Народ, почитавший Святую Пятницу и ее детей, проводил соответствующие обряды. Вот некоторые из них:

Суббота. Ее считали самым благоприятным днем для начала земледельческих работ. Именно поэтому в дни Навруза дехкане в субботу украшали быков разноцветными лоскутами, весенними цветами и выводили в поле для пахоты земли (кишлаки Авлод, Бибиширин, Дербент). Хозяйки же в этот день очищали дом от всевозможных ненужных вещей. Женщинам разрешалось очищаться от месячной нечистоты, мыть голову, стирать белье. Кузнецы, каменотесы и другие ремесленники, имевшие дело с металлом, считали субботу днем Давида пайғамбара, и в его честь делалось жертвоприношение. Девизом субботнего дня было: «Шикор, барорикор» — удачливый во всех начинаниях (к. Дербент). Тем не менее, у этого дня были и отрицательные стороны. В субботний день путешественникам, торговцам запрещалось держать путь на восток, в противном случае «хозяин дня» мог наказать ослушников. В дороге их подстерегали несчастья: то кто-нибудь падал с повозки или ишака, то на караван нападали разбойники (кишлаки Паданг, Шуроб).

По поверьям кунгратов Дехканабада суббота была днем «соатли» — позволяющим. Поэтому все хозяйственные и полевые работы начинались с этого дня. Ребенка, родившегося в субботу, называли Соат, если это был мальчик, или Соатой, если это была девочка (4—5 отделения совхоза «Янгиабад» Гагаринского района Сурхандарьинской области).

Воскресенье. Главным событием воскресного дня считался базар. Этот день был днем торгового люда, а также азартных игр. Как и в субботу, земледельцам позволялось обрабатывать почву. Хозяйки выносили домашние вещи во двор для проветривания. Кунграты считали воскресенье позволяющим днем. Родившемуся в воскресенье ребенку давали имя Базар, что значит Воскресный.

Как для таджиков, так и для узбеков этот день являлся днем проведения обрядов «Биби Мушкулькушо» — «Госпожи Разрешительницы», которая призывалась на помощь в несчастьях: при неудаче в торговых делах, в тех случаях, когда человек запутывался в долгах или должен был предстать перед судом (Сухарева, 1960, с. 40). О появлении ритуала «Биби Мушкулькушо» среди байсунцев сохранилась такая легенда: у одного мужчины была молодая жена из семейства пари. Однажды, это было в базарный день, муж проснулся очень рано и увидел, что жена готовит к завтраку какую-то пищу на очаге. Когда же еда была готова, то жена не подала ее мужу. Он поинтересовался, почему не подан завтрак, если еда готова. На это жена ответила, что готовила еду для Биби Мушкулькушо. Рассердившись, муж перевернул котел прямо в очаг, вскочил на коня и уехал, куда глаза глядят, но немного поостыв, он раскаялся в содеянном. Для примирения с женой он пришел на рынок и купил четыре дыни, уложил их в хурджун и хотел отправиться домой. Но в это время к нему подошел незнакомый человек, придержал за уздечку его коня и закричал: «Вот он, вчерашний убийца! Помогите мне задержать его. Смотрите, люди! У него в хурджуне головы тех людей, которых он вчера убил». Ошеломленный муж не поверил своим глазам, но из хурджуна капала кровь, а когда он заглянул в него, то увидел вместо дынь человеческие головы. В тот же миг его схватила стража и привела к суе. На его счастье судья был справедливым человеком. Когда виновник рассказал, что случилось утром между ним и женой, судья удивился. И чтобы удос-

товериться в правдивости слов обвиняемого, направился к нему домой. Когда они пришли, то увидели, что хозяйка, собрав женщин из соседних домов, проводила какое-то невиданное ритуальное пиршество. Судья позвал хозяйку и спросил, как называется обряд, который она проводит. Женщина ответила, что она угощает Биби Мушкулькушо. (Сухарева, 1960, с. 40). Тогда судья рассказал ей о том, что произошло с ее мужем, однако хозяйка рассмеялась и сказала: «Я не верю вашим словам. У моего мужа в хурджуне действительно дыни, а не человеческие головы. Его наказала Биби Мушкулькушо за то, что он вылил в огонь святую пищу «ширбиринчи» — молочную рисовую кашу. Но я повторно приготовила эту еду для Биби Мушкулькушо, и она простила моего мужа». Судья приказал принести хурджун, в котором действительно были сочные ароматные дыни. Говорят, что после этого в народе распространился обряд Биби Мушкулькушо.

Существовало еще поверье, что данный обряд основала девушка по имени Мушк (кишлак Шатрут), когда ее любимый трагически погиб во время охоты на кабана. Но после проведения девушкой Мушк обряда, он ожил, поэтому люди говорили: «Мушкули Мушк кушод» — затруднения Мушк разрешились.

Понедельник. В этот день по велению «фолчи» — гадальщика — мулла читал стихи из Корана для излечения болезней «куркок» — боязни, «зиён зад» — вред ударил.

В кишлаках Кучки и Сарыассия существовало поверье о том, что понедельник был наиболее благоприятным для проведения обряда «Момо Сулаймон» — Бабушки Сулейман, но в других населенных пунктах обряд «Момо Сулаймон» проводился во вторник. Этот обряд осуществлялся в том случае, если во сне видели змею, воду, собаку, огонь, пепел, а также при костных заболеваниях рук и ног. Обряд «Момо Сулаймон» проводили по согласию или диагнозу фолчи, для чего в жертву приносили животных пестрых мастей, чаще всего сизых ягнят, козлят и кур. В честь Момо зажигали три свечи. Мясо жертвенного животного никому не давали, кроме трех старух, проводивших обряд. Детям запрещалось даже прикасаться к мясу, а кости, оставшиеся после съедения жертвенного животного, закапывали в золу.

Для кунгратов понедельник был днем «соатли» — позволяющим, поэтому они могли перекочевывать в любом направлении.

Вторник. Был наиболее насыщенным мифическими персонажами днем. Кунграты Ходжабулгана, Шуроба, Паданга и др. кишлаков преимущественно проводили обряды Биби Мушкулькушо, Биби Фатимы, Биби Зухро, а также Биби Сешанбы. В кишлаках Сарыассия, Дербент и Пушти Урдak в основном проводили обряды Биби Фатимы и Биби Зухро. Существует поверье, что, якобы, тот, кто в этот день стирает белье или моется, брызгает грязной мыльной водой на пищу Биби Фатимы и Биби Зухро, живущих у ворот в «бийиш» — рай — и хранящих ключи от них, и восклицаящих, увидев, что их пищу загрязнили: «Умматому хуракимое ифлос кард, кард, барака наёбад!», — тот человек, когда умирает, для его души ворота в рай не открываются.

В кишлаках Бибиширин, Дугоба покровительницей вторника признавали Биби Сешанбу. Жители кишлаков в этот день не мылись и не занимались стиркой. По поверьям, душа умершего в этот день непременно встретится с Биби Сешанбой, которая помогает войти ей в рай. Поэтому жертвоприношение делали именно Биби Сешанбе. Было запрещено выносить из дома и давать кому-нибудь такие хозяйственные предметы, как ножи, мешки и т. д. Уезжать куда-либо также запрещалось. По велению фолчи можно было проводить лечебные процедуры: «кайтарма» — изгнание болезни, «ботхоний» — против опухоли и др.

Ткачи райцентра Байсун считали вторник днем госпожи Расанды. В этот день женщины не пряли, т. к. ослушницу могла наказать Хозяйка дня. Жители кишлаков Чупок, Пушти Урдak, Авлод в этот день считали днем белизны. По их поверьям, даже близким родственникам нельзя было давать предметы белого цвета, а также запрещалось выносить из дома сахар, муку, молоко, белый материал. Обычай этот нарушался только в том случае, если внезапно умирал кто-то из близких и при этом необходимы были вещи белого цвета. Тогда брали из-под котла небольшое количество сажки и смешивали ее с тем, что нужно было отдать. Таким образом хотели приумножить богатство, а также уберечь скот от сглаза. Параллель такого обычая наблюдается в Индии, где детям сажкой мазали щеки или лоб от «дурного глаза» (Сингах, 1953, с. 169).

Для кунгратов кишлаков Акташ, Пулхоким, Кайрок вторник считался днем Биби Фатимы и Биби Зухро. В их честь приносили в жертву животных сизого цвета, но

только не рогатый скот. При заболеваниях в жертву приносили животных красного, желтого, белого цвета в зависимости от тяжести заболевания. Если же предполагалось, что больной при смерти, то в жертву приносили животное черной масти. Вторник считался днем «носоатли» — «непозволяющим», поэтому все срочные дела оставляли на другой день. Нельзя было также перекочевывать на другие пастбища.

Среда. Девиз среды: «Чоши пош» (тадж.) — «что собрал, то рассыпь». В среду, как и в день Биби Сешанбы, нельзя было заниматься стиркой, мыться, выезжать в дальний путь. При необходимости можно было только перекочевывать с юга на север. Разрешалось мыть голову только тем, у кого было четыре брата. Это связано с тем, что название среды происходит от персидского слова «чоршанба» — четыре. Ребенку, рожденному в среду, давали имя Чоршанби (Байсун и его окрестности).

Среда была также и «рузи тѣф» (тадж.) — днем целования праха священных мест (кишлаки Дербент, Сары-ассия, Кучкак). Верующие мусульмане с утра этого дня направлялись в сторону мазаров, где делали жертвоприношения и просили об излечении таких болезней, как «озок» — бородавки, «пес» — проказа, «шал» — паралич и др. Шейхи мазаров, прочитав молитвы-стихи из Корана, брали от прибывших «назр» — дань за чтение молитв, так что здесь девиз «чоши пош» — «что собрал, то рассыпь», то есть отдай служителю бога, полностью оправдывал свой смысл. Женщины просили у святого мазара исцеления от недугов, а те из них, у кого не было детей — ребенка. При этом они зажигали «чирок» — свечу, устанавливая ее на специально отведенном месте, — супе (возвышение из глины). Затем брали кусочек сухой глины с супы и уносили его домой для употребления с водой. Аналогичный обряд, согласно Г. П. Снесареву, восходит к домусульманской огнепоклоннической практике (Снесарев, 1969, с. 189).

У кунгратов кишлаков Шуроб, Паданг, Таскент, наоборот, среда являлась самым удобным днем для начинания всяких дел.

Четверг по праву считали «истинно женским днем», что подтверждает поговорка: «Кто обидит женщину в четверг, того бог накажет в аду во сто крат». В этот день каждый мужчина должен был угождать жене, дочери и другим родственницам. Поэтому мужчины в четверг выполняли любое поручение своих жен, если, конечно, оно

было исполнимо. Такая исполнительность мужчин вознаграждалась женами интимной близостью. При отказе от исполнения какого-либо поручения женщин, дух мужчины в загробном мире мучился в адском пламени. Мужчине необходимо было к тому же просить согласия жены на интимную связь. Если же он этого не сделал, то считалось, что в загробном мире ему придется держать ответ.

Четверг считался днем цирюльников и банщиков, так как мужчине перед сближением с женщиной необходимо было побриться и вымыться. Поэтому они вольно или невольно обращались к цирюльникам и банщикам. Банщики же и цирюльники обязаны были обслужить в этот день всех, кто к ним обращался, иначе считалось, что они берут грех на душу. Если муж не вымылся и не побрился, то жена вправе отказать ему в интимной близости.

По четвергам, как и в других местах Средней Азии, пряжи кишлаков Шатрут, Хандиза, Дугоба воздерживались от работы, дабы не рассердить патронессу пряж Биби Панджшанбу — Госпожу Четверг (Таджики Каратегина и Дарваза, 1968, с. 221).

Для кунгратов четверг считался благоприятным днем для проведения всех намеченных житейских и религиозных мероприятий. Таджики и узбеки долины Шерабад-дарьи, как и долины Паншир в Афганистане, четверг считали счастливым днем, так как «вино переносится в дом невесты» (Андреев, 1927, с. 42).

Пятница. По мусульманскому толкованию «Жумъа» — пятница является днем «озоду мурод» — свободным от всех работ. В 60-х годах на этот призыв ислама народ мало реагировал. После шестидневной рабочей недели трудящиеся отдыхали в воскресенье. И все же были верующие, ходившие по пятницам в мечеть для чтения молитвы «Жумъа намози» — пятничные молитвы. Религиозные люди не проводили в этот день различные ритуальные обряды: фолбини — гадание, бахший — шаманство, зажжения свечи и т. д. Не разрешалось читать молитвы у постели больного. Молитвы читались только при похоронных обрядах. Умершего в пятницу человека считали бийиший — райским, и на похоронной процессии собиралось очень много людей. По поверьям, душа умершего в этот день попадала прямо в рай. Если во время похорон шел дождь, то покойника считали почти что святым, мулла, читавший на поминках молитву, всегда упоминал об этом.

Женщинам запрещалось заниматься домашними делами, особенно шитьем. Считалось, если женщина с восходом солнца начинала шить одеяло, подушку или одежду, то она должна полностью закончить свою работу до захода солнца, в противном случае женщина, якобы, шила себе «кафан» — саван. В этом случае говорили «бурумур» — выкрой и умри, так как считалось, что незакончившая свою работу в скором времени умрет (кишлаки Дербент, Бибишин, Сарыассия).

Для кунгратов пятница была «соатсиз» — неблагоприятным днем для перекочевки. Родившемуся ребенку, как и у таджиков, давали имя Джума (мальчику) и Джумагуль (девочке).

Пятницу считали также днем змеиных укусов (центр Байсуна). По поверьям, в этот день любая змея могла укусить человека. Особенно боялись «сарик илон» — желтую змею, бывшую в действительности ужом. Ужа называли также «мусульманий» — мусульманский. Он, якобы, мог нанести смертельный укус. В другие же дни недели уж был предвестником увеличения семьи и приумножения богатства в хозяйстве. Если же уж поселялся в доме, то считалось, что из него ушли все нечистые силы: ажина, зиён, бало и т. д. Убивать ужа не позволялось, особенно в пятницу. Если же это все-таки случалось, то говорили что из хозяев кто-нибудь умрет... Чтобы этого не произошло, перед сенокосом или жатвой по полю проходил человек с палкой в руках и отпугивал пресмыкающихся.

Все вышеизложенные поверия были зафиксированы в конце 60-х годов среди населения Южного Узбекистана. В настоящее время эти обычаи почти забыты.

З. А. АРШАВСКАЯ

К ИЗУЧЕНИЮ ПОДЗЕМНЫХ СООРУЖЕНИЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

В истории зодчества Средней Азии определенное место занимают сооружения, вырубленные частично или полностью в мягких породах камня или лёсса, которые можно условно объединить как «подземные». Ареал их распространения и хронологические рамки возведения обширны, они разнохарактерны по функциям и планировочной структуре.

Исследования последних лет в Сурхандарьинской области выявили ряд аналогичных сооружений, которые вкупе с известными среднеазиатскими памятниками позволяют на начальной стадии обобщить имеющийся материал, охарактеризовать их классификацию и типологию, тем более, что в научной литературе пока еще отсутствуют сколько-нибудь обобщающие характеристики этих интересных сооружений¹.

Подземные сооружения в Средней Азии известны с эпохи бронзы и вплоть до начала XX в. По способу и месту возведения их можно разделить на следующие типы:

а) подземные сооружения, вырубленные в склоне горы или холма (храмы, жилые и хозяйственные помещения, погребения);

б) подземные или полуподземные сооружения со спуском (при помощи лестницы, дромоса) сверху, выкопанные на ровном месте (земляное жилище, катакомбы

¹ Как это сделано по памятникам Восточного Туркестана. См.: Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Пещерная культовая архитектура Восточного Туркестана. В сб.: Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока.— М., 1986, с. 81—125.

и подбойные погребения, ритуальные помещения — чилляхана);

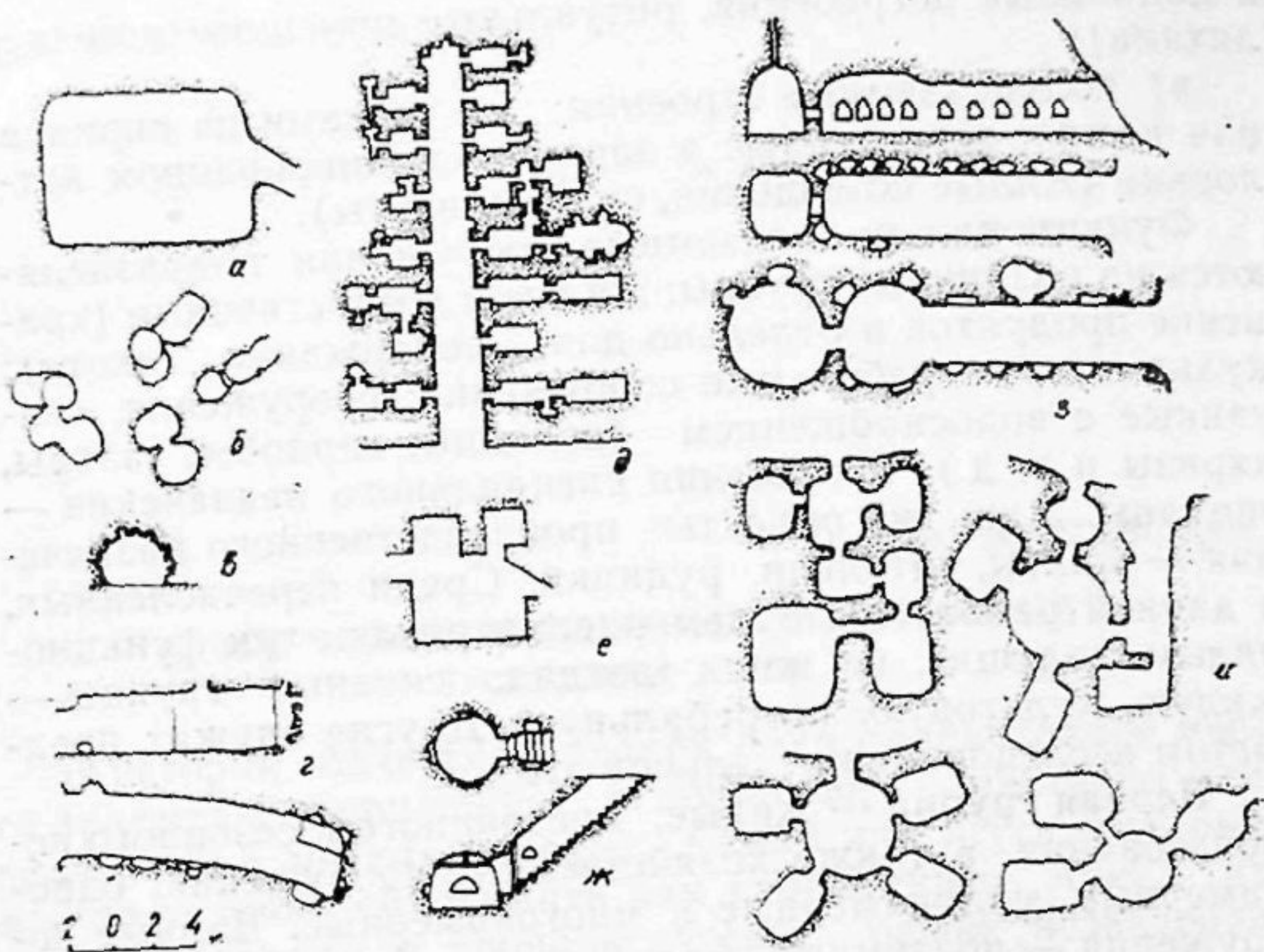
в) полуподземные строения со стенами из кирпича или камня, возведенные в заранее спланированном котловане (жилые помещения, склепы, наусы).

Функционально подземные сооружения подразделяются на различные группы: жилые и хозяйственные (хранение продуктов и отдельно для содержания скота); культовые; погребальные сооружения; сооружения, связанные с водоснабжением (колодцы, сардобы, тазары, кяризы и т. д.); помещения специального назначения — зинданы, а так же объекты производственного назначения — шахты, штольни, рудники. Среди перечисленных, в данной работе мы будем рассматривать три функционально ведущие, на наш взгляд, основные группы — жилую, культовую, погребальную. Другие служат предметом исследования отдельной статьи.

Первая группа — жилые; постоянного и сезонного использования, а также хозяйственные сооружения; однокамерные, малокамерные и многокамерные. Данные сооружения — подземные, полуподземные, заглубленные в грунт частично.

Подобный тип жилища известен хорошо с эпохи бронзы. В Хорезме отмечены однокомнатные прямоугольной и овальной формы в плане полуземлянки, заглубленные в землю до 1 м с крупными площадями: 120—180 м² (Тазабагьяб) (Толстов С. П., с. 50), в низовьях Зарафшана — 211,5 м² (Заманбаба) (Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарров А., с. 131). Наземная часть стен тазабагьябских жилищ сооружена из глины, дерева и камыша. В центре такого дома против входа находится неглубокая яма — центральный очаг. Вдоль стен много иных хозяйственных ям со следами кострищ.

В Ферганском Дальверзинтепе эпохи бронзы выявлена целая серия круглых ям — полуземлянок диаметром 2—2,3 м, одиночных, а также объединенных проходами в двух-трехкамерный объем. Стены их обмазаны или выложены кирпичом и камнем. По мнению В. И. Спришевского, меньшие из ям использовались для хранения продуктов. Рядом с полуземлянками — следы наземных, предположительно, овальных в плане, строений из камыша, которые вместе с жилыми полуподземными домами и хозяйственными ямами составляли один жилой комплекс (Спришевский В. И., с. 40—49). Ю. А. Заднепровский считает эти ямы только хозяйственными

Жилые подземные сооружения:

помещениями, ссылаясь на их весьма незначительные размеры (Заднепровский Ю. А., с. 85).

Дома туябугузских поселений в древнеташкентском оазисе IX—VII вв. до н. э. имеют различную степень заглубленности в землю — от 0,2 до 1,95 м. Здесь появляются и двухкамерные жилища (Дуке Х., с. 22).

Следы подземного типа жилищ предантичного времени зафиксированы в южных районах Средней Азии. Тамошатепе, V—II вв. до н. э. в Таджикистане: 34 по-

мещения и хозяйственные ямы полуземляночного характера прямоугольной и квадратной формы в плане расположены отдельными группами вокруг уплотненных площадок, одна из которых заглублена в землю на 1 м (Абдуллаев А., с. 38—47).

Подобный тип жилища сохранился в южных районах Средней Азии и в греко-бактрийское время. Существование полуземлянок на Дальверзинтепе датируется III—II вв. до н. э. Одинокaя камера площадью в 2,9 м², овaльнa в плане, заглублена на 0,5—0,6 м в материк, с коленчатым входом с восточной стороны, со следами углублений для столбов перекрытия и полуистлевшими камышовыми подстилками на полу. В этом сооружении усматривается жилище типа капа, со сферическим или двухскатным перекрытием из камыша или войлока, сохранившиеся до недавнего времени в районах Узбекистана и Таджикистана у полуоседлого населения (Ртвеладзе Э. В., 1978, с. 75).

В Тепай-Денистон — вторая половина I в. до н. э. — обнаружены пещерные помещения, в плане близкие к кругу. Их внутренние стены имели вертикальные прорезы, сделанные на равном расстоянии, имитирующие, по мнению автора, наземные строительные приемы — нарезки на блоки пахсовых стен (Денисов Е. П., с. 96—109).

Существование рассматриваемого типа жилищ наблюдается и в более позднее время. В основном, это пещерные сооружения с различным количеством помещений, в которых все четче просматриваются переносимые сюда черты наземной архитектуры.

Землянки VII—VIII вв., раскопанные в Нуреке, представляют собой пещерные помещения со сводчатыми перекрытиями коробового, стрельчатого очертания и нишами в стенах. Большинство из них хозяйственного назначения, а перед некоторыми существовали наземные жилые здания (Якубов О., с. 171).

Два подземных помещения домонгольского времени обнаружены археологами при раскопках жилого комплекса на городище Афрасиаб. Сведения о них крайне скудны, однако, приведенные чертежи дают представление о круглых в плане и юртообразных в разрезах камерах с тремя нишами по осям. Помещения вырыты на ровном месте, уровень пола одного из них на 5 м ниже земной поверхности. Вход в него ведет многоступенчатый дромос. Второе жилище тщательно оштукатуре-

но, напротив входа — декоративная ниша, вырезанная фестонами, наподобие створки раковины (К исторической топографии., с. 120).

В качестве примера средневековых жилищ можно привести примургабские пещерные памятники, обследованные и описанные многими исследователями (Пугаченкова Г. А., 1958; Юсупов Х.; Губаев А., Ляпин А.) Пещеры у Таш-Кепри и Тахта-Базара расположены в обрывистых склонах правого берега Мургаба в несколько ярусов на большой высоте. Объем — одиночные, парные камеры, соединенные с третьим, большим помещением. Перекрытия высечены в виде стрельчатых сводов, в щипцовой части переходящие в полукупола. Как отмечает Г. А. Пугаченкова, очертания сводчатых кривых сходны с мервскими в сырцовых домонгольских памятниках, и находки характерной керамики определяют датировку сооружений XII—XIII вв. (Пугаченкова Г. А., 1958, с. 75—76).

Пещеры Беш-дешик, а также группа пещер на западном берегу реки Кашан, притоке Мургаба, расположены на отвесных труднодоступных склонах реки, входы в них отмечены порталами и арками. Прикашанские пещеры вырублены на одном уровне, разветвлены и сообщаются между собой. Длина комнат около 10 м. (Губаев А., Ляпин А., Юсупов Х., с. 32—47).

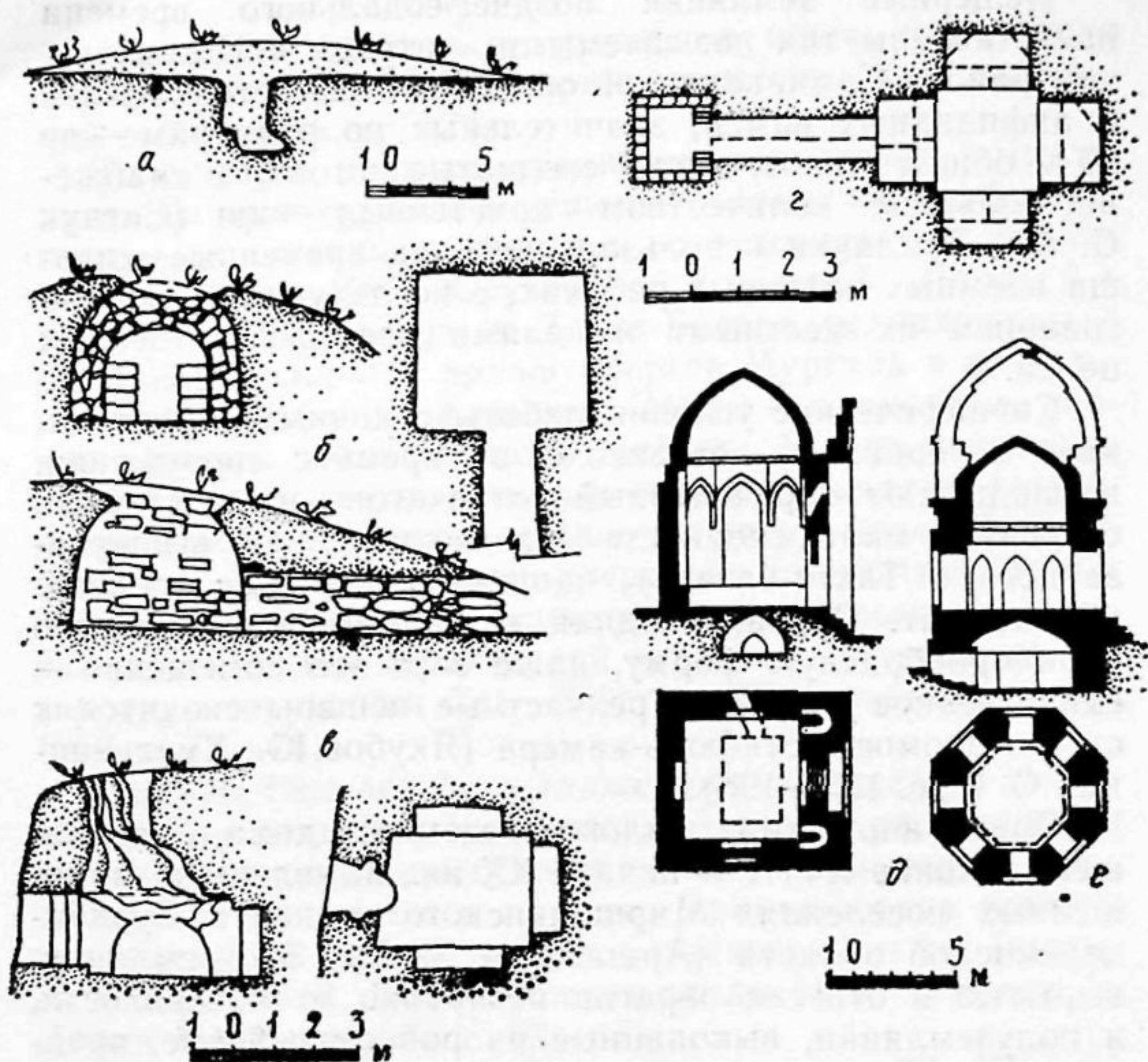
Среди прочих пещер Тахта-Базара (X—XI, XV вв.) привлекает внимание одна из них — Екедешик. Это огромное двухэтажное подземное сооружение с большим количеством комнат. Длинный центральный коридор по обе стороны в регулярном порядке размещает прямоугольные комнаты, некоторые из них снабжены дополнительно крохотными каморками с круглыми колодеобразными ямами. По предположению исследователей, здесь имели место помещения жилого, хозяйственного и культового назначения. Значительно внимание строителей к разработке интерьера средневекового подземного жилища: внутри пещеры высечены выступы в виде скамей или лежанок, стены-перегородки выкладывались из сырцового кирпича. В этом плане интересна одна из комнат. Она перекрыта куполом, основание которого подчеркивает арочный декоративный пояс, а в замке — имитация фонаря с вписанной в него стилизованной розеткой. На полях между нервюрами перекрытия — декоративное панно из стилизованных листьев. В углах комнаты — интересные декоративные колонны.

Пещерные землянки позднефеодалного времени представлены так называемыми «ертула» в Иштыханском районе Самаркандской области. Они состоят из 2—3 анфиладных камер, значительных по размерам — до 20 м общей длины, имеют сводчатые потолки и снабжены большим количеством пристенных ниш (Савчук С. А.). Землянки использовались как временные жилища наемных поденных рабочих, с последующим использованием их местными жителями для хозяйственных целей.

Специфические условия работы с данным строительным материалом, независимо от времени сооружения, накладывают определенный отпечаток на подземные строения: малокамерность (за исключением вышеуказанного в Тахта-базаре), чаще — анфиладное соединение комнат. Первая входная камера имеет вытянутую коридорообразную форму, даже если это помещение — единственное в доме. Трехчастные пещеры сводятся к схеме: дромос-вестибюль-камера (Якубов Ю., Хмельницкий С. Г., с. 183—198).

Следы иного типа жилого подземного дома, бытовавшего в конце XVIII — начале XX вв., выявлены в заброшенных поселениях Миршадинского оазиса в Сурхандарьинской области (Аршавская З. А.). Это землянки, вырытые в отвесах оврагов неглубоко от поверхности, и полуземлянки, выкопанные на ровном рельефе, представляющие развитую структуру подземной жилой ячейки — в одном доме до семи помещений различных размеров, живописно согласующихся между собой. Очертания комнат заovalенные или прямоугольные с закругленными углами. Перекрытия сводчатые, а в случае неглубокого заложения землянки, вероятно, по балкам. Судя по развитым планам, это были жилища постоянного типа. Большая вариантность схем свидетельствует о свободном творческом подходе к созданию жилища, что, несомненно, сближает его с наземным домом, более богатым разнообразием пластических решений.

Вторая группа — культовые сооружения. Сюда мы относим частично или полностью заглубленные в породу комплексы монастырей, святилищ, а также отдельные подземные помещения при наземных образованиях. Буддийский культовый центр, основанный на лёссовом холме Кара-тепе в I—II вв. н. э. в Старом Термезе, включает обширные открытые айванные дворы перед пещерными храмами с центральными святилищами и об-

Погребальные сооружения:

а) подбойный могильник б) ангрениский наус в) пещерный могильник Биттепа.
г) подземный склеп в Орджоникидзебадском районе Таджикской ССР. д, е) Склепы при мавзолеях Туглу-Текин и восьмигранник в Самаркандской Шахи-Зинда.

водными коридорами. Раскопки последних лет выявили ярусное строение комплекса: над пещерным храмом П-2 располагается второй этаж изолированной наземной постройки, спроектированной в лессовом котловане, дно и стенки которого выровнены сырцовым кирпичом. Перекрытие верхнего яруса балочное (Буддийские памятники..., с. 11—24).

В той же Сурхандарьинской области открыт уникальный, ранее неизвестный пещерный комплекс Кара-камар, представляющий собой группу крупных пещер, расположенных на прямоугольной площадке, искусственно вырубленной в горной породе мягкого песчаника. Исследования только начаты, однако по предварительным признакам можно судить о связи этих сооружений

с пока еще не определенным культовым ритуалом, а многочисленные надписи, испещряющие стены пещеры, выделяют в том числе древнебактрийские, позволяющие отнести существование комплекса к рубежу нашей эры (Ртвеладзе Э. В., Аршавская З. А., Шейко К. А.).

Крупные буддийские комплексы Фолади и Бамиан в соседнем Афганистане (V—VI вв. н. э.) представляют пещерные храмы, целиком вырубленные в отвесах скал в несколько ярусов. Они состоят из отдельных групп помещений, спланированных по фронту склона, объединенных в группы переходами (Dagens B; Tarzi L.)

При раскопках в Айртаме (Южный Узбекистан) в буддийском наземном здании I—II вв. н. э. выявлена полуподвальная келья. Стены и свод ее сооружены из жженого кирпича (Тургунов Б. А., 1973, с. 57—59).

К более позднему времени — XVI в. — относится предполагаемый христианский несторианский монастырь — комплекс отдельно расположенных пещерных камер в Шаартузском районе Таджикистана. При разнообразии вариантов их планировка сводится к общей схеме: прямой открытый сверху коридор, сводчатый входной вестибюль и следующее за ним на продольной оси основное помещение, часто слева от коридора имеется боковое хозяйственное помещение. Камеры снабжены суфами, нишами и очагами. Планы комнат прямоугольные, своды низкого подъема, очерчены уплощенной эллипсовидной кривой. Архитектурно-декоративное оформление крайне скупо. Интерес представляет перекрытие одного из помещений — куполок с изображением креста с расширенными лопастями (Атаханов Т. М., Хмельницкий С. Г., с. 187—204).

К культовым сооружениям относятся подземные комнаты для сорокадневного поста — чилляхана, распространенные в мусульманском зодчестве. Они могут входить в комплекс наземных сооружений, но также быть независимыми, отдельностоящими. Интерьеры их аскетичны, без декора.

Примером прикомплексной может служить чилляхана при мавзолее Кусам-ибн-Аббаса в некрополе Шахи-Зинда. Она построена в XI в, конструктивно связана с наземными строениями и первоначально имела балочное перекрытие, впоследствии замененное сводчатым (Немцева Н. Б., Шваб Ю. З., с. 35).

Чилляхана самостоятельного значения раскопана у селения Саят (XI—XII вв.). Помещения вырублены на

ровном рельефе. Вход сверху по узкой коридорообразной лестнице. Перекрытия сводчатые (Гулямова Э., 1973, с. 222—226).

Третья группа — погребальные сооружения. Как жилые, они фиксируются пределами широкого хронологического и географического диапазона. С эпохи бронзы распространяются погребения в катакомбных могильниках и ямах с подбоем, в частности, таковые изучались на территории Хорезма (Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскаров А., с. 122), Южного Таджикистана (Литвинский Б. А., Седов А. В., с. 80—81), Южного Узбекистана (Аскаров А. А., 1973, с. 42—70), а более позднего времени — I—II вв. до н. э. в Зерафшанской долине (Обельченко О. В., с. 97—176), I—II вв. до н. э. — в западной Фергане (Литвинский Б. А., 1973). Более совершенные сооружения подобного рода — подземные наусы — найденные на территории Ташкентского оазиса, датируются V—VI вв. н. э. Камеры выкапывались прямоугольными ямами на склоне холма с открытыми входными траншеями, длиной от 4,5 до 6,0 м. Их стены обложены каменными плитами, перекрытия сводчатые за счет постепенного напуска кладки (Агзамходжаев Т., с. 104—111).

Раннесредневековые захоронения в южных районах Средней Азии представлены иными видами. Могильные комплексы Биттепе в Сурхандарьинской области (VII—VIII вв. н. э.) и Курукатские захоронения в Таджикистане состоят из отдельных пещеровидных однокамерных склепов, вырубленных в лёссовом холме. В этих сооружениях начинает прослеживаться архитектурная обработка интерьера: П-образная рама, обрамляющая арочный вход в пещеру, ниши по сторонам прохода, крестовидный план одной из камер, образованный глубокими осевыми арочными нишами (Ртвеладзе Э. В., 1982; Негматов Н. Н.).

В средневековье погребальные сооружения разнообразятся вариантами. Комплекс подземных разновременных склепов в Орджоникидзеabadском районе Таджикской ССР включает три разновидности. Один из них полуподземный с выходом сводчатого перекрытия на поверхность (X—XII вв.). Строительство велось из жженого кирпича в заранее спланированном котловане. Второй склеп заглублен в землю полностью, спланирован на ровном рельефе (XVI—XV вв.). Оба сооружения имеют самостоятельное значение и не связаны с назем-

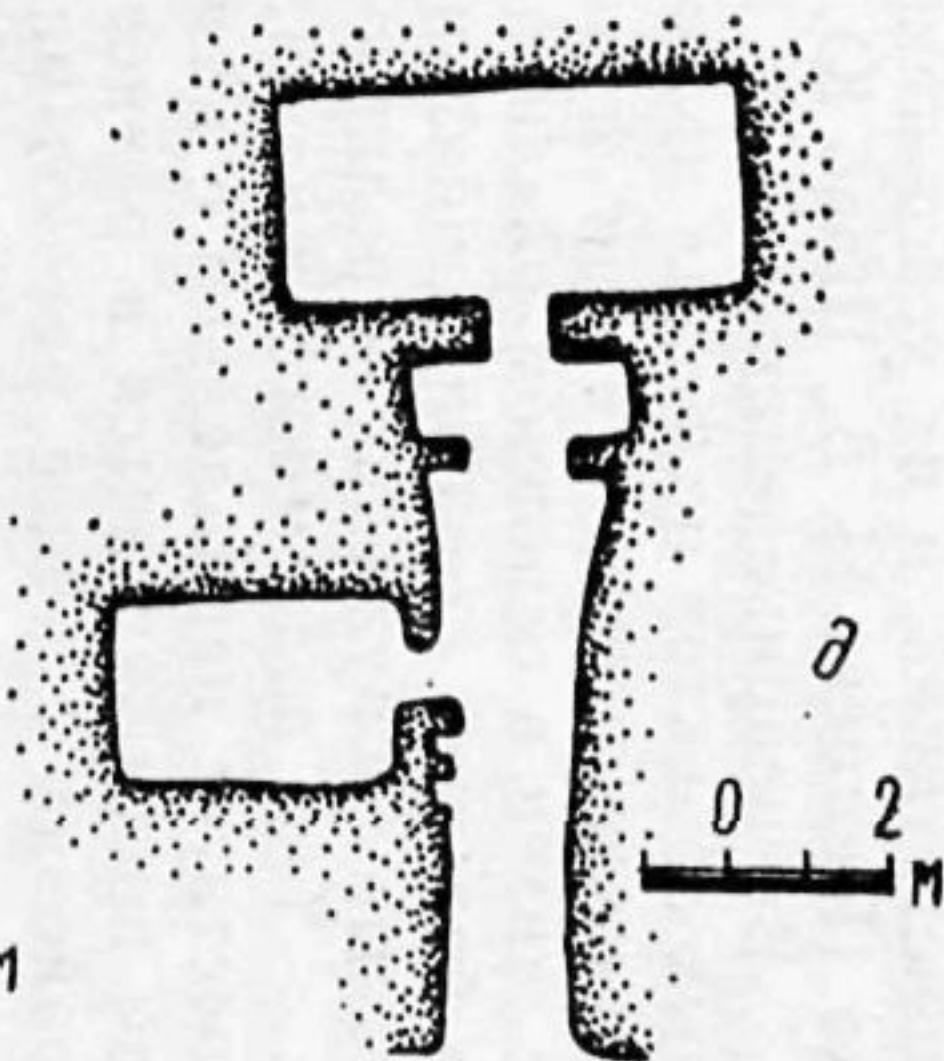
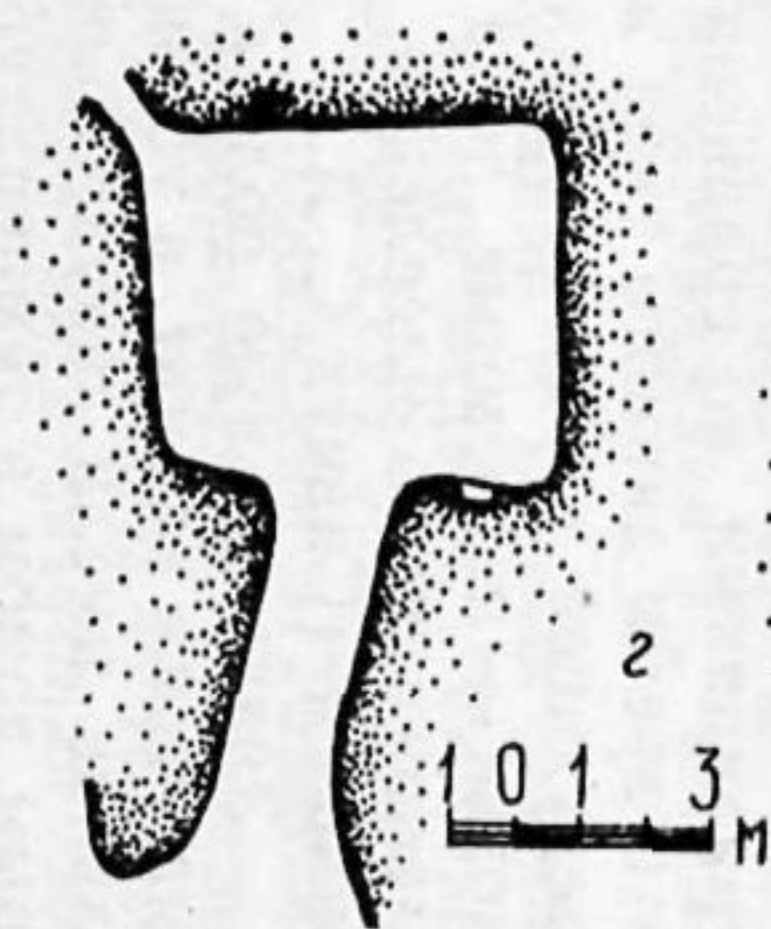
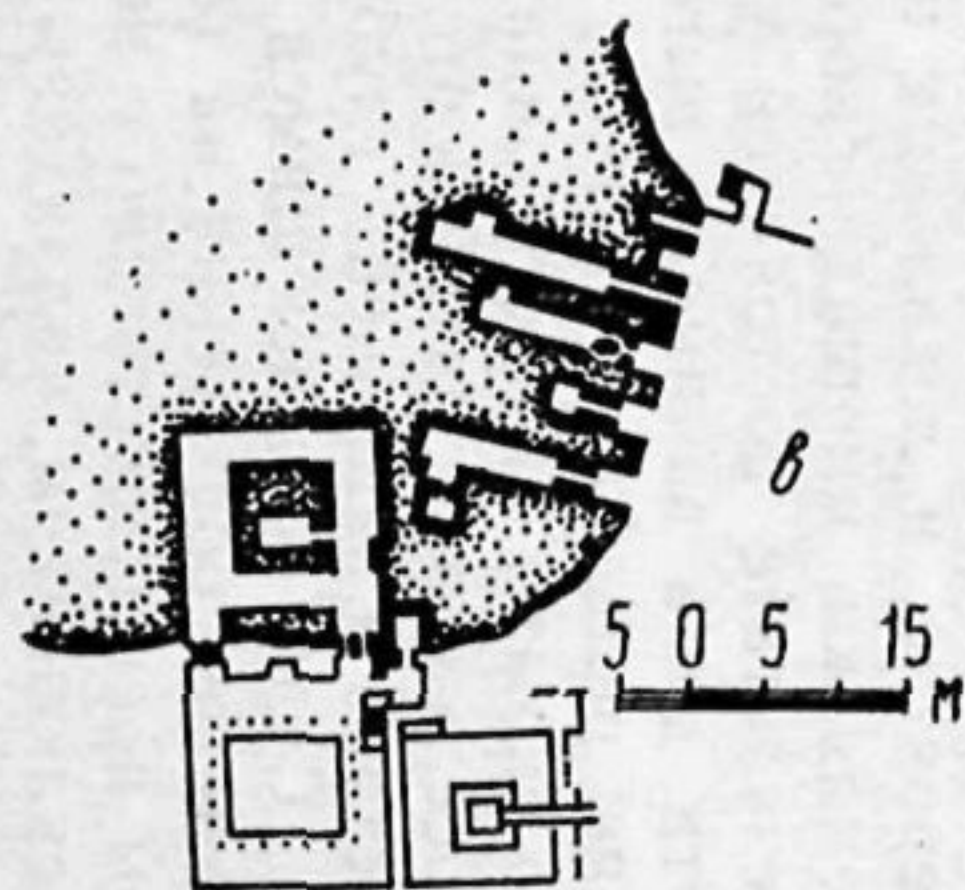
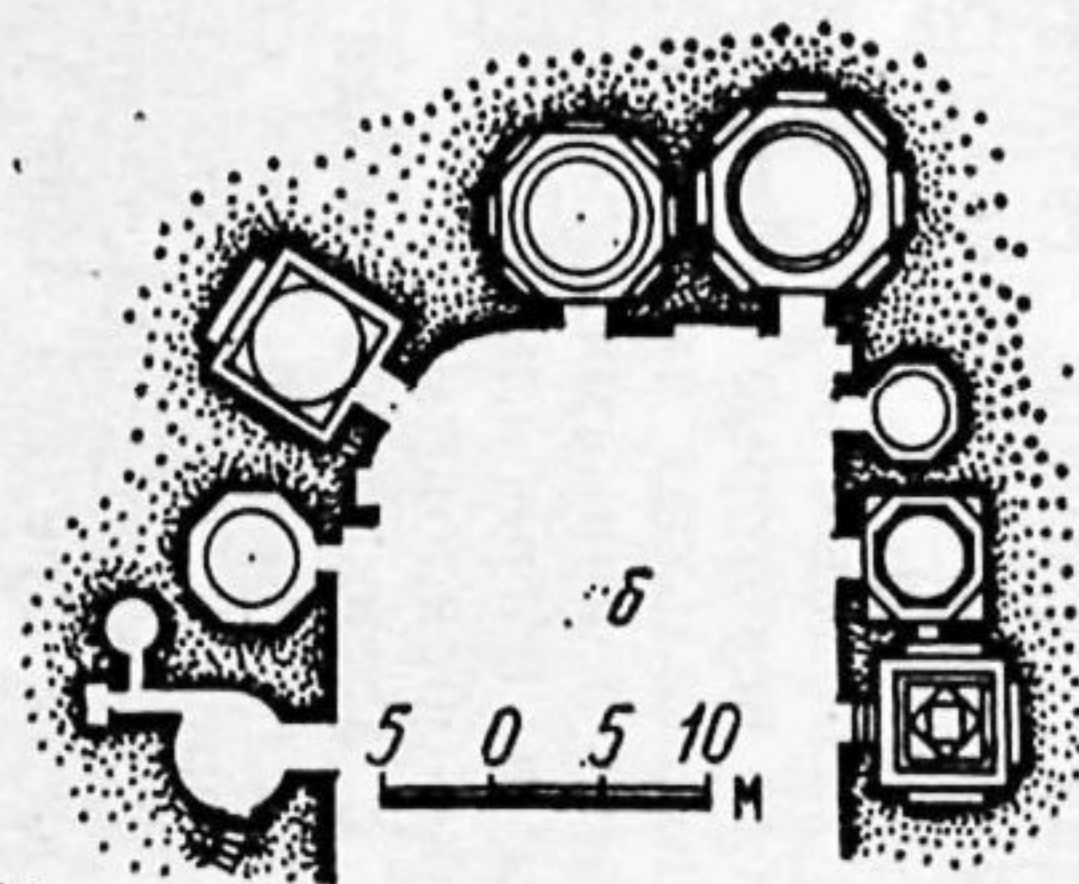
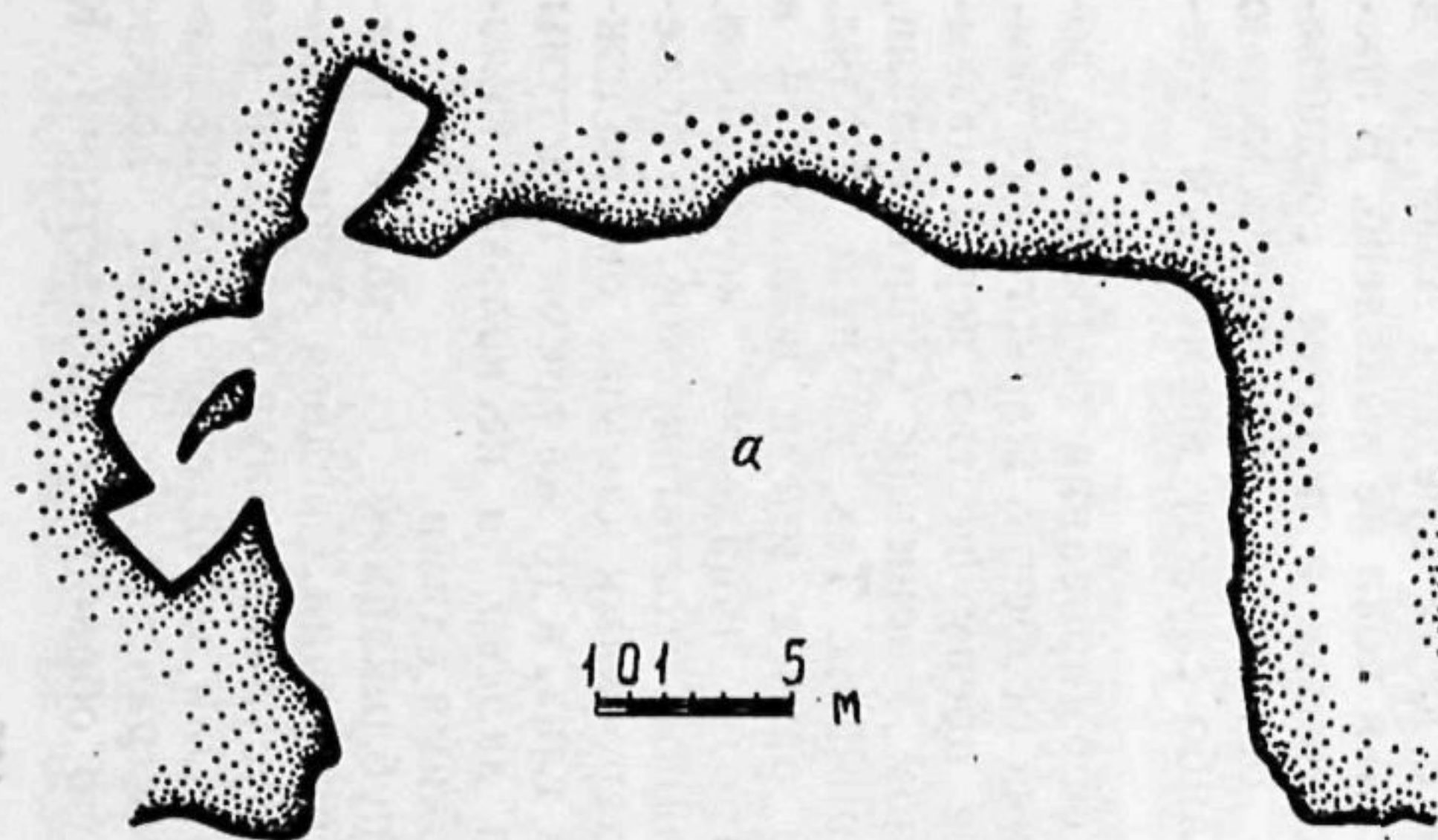
ным зданием мавзолея. Третий склеп, согласно архитектурному анализу, принадлежал несохранившейся наземной усыпальнице — прием, широко распространенный в мусульманском зодчестве Средней Азии (Якубов Ю., Хмельницкий С. Г., с. 183—199). В погребениях этого типа уже в конце XVI в. наряду с разнообразием и усложнением объемов, появляются интересные, довольно сложные решения перекрытий, соответствующие современному им уровню развития наземных сводчатых конструкций, и их усложняющаяся декоративная отделка (Немцева Н. Б., Шваб Ю. З., с. 80).

Вышеприведенный, хотя и неполный обзор подземных объектов позволил провести некоторые наблюдения. Прежде всего, все три функциональных типа вызваны к жизни в основном различными причинами: жилище — в большей степени социальными, погребальные и культовые сооружения — религиозно-обрядовыми.

Тип подземного жилища с древнейших времен существует параллельно с наземным, причем, более стойко прослеживается в раннее время (эпоха бронзы) в районах с менее развитыми культурно-хозяйственными традициями, по сравнению с югом Средней Азии, где в это время данного типа жилья пока не выявлено. В последующее время — средневековье и позднее средневековье — подземные дома остаются принадлежностью малоимущего населения, либо служат временным убежищем (Савчук С. А.).

Значительную роль в формировании подземного дома играл климат, в условиях особенно жаркого юга землянки имели значительное преимущество перед наземным домом в температурном отношении. Существовали, вероятно, и локальные причины. Так, на наш взгляд, землянки миршадинского оазиса могли возникнуть в результате постоянной угрозы нападения кочевников. Эти дома занимали выгодное стратегическое положение: рельефами оврагов, зарослями камыша они надежно скрыты от посторонних глаз, в то же время подступы поселка просматриваются далеко на несколько километров и защищены глубокими саями.

Судя по имеющимся публикациям, культовые подземные сооружения на территории Средней Азии связаны преимущественно с немусульманскими обрядами (за исключением, чилляханы). Они значительно больше жилищ развиты объемно-пространственно, имеют подчас усложненную декоративную обработку (монастыри). К

Культовые подземные сооружения:

а) пещеры Каракамар
 б) Фрагмент монастырского комплекса Бамиан в Афганистане.
 в) Фрагмент пещерного монастыря Каратепа в Термезе. з) Чилтан. д) одна из пещер предполагаемого несторианского монастыря в Таджикистане.

оформлению этих комплексов привлекались квалифицированные силы. В частности, в пещерных монастырях Бамиана и Фолады со скрупулезной точностью и совершенством имитированы в рельефах архитектурно-декоративные приемы наземных храмов.

Погребения хронологически развиваются от могильных грунтовых и катакомбных ям до подземных сооружений — бездекорных наусов, и далее, склепов с развитым архитектурным декором. Их разнообразие складывалось под влиянием историко-культурных и архитектурных традиций. Но, вероятно, более всего погребальная архитектура обязана особенностям обряда захоронения. Например, ташкентские наусы увязаны с ассуарным захоронением, а пещерные могильники Биттепе — с открытым трупоположением. На вскрытых подземных склепах Шахи-Зинда и других самаркандских мавзолеях прослежено поэтапное усложнение их архитектуры в зависимости от стадии развития обрядов. Так, склепы начала XIII—XIV вв., не рассчитанные на последующие посещения, имели небольшие камеры, не связанные ни конструктивно, ни планировочно с мавзолеями, интерьеры архитектурно не разработаны, а захоронения производились прямо на полу склепа. Дальнейшая эволюция склепов — конец XIV — начало XV вв. — связана с расширением их функций — здесь совершаются не только погребальные, но и поминальные обряды, а захоронения внутри склепа производятся в грунтовых ямах или каменных саркофагах. Подземные помещения конструктивно связаны с мавзолеями, усложняется их объемно-пространственное решение и декоративная обработка (Немцева Н. Б.).

Развиваясь от простого к сложному, несмотря на общую «пещерообразность» сооружений, здесь находят применение доступные формы, конструкции и материалы, заимствованные из наземного строительства: кладки сводов и стен из кирпича или камня, двухъярусная планировка, сочетание подземной и наземной частей сооружения, ганчевые штукатурки, применение традиционных наземных схем. Так, в планировке Каратепе используется композиция «зал с обводным кулуаром» — типологическая схема сооружений, известная в Бактрии и Восточной Парфии (Пугаченкова Г. А., 1973-а, с. 122). А в позднефеодальных миршадинских землянках сохраняется известный в древности планировочный принцип компа-

новки нескольких помещений вокруг центрального, распределительного (Аршавская З. А.).

Многие подземные сооружения несут и элементы наземных зданий. Так, примургабские пещеры имеют своды, аналогичные очертаниям перекрытий, хронологичным им сырцовым зданиям Мерва; монастырские пещеры Фолады и Бамиана несут ценнейшую информацию о несохранившихся в наземных системах деревянного перекрытия, которое здесь вырублено в камне в виде балочных кассетных потолков. Натуралистично имитируются также кирпичные купольные своды с переходными ярусами парусов и арочных ниш. Повторен в камне рельефный декор, в частности, чешуйчатая обработка стволов колонн в Фолады (V—VI вв.) аналогична известному во фрагментах оформлению деревянных балок на кушанском городище Дальверзинтепе (Пугаченкова Г. А., 1976, с. 196). В склепах Самарканда отражаются современные им архитектурно-конструктивные черты купольных наземных мавзолеев (Немцева Н. Б., Шваб Ю. З.).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ленин В. И. Уроки кризиса. ПСС, т. 5.
Ленин В. И. О сепаратном мире. ПСС, т. 30.
Абдуллаев А. Отчет о раскопках Тамошо-тепе в 1972 г. АРТ, вып. XII (1972), Душанбе, 1976.
Абдуллаев Б. И. Могильник Джаркутан.—ИМКУ, вып. 15. Ташкент, 1979.
Абдуллаев Б. И. Культура древнеземледельческих племен эпохи поздней бронзы Северной Бактрии.—Автореф. дис., канд. ист. наук, Новосибирск, 1980.
Абдуллаев К., Завьялов В. А. Буддийские мотивы в городской культуре Северной Бактрии.—ВДИ, 1985, № 4.
Абдуллаев К., Шейко К. Новые поступления терракотовых статуэток в Термезский краеведческий музей.—ОНУ, 1985.
Абурайхан Бируни. Избранные произведения. Т. 1. Памятники минувших поколений.—Ташкент, 1957.
Агзамходжаев Т. Подземные каменные наусы около г. Ангрена.—ИМКУ, вып. 7, Ташкент, 1966.
Ал-Истахри. Абу Исхак ал Истахри. Ал-Масалик ва-л-Машалик.—Каир, 1961.
Алишер Навои. Хамса.—Тошкент; «Уздавнашр», 1947.
Альбаум Л. И. Некоторые данные о разведках Сурхандарьинского Археологического отряда в 1952 году.—Архив Сурхандарьинского областного музея. Дело № 367.
Альбаум Л. И. Балалыктепе. К истории культуры и искусства Тохаристана.—Ташкент, 1960.
Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба.—Ташкент, 1975.
Аминджанова М. Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда.—ИМКУ, вып. 3. Ташкент, 1952.
Аминов А. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период).—Ташкент, 1959.
Аминов А., Бабаходжаев А. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России.—Ташкент, 1966.
Андреев М. С. По этнологии Афганистана. «Долина Пандшир» (Материалы из поездки в Афганистан в 1926 г.).—Ташкент, 1927.
Андреев М. С. Поездка летом 1928 г. в Касанский район (север Ферганы).—Ташкент, 1929.

Аннаев Т. Дж. Раскопки раннесредневековой усадьбы Куев-курган в Северном Тохаристане.— СА, 1984, № 2.

Аршавская З. А. Подземные жилища в Сурхандарьинской области.— АСУ, 1983, № 11.

Аршавская З. А., Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А. Средневековые памятники Сурхандарьи.— Ташкент: Изд-во им. Гафура Гуляма, 1982.

Аскарлов А. А. Сапалли-тепе.— Ташкент, 1973.

Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана.— Ташкент, 1977.

Аскарлов А. А., Абдуллаев Б. Н. Джаркутан.— Ташкент, 1983.

Астанакулов. Биография.— Фонды Сурхандарьинского областного краеведческого музея, 1957.

Атаханов Т. М., Хмельницкий С. Г. О работе Шаартузского археологического отряда в 1968—1970 гг.— АРТ, вып. X, М., 1973.

Атеистические чтения. Вып. 7.— М., 1975.

Бабаназаров Х. Автобиография.— Фонды Сурхандарьинского областного краеведческого музея.

Байхаки Абу-л-Фазл. История Масуда (1030—1041). Перевод А. К. Арендса.— М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1968.— с. 1007.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1.— М., 1963.

Беленицкий А. М. Историко-географический очерк Хутталля / МИА, 1950, № 15.

Беляева Т. В., Хакимов З. А. Древнебактрийские памятники Миршаде.— В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.

Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы.— М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1966.

Боданов О. П. Животные Узбекистана.— Ташкент, 1978.

Бругш. ...Русский вестник, 1870, т. 87, № 6.

Буддийские памятники. Кара-тепе в Старом Термезе.— М., 1982.

Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе.— М., 1972.

Бычков Д., Блинников А. Сурхандарьинская область.— Ташкент, 1970.

Вызго Т. С. Изображения музыкантов в коропластике Дальверзин-тепе.— В кн.: Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана. Т., 1978.

Вызго Т. С., Мешкерис В. А. Терракотовые фигурки музыкантов из Термеза.— ОНУ, 1983, № 2.

Вязьмитина М. И. Керамика Айртама времени кушанов // Труды ТАКЭ, т. II. Ташкент, 1945.

Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история.— М.: Наука, 1962.

Горностаев Г. Н. Насекомые СССР.— М.: 1970.

Губаев А., Ляпин А., Юсупов Х. Археологическая разведка в Тахтабазарском районе. В сб.: Каракульские древности, вып. VI — Ашхабад, 1978.

Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Заравшана. Труды Махандарьинского отряда Узбекстанской экспедиции АН УзССР, кн. II.— Ташкент, 1966.

Гулямова Э. Раскопки у селения Саят (Пархарский район).— АРТ. вып. X. М., 1973.

Гулямова Э. Стекло с городища Хульбук.— Известия АН ТаджССР. Сталинабад, 1961.

Гулистон, 1980, № 8.

Давидович Е. А. Термезский клад медных посеребренных дирхемов. 617/1220 г. // ЭВ.—1953,— VIII.

Давидович Е. А. Нумизматические материалы для истории развития феодальных отношений в Средней Азии при Саманидах // Труды АН ТаджССР,—1954,— т. 27.

Давидович Е. А. Ферганские Саманиды по нумизматическим данным // ЭВ.—1956,— XI.

Давидович Е. А. Саманидские монеты Кубы // СА,—1960.— № 2.

Давидович Е. А. Клад саганианских монет второй четверти XI в. как исторический источник. // Письменные памятники Востока. Ежегодник, 1968.— М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1970.

Давидович Е. А. Монеты Ферганы как источник для характеристики института феодальных пожалований за службу в Средней Азии X в. // «ППВ. Ежегодник. 1969» — М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1972.

Данияров У. Автобиография.— Фонды Сурхандарьинского областного краеведческого музея.

Денисов Е. П. Отчет о работе Дангаринского отряда.— АРТ, вып. XV, Душанбе, 1975.

Дмитриев Ю. Д., Пожарицкая Н. М. Твоя Красная книга.— М., 1983.

Дуке Х. Туябугузские поселения бургулюкской культуры.— Ташкент, 1982.

Завьялов В. А., Осипов В. И. Раскопки жилого комплекса на городище Зартепа в 1973 г.— В кн.: Бактрийские древности. Л., 1976.

Заднепровская Т. Н. Исследования Кара-тепе в Старом Термезе в 1971—1985 гг. Библиографический указатель.— В кн.: Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии (при ЮНЕСКО). Информационный бюллетень, вып. 2, М., 1987.

Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы.— М.-Л., 1962.

Закирова М. М. Положение крестьян в Денауском бекстве Бухарского ханства в конце XIX — начале XX вв.— Архив Сурхандарьинского областного краеведческого музея. Дело № 460.

Заповедные территории Узбекистана.— Ташкент, 1980.

Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры Термезского района.— В кн.: Культура Востока, т. 2, М., 1928.

Зеймаль Т. И. Вахшская долина в древности и в раннем средневековье.— Автореферат дис. канд. ист. наук.— Л., 1969.

Зеймаль Е. В. Монеты Таджикистана.— Душанбе, 1983.

Ибн-Ал Асир. Камил ат-Тарих.— МИТТ, т. I, М., 1939.

Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Еркурган.— Ташкент, 1984.

Искандеров Б. Н. О некоторых изменениях в экономике Восточной Бухары на рубеже XIX—XX вв.— Сталинабад, 1968.

Исхаков М. Х. Средневековые керамические штампы с городища Будрач.— СА, 1984, № 2.

Иакут ал-Хамави. Иакут ал-Хамави. Мус. джам ал-булдан. В 8-ми томах. Каир, 1906.

Кабанов С. К. Ареал и эволюция двух древних керамических форм.— СА, 1964, № 3.

Кара-тепе. Сборники 1—5 под ред. Б. Я. Ставиского.— М., 1964—1982.

Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана.— М., 1976.

Кастальский Б. Н. Историко-географический обзор Сурханской и Шерабадской долин.— Вестник ирригации. Ташкент, 1930, № 3, 4.

К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда.— Ташкент, 1981.

Климов Н. А. Автобиография.— Фонды Сурхандарьинского областного краеведческого музея.

Козловский В. А. Отчет о археологических раскопках на городище Старого Термеза.— Архив Сурхандарьинского областного краеведческого музея, б/н, 1974.

Копии протоколов заседания комитетов РКСМ Термезской комсомольской организации.— Фонды Сурхандарьинского областного краеведческого музея. 1919—1924.

Кори-Ниёзий. Улугбек ва унинг илмий мероси.— Узбекистон нашриёти, 1971. Ташкент.

Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть II (Караханиды) // ИМКУ,—1979, № 15.

Кочнев Б. Д. К идентификации некоторых раннекараханидских титулов и лакабов // История и археология Средней Азии. Ашхабад: «Ылым». 1978.

Кочнев Б. Д. Термез и Караханиды // Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии, Ташкент, 1985.

Красная книга Узбекской ССР, т. I.— Ташкент, 1983.

Красная книга Узбекской ССР, т. II.— Ташкент, 1984.

Красная книга СССР. Т. I.— М., 1984.

Кругликова И. Т. Дильберджин — кушанский город в Северном Афганистане.— В кн.: Археология Старого и Нового Света. М.: 1952.

Кругликова И. Т. Настенные росписи Дильберджина. В кн.: Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969—1973 гг.— М.: 1976.

Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин.— М.: 1977.

Кругликова И. Т. Буддийское святилище.— В кн.: Дильберджин, ч. 2, М.: 1977.

Лагофет Д. Н. На границах Средней Азии (путевые заметки в 3-х книгах). Книга 2.— С-Петербург, 1909.

Лагофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. II.— С-Петербург, 1911.

Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы.— М., 1973.

Литвинский Б. А., Мухитдинов Х. Античное городище Саксанохур.— СА, 1969, № 3.

Литвинский Б. А. Северная надпись в Варухском ущелье // КСИИМК, 1956, № 16.

Литвинский Б. А., Седов А. В., Тепан-Шах. Культура и связи Кушанской Бактрии.— М., 1983.

Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана.— М., 1985.

Лунин Б. В. Библиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана, т. II.— Ташкент, 1979.

Лунина С. Б. Города Южного Согда в VIII—XII вв.— Ташкент, 1984.

Маитдинова Г. К истории одежды населения Средней Азии.— ОНУ, 1986.

Мандельштам А. М. Кочевники по пути в Индию.— МИА, № 136, М.-Л., 1, 1966.

Массон М. Е. Скульптура Айртама.— Искусство, 1935, № 2.

Массон М. Е. Городища Старого Термеза и их изучение.— В кн.: Труды Узбекстанского филиала АН СССР. Серия I. История, археология. Вып. 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г. Ташкент, 1940—1941.

Массон М. Е. Надписи на штурке из археологического ансамбля у мавзолея Хаким-и Термези // Тр. ТашГУ. Археология Средней Азии, 1960, V.

Массон М. Е. Из воспоминаний среднеазиатского археолога.— Ташкент, 1976.

Мухитдинов Х. Гончарный квартал городища Саксанохур.— Известия отделения общественных наук АН ТаджССР, 1968.

Навоий А. Хамса.— Ташкент, 1947.

Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад-ан Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны.— Баку: изд-во «Элм», 1973.

Научные работники СССР. т. IV. Научные работники Москвы.— Л., 1930.

Негматов Н. Н. Некоторые итоги и перспективы археологии Северного Таджикистана в связи с созданием СТАКЭ. Краткие результаты работ 1947 г.— АРТ., вып. XIV, Душанбе, 1979.

Некрасова Е. Г. Древняя керамика Шерабадского оазиса.— В кн.: Бактрийские древности. Л., 1976.

Некрасова Е. Г., Пугаченкова Г. А. Керамика Дальверзин-тепе.— В кн.: Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана, Ташкент, 1978.

Немцева Н. Б. Новая интерпретация так называемого мавзолея Қазы-заде Руми в ансамбле Шахи-Зинда.— СА. 1981, № 4.

Немцева Н. Б., Шваб Ю. З. Ансамбль Шахи-Зинда.— Ташкент, 1979.

Наршахи М. История Бухары. Перевод Л. Лыкошина.— Ташкент, 1897.

Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или четыре беседы.— М.: Изд-во восточной литературы, 1963.

Нильсен В. А. Архитектура Средней Азии V—VIII вв.— Ташкент: Изд-во «Наука», 1966.

Обельченко О. В. Лявандакский могильник.— ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961.

Отчет о работе В. Н. Сухотинова (Док. № 9. л. 1).

Отчет о работе Сурхандарьинского областного краеведческого музея.— Термез, 1987.

Парфенов Г. В. Из истории создания музея в г. Термезе.— Архив Сурхандарьинского областного краеведческого музея. Дело № 108, 1940.

Пидаев Ш. Р. Население кушанского времени Северной Бактрии.— Ташкент, 1976.

Пидаев Ш. Р. Керамика Джига-тепе (из раскопок 1976 г.).— В кн.: Древняя Бактрия, вып. 3. М., 1984.

Пиотровский Б. Б. Список монет из раскопа на Чингиз-тепе (док. № 16).

Пиотровский Б. Б. Раскопки на Чингиз-тепе // Труды Узбекского филиала АН СССР. Серия I. История. Археология. Вып. 2. Термезская археологическая комплексная экспедиция. 1936 г. Ташкент, 1940 (1941).

Пронштейн А. П., Кияшко В. Я. Вспомогательные исторические дисциплины.— М., 1973.

Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана.— Ташкент, 1960.

Пугаченкова Г. А. Археологическая рекогносцировка области Мургаба (из работ ЮТАКЭ).— ИАН ТССР, № 6, 1958.

Пугаченкова Г. А. Искусство зодчих Узбекистана.— Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1963.

Пугаченкова Г. А. Об одной группе лепных терракотовых статуэток Тохаристана.— В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965.

Пугаченкова Г. А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии.— Ташкент, 1966.

Пугаченкова Г. А. Материалы по коропластике Бактрии — Тохаристана.— В кн.: Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967.

Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна.— М., 1971.

Пугаченкова Г. А. Новый памятник древнебактрийской культуры.— В кн.: Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1972, вып. I.

Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии.— В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.

Пугаченкова Г. А. 1973а. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и Восточной Парфии.— ВДИ, 1973.

Пугаченкова Г. А. О культах Бактрии в свете археологии.— ВДИ, 1974, № 1.

Пугаченкова Г. А. Термез. Шахрисябз. Хива.— М.: «Искусство», 1976.

Пугаченкова Г. А. Дом ремесленника.— В кн.: Дильберджин. ч. 2. М., 1977.

Пугаченкова Г. А. Большой дом.— В кн.: Дильберджин, ч. 2, М., 1977.

Пугаченкова Г. А. Геракл в Бактрии.— ВДИ, 1977, № 2.

Пугаченкова Г. А. Дальверзин-тепе и некоторые общие вопросы истории культуры Северной Бактрии.— В кн.: Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.

Пугаченкова Г. А. Квартал керамистов (ДТ-а).— В кн.: Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.

Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи Кушан.— М., 1973.

Пчелина Е. Г. Начало работы по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Термезе.— В кн.: Т. В. Грек, Е. Г. Пчелина, Б. Я. Ставиский. Кара-тепе — пещерный буддийский монастырь в Старом Термезе. М., 1964.

Рахманов У. Об орнаментации керамики с поселения Джар-кутан.— ИМКУ, вып. 17, Ташкент, 1982.

Рахманов У. Керамическое производство эпохи бронзы Южного Узбекистана.— Автореферат дис. канд. ист. наук.

Ртвеладзе Э. В. Храм в северной части Дальверзин-тепе.— В кн.: Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.

Ртвеладзе Э. В. Саганианские медные фельсы Мухтаджидов X в. // Средневековый Восток.— М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1980.

Ртвеладзе Э. В. Новые материалы из Чаганиана.— АСУ, 1982, № 6.

Ртвеладзе Э. В., Пидаев Ш. Р. Каталог древних монет Южного Узбекистана.— Ташкент, 1981.

Ртвеладзе Э. В. К биографии Фаррухи // Художественная культура Средней Азии IX—XIII вв.— Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1983.

Ртвеладзе Э. В. К истории денежного обращения в Саганийане VIII — начале XIII вв. / ЭВ, 1985, XXIII.

Ртвеладзе Э. В., Аршавская З. А., Шейко К. А. Пещерный комплекс Кара-камар.— АСУ, 1988, № 8.

Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А. Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии // К истории античной культуры Узбекистана.— Ташкент, 1973.

Сагдуллаев А. С. Культура Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы и раннего железа.— Автореферат дис. канд. ист. наук. Л., 1978.

Сагдуллаев А. С. Древнеземледельческие поселения предгорий Байсунтау.— В кн.: История и археология Средней Азии. Ашхабад. 1978.

Самани. Абу Соа'д Абдалкарим ибн Мухаммад ас-Самани Асе Ансаб. Изд. Абдаррахмана Асе-Муаллими ал-йамани. В 12-ти томах. Бейрут, 1980—82.

Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана.— М., 1977.

Сафа. Тарихи Адаббийет ва Иран-Техерон, 1332 г. х.

Семенов А. А. Происхождение термезских сейидов и их древняя усыпальница «Султан Саодат» // ПТКЛА, 1914 год XIX.

Семенов А. А. К вопросу о происхождении династии Саманидов // Тр. ИИАЭ АН ТаджССР, т. XVII, 1954.

Сингах М. Угнетенные касты Индии.— М., 1953.

Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма.— М., 1969.

Ставиский Б. Я. Средняя Азия, Индия, Рим.— В кн.: Индия в Древности. М., 1964.

Советская археологическая литература. Библиография 1918—1940.— М.-Л., 1965.

Ставиский Б. Я. Четверть века на Каратепе.— Ташкент, 1986.

Сухарева О. А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков.— М., 1975.

Сухарева О. А. Ислам в Узбекистане.— Ташкент, 1960.

Сычева Н. С. Керамика Кара-тепе.— В кн.: Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1975.

Савчук С. А. Ертула в Иштыханском и Кошрабадском районах Самаркандской области.— АСУ, 1982, № 9.

Табеев И. М. Автобиография.— Фонды Сурхандарьинского областного краеведческого музея. 1967.

Табеев И. М. Воспоминания, автобиография.— Фонды Сурхандарьинского областного краеведческого музея. 1973.

Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. I.— Душанбе, 1968.

Толстов В. Ф. Воспоминания.— Фонды Сурхандарьинского областного краеведческого музея. 1982.

Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта.— М., 1962.

Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства.— М.-Л., 1940.

Трудиновская С. А. Стекло с городища Шах-Сенем.— ТХАЭЭ, т. II. 1958.

Тургунов Б. А. К изучению Айртама.— В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.

Тургунов Б. А. Раскопки на Дальверзин-тепе.— АО 1983 года. М., 1985.

Тургунов Б. А. В Узбекистане найден буддийский храм.— Наука и жизнь, 1985, № 7.

Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце X — начале XI вв. // НЭ, 1972.

Федоров М. Н. Нумизматические данные к истории Саганий-ана // ИМКУ, 1969, № 8.

Фотокопия списков членов Термезской городской организации РКСМ.— Фонды Сурхандарьинского областного краеведческого музея.

Хакимов З. А., Шваб Ю. З. Султан Соадат // Искусство зодчих Узбекистана, 1969, № 4.

Хакимов З. А. Памятники архитектуры в Южном Узбекистане // Художественная культура Средней Азии IX—XIII веков. Ташкент. Изд-во литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1983.

Халияров Х., Бычков Д., Блинников А. Сурхандарьинская область.— Ташкент, 1974.

Ходжайов Т. К. К палеоантропологии древнего Узбекистана.— Ташкент: ФАН, 1980.

Ходжаниязов Т. Денежное обращение в государстве великих сельджуков.— Ашхабад: «Ылым», 1977.

Хосрав Дахлеви. Избранное.— Ташкент, 1980.

Хусайини. Садр ад-Дин Али ал-Хусайини. Ахбар ад-Даулат ал-Сельджукийя. Издание текста, перевод, введение, примечание и приложение З. М. Буниятова.— М.: Главная редакция восточной литературы, 1980.

Шишкин В. А. Курган и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза.— ТТАКЭ, т. II, 1945.

Шишкина Г. В. Эллинистическая керамика Афрасиаба.— С. А. 1975, № 2.

Шишкина Г. В. Ремесленная продукция средневекового Согда.— Ташкент, 1986.

Шеголев О. Н. Исследования Кара-тепе в 1961—1970 гг. в освещении печати. Аннотированная библиография // Буддийский культовый центр на Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972.

Юсупов Х. Археологические исследования Тахта-базарского района. В сб.: Каракумские древности. Вып. V.— Ашхабад, 1977.

Юный натуралист, 1985, № 2.

Якубов О. О работах Нурекского отряда в 1972 г. на пещерных средневековых памятниках.— АРТ, вып. XII, Душанбе, 1946 г.

Якубов Ю., Хмельницкий С. Г. Археологические исследования в Орджоникидзеabadском районе в 1972.— АРТ, вып. XII, Душанбе, 1976.

Bernard P. Campagne de fouilles à Ai-Khanoum en Afghanistan. CRAIBL, 1970, p. 339

Bosworth C. E. The rulers of Chaghaniyan in Early Islamic Times. // Journal of Persian Studies, — 1981.

Browne. A literary History of Persian, vol. I. — Cambridge 1929.

Carl J. Fouilles dans le site de Shahr — I Banu et sondage au Zakertepe. MDAFA, VIII, Paris, 1959.

Chahar Maqala: Persian text (Ed. a annot. by Mirsa Muhammad ibn Abdu' l — Wahhab Caswin (GMS; vol. II)-Leiden-London, 1910.

Dagens B. Fragment de sculpture inédits. MDAFA, t XIX, Paris, 1964.

Dagens B. Monastères rupestres de la vallée de Foladi—MDAFA. Paris, 1964, t XIX.

Fasmer R. Beiträge zur muchammedaischen Münzkunde // Numismatische Zeitschrift, 58—Berlin, 1925—s.

Fischer K. Gandharan Sculpture from Kunduz and Environs. «Artibus Asiae», vol. XXI, 1968.

Fischer K. Neue Funde und Forschungen zur indische Kunst in Arachosien, Baktrien und Gandhara. Der Archeologische Anzeiger, 72, 1957.

Gardin J. C. Céramiques de Bactres. MDAFA, t. XV, Paris, 1957.

Mizuno Seuchi. Chagalag-tepe, Fortified village in North Afghanistan excavation in 1964 — 1967, Kyoto-Univ, 1970.

Rosenfield M. The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley and Los Angeles, 1967.

Smith V. A. Catalogue of the Coins in the Indian Museum, Calcutta. Oxford, 1906.

Schlumberger D., Le Berre M., Fusman G. Surkh Kotal en Bactriane. MDAFA t. XXXV. Paris, 1983.

Tabakat-i Nasiri. vol. I, By H. C. Raverty. — London, 1881.

Tarzi Z. L'architecture et la décoration rupestre des grottes de Bamiyan. Paris, 1977.

Whitehead R. B. Catalogue of coins in the Panjab Museum, Lahor. Oxford, 1914.

Zambauer E. Die Münzprägungen des Islams. Wiesbaden, — 1968.

СОДЕРЖАНИЕ

Х. К. Саидов. Из истории деятельности Сурхандарьинского краеведческого музея	3
--	---

АРХЕОЛОГИЯ И ИСКУССТВО

А. С. Сагдуллаев. К изучению поселения Муллали	8
Г. А. Пугаченкова. Образы божеств в скульптуре Тохаристана времени кушан	20
Ш. Р. Пидаев. Эволюция двух форм керамики Древней Бактрии	43
В. А. Козловский, К. А. Шейко. Раскопки «Кургана» на городище Старого Термеза	52
Н. Г. Скугарова. К изучению безымянного тепа в Ангорском районе	63
Б. Я. Ставиский. К предыстории археологического изучения Каратепы в Старом Термезе (работы лета 1936 года)	70
Б. Д. Кочнев. Клад позднекараханидских дирхемов из Термеза	77
Е. Г. Некрасова, В. М. Филимонов. Ханак в ансамбле Султан-Саодат	86

ИСТОРИЯ

Э. В. Ртвеладзе. К истории Северного Тохаристана в IX — начале XIII вв.	93
Ш. С. Камалиддинов. Сам'ани и его сведения о Термезе	113
К. А. Шейко. Из истории присоединения Термеза к России	117
С. М. Мейлибаева. Рождение и мужание комсомольской организации в Сурхандарье (по материалам фондов Сурхандарьинского областного краеведческого музея)	133

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ И ЭТНОГРАФИЯ

<i>Т. В. Минуллина.</i> Об опыте построения экспозиции выставки «Растения и животный мир Сурхандарьи, занесенные в Красную книгу»	141
<i>Ш. Устаев.</i> Дни недели в поверьях народов Южного Узбекистана	146
<i>З. А. Аршавская.</i> К изучению подземных сооружений в Средней Азии.	156

*Сурхандарьинский областной
краеведческий музей*

КРАЕВЕДЕНИЕ СУРХАНДАРЬИ

Художник Н. Х а к и м о в
Худож. редактор А. Дехканходжаев
Техн. редактор С. С а б и р о в а
Корректор С. Б р а с л а в с к и й

ИБ 4935

Сдано в набор 03. 03. 89. Подписано в печать 04. 08. 89.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 9,45. Усл. кр.-отт. 9,66.
Уч.- изд. л. 9,65. Тираж 1000. Заказ № 78. Цена 2 руб.

Издательство «Узбекистан». 700129, Ташкент, Навои, 30.
Изд. № 69—88. Заказное.

Типография № 1 Ташкентского полиграфического про-
изводственного объединения «Матбуот» Государствен-
ного комитета УзССР по делам издательств, полигра-
фии и книжной торговли. 700002, Ташкент,
ул. Хамзы, 21.

